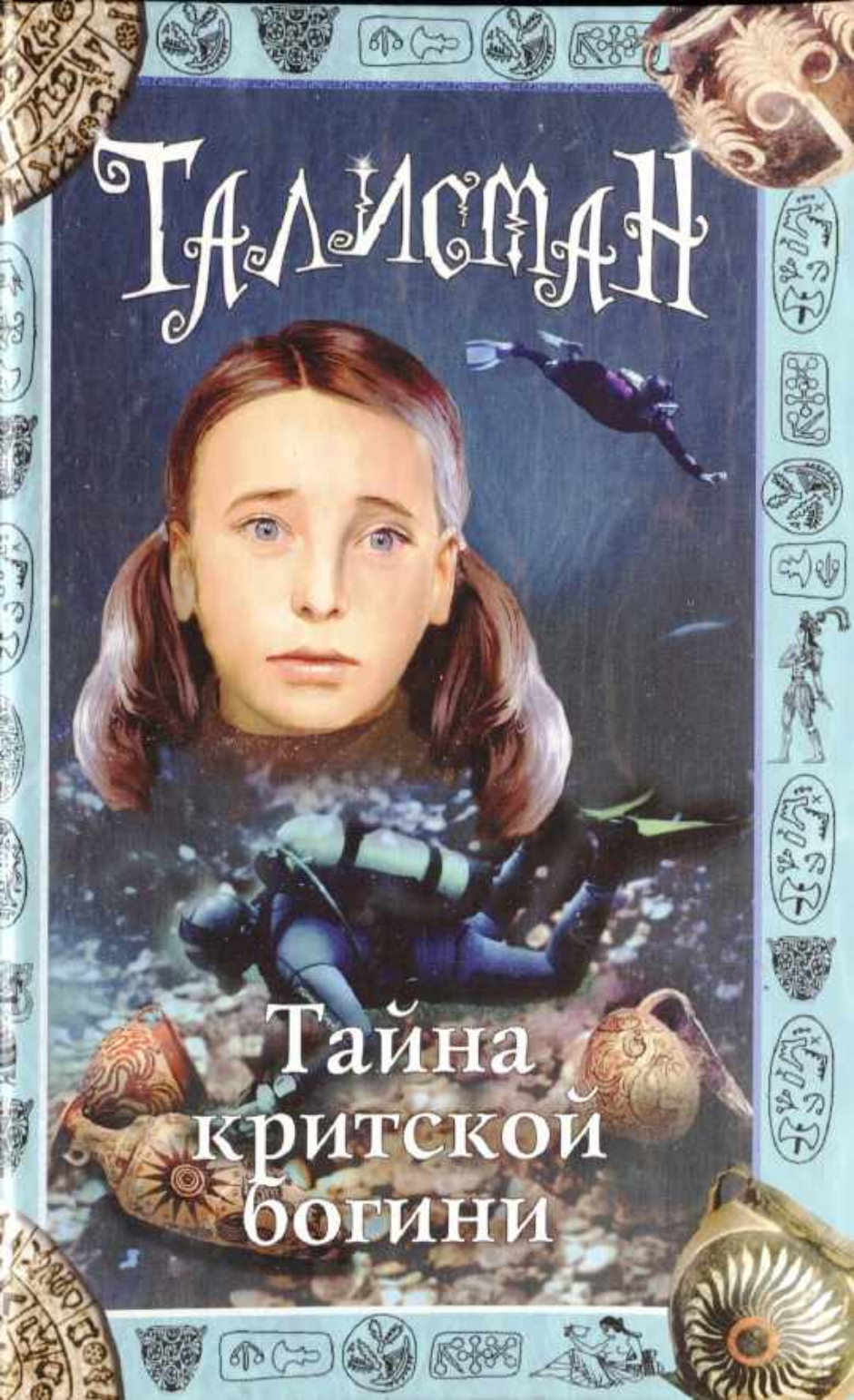

ТАЛИСМАН

Тайна
критской
богини

1432

Приключения Оли Кристи и ее друга Джоша
продолжаются.

В поисках очередного Лунного талисмана ребята от-
правляются на остров Крит. Корабль, на котором они
плывут, терпит кораблекрушение и вместе с местной
девушкой-археологом любознательных следопытов
выбрасывает на пустынный остров.

Прежде чем их спасут, Оли и Джошу предстоит пере-
жить немало испытаний и приключений.

Книги серии:
ТАИНА ЕГИПЕТСКОЙ ГРОБНИЦЫ
ТАИНА СВЯЩЕННОЙ ГОРЫ
ТАИНА ХРАМА ИНКОВ
ТАИНА ДРЕВНЕГО СВИТКА
ТАИНА ПРОРОЧЕСТВА ДА ВИНЧИ
ТАИНА КУРГАНА АМАЗОНОК
ТАИНА КРИТСКОЙ БОГИНИ

ТАЛИСМАН

Тайна критской
богини

ТАЛИСМАН

Тайна
критской
богини

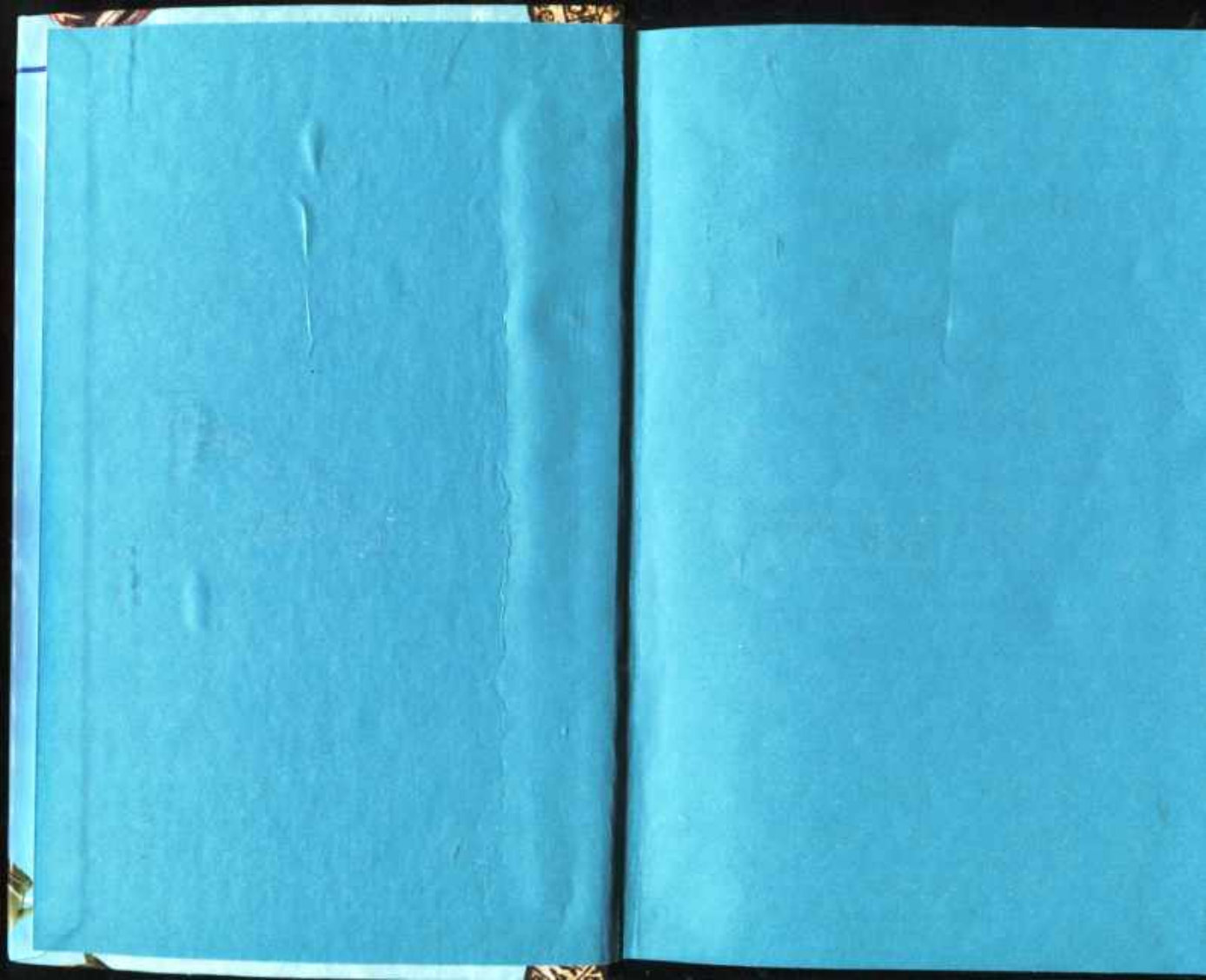

ОЛМА
медиа группа

ISBN 978-5-979-03103-5

9 785373 031035

ТАЛИСМАН

Тайна критской богини

МОСКВА
ОЛМА Медиа Групп
2010

УДК 82-511.3-053.2
ББК 84.4
Д42

Художник Елена Казанцева

Оформление переплета *Сергей Шавелев*

Джонс А.Ф.
Тайна критской богини. — М.: ОЛМА Медиа Групп,
2009. — 286 с.: ил. — (Талисман).
ISBN 978-5-973-03103-5

Приключения Олли Кристи и ее друга Джоша продолжатся.
В поисках очередного Лунного талисмана ребята отправляются на остров Крит. Корабль, на котором они плывут, терпит кораблекрушение и вместе с местной девушкой-археологом любовательных следы выбрасывает на пустынный остров. Прежде, чем их спасут, Олли и Джошу предстоит пережить немало испытаний и приключений

УДК 82-511.3-053.2
ББК 84.4

ISBN 978-5-973-03103-5

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»,
издание, оформление, 2010

Пролог

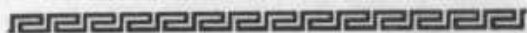
Оливия Кристи и ее лучший друг, Джош Уэллз, стоя в порту, смотрели, как грузовики один за другим заползают в недра громадного парома.

— Сорок восьмой! — сказал Джош.

— Пятидесятый! — возразила Олли. — И шестьдесят пять легковушек. Я загадала, что если их окажется больше двухсот...

— Оглянись назад, — посоветовал Джош.

Олли оглянулась: две гигантские змеи, пыхтящие и сигналившие, извивались и исчезали за зданиями морского вокзала и складов. Одна, пестрая и нарядная, состояла из

легковых машин. Вторая, потемнее и погрязнее, — из грузовиков.

— А что ты загадала? — спросил Джош.

— Найти на Крите очередной лунный талисман...

— Тогда ты их найдешь штук десять, — уверил Джош. — Если мы только доплывем до Крита... Думаешь, паром все это выдержит?

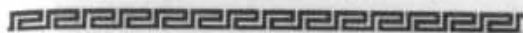
— Не знаю... Там специальные грузовые палубы для машин, три штуки...

— По-моему, четыре... Мы же только что нашли талисман в России. Тебе мало?

Олли хмыкнула. Джош и сам должен понимать, что ей всегда будет *мало*, пока она не найдет все лунные талисманы, все до одного.

Поиск загадочных лунных талисманов для Олли и ее отца, археолога, профессора Кристи давно уже стал вопросом жизни и смерти. Эта загадочная история началась больше ста лет назад, когда один из предков Олли, тоже носивший фамилию Кристи, побывал в Египте. Смелчак на спор провел ночь в древней гробнице, рядом с мумией, а найденный там папирус прихватил с собой.

Если бы он умел читать египетские иероглифы, он бы узнал, что папирус лучше

не трогать: в свитке содержалось страшное проклятие, которое должно было пасть на голову не только похитителя, но и его потомков — на всех первенцев рода. Но, увы, читать иероглифы предок Олли не умел.

Прошло много лет, сменилось несколько поколений Кристи, и в каждом поколении старший из сыновей или дочерей погибал нелепой безвременной смертью.

В конце концов семья Кристи выяснила, в чем дело. Один из обреченных решил положить конец проклятию и отвезти папирус обратно, в Египет, но его корабль потерпел крушение неподалеку от Александрии. Несчастный погиб, а с ним ушел на дно моря и зловещий документ. Но проклятие продолжало действовать и со дна морского. А главное, уже не было никакой надежды избавиться от него.

...Не было, пока в конце двадцатого века один из рода Кристи не связал свою судьбу с археологией. Изучая древние документы, профессор Кристи узнал о таинственных «лунных» талисманах, изготовленных жрецами древности.

Достаточно было собрать эти талисманы в одном месте, чтобы проклятие утратило

свою силу. Профессору надо было спешить, ведь очередной жертвой папируса могла стать его дочь Олли.

Профессору Кристи помогал в поисках талисманов его ученик, молодой археолог Джонатан Уэллз. Но, сказать по правде, ни один талисман не был бы найден, если бы не сама Олли и ее лучший друг, Джош Уэллз, младший брат Джонатана. Ведь взрослые так медлительны и недоверчивы, они строят сложные теории и роются в книгах. А при поиске талисманов гораздо важнее быть смелым, ловким и находчивым — именно таким, как Олли и Джош.

Хорошо хоть взрослые, отправляясь на поиски очередного талисмана, всегда берут детей с собой. Мама у Олли нет, а бабушка, миссис Одри Бекманн, сначала ворчит и утверждает, что детям надо сидеть дома и учить уроки, но в конце концов сдается и вместе со всеми отправляется на поиски приключений. Ну а Джошу с семьей нетрудно договориться: его мама, кинозвезда Наташа Уэллз, вечно занята на съемках; она только рада, что сын находится под присмотром старшего брата и профессора Кристи.

Вот так и получилось, что в то время, когда обычные ребята сидят в школе, Олли и Джош путешествуют по миру и участвуют в археологических раскопках то в Латинской Америке, то в Италии, то в Китае. А бабушка следит, чтобы они хоть изредка делали уроки и вовремя обедали. Впрочем и то, и другое случается не так уж часто: поиск талисманов в далеких экзотических странах — дело нелегкое, и тут часто бывает не до уроков и не до обеда.

Очередной, шестой по счету талисман нашелся в России, в кургане, где была похоронена царица воинственных савроматов — наследников племени амазонок.

Олли с отцом, и Джонатан с Джошем, и даже миссис Бекманн провели большую часть лета в археологическом лагере на Дону. Жизнь в палатке привела в восторг ребят, но у бабушки было по этому поводу свое мнение.

По ночам вокруг лагеря выли волки. Кроме того, в лагере не было горячей воды, а готовить приходилось на костре. Однажды ребята чуть не погибли во время степного пожара. А когда ни волки, ни пожары никому не угрожали, ребята целыми сутками пропа-

дали у своих новых русских друзей, скакали верхом, стреляли из луков и играли в скифов и амазонок. А Одри Бекманн волновалась за них, как и положено бабушке.

Короче, когда талисман был найден и пришла пора возвращаться в Англию, миссис Бекманн заявила, что ей очень понравилось в России, но надо бы отдохнуть. Профессор Кристи тоже торопился в Англию: он хотел поработать в библиотеке и был уверен, что именно там найдет следы очередного лунного талисмана.

Олли и Джош ехать домой не хотели: они помнили, что рассказал им один из российских археологов. Во время своей поездки в Грецию он видел женщину, как две капли воды похожую на лунную богиню, изваянную из полупрозрачного камня-селенита. Селенитовую головку ребята нашли в кургане, это и был очередной талисман.

Но русский археолог никак не мог вспомнить, где же он видел это лицо. В одном из музеев Крита? На фресках острова Санторин? Или в уличной толпе, у современной гречанки, улыбнувшейся ему из-под широкополой шляпы?

Олли уговаривала отца ехать в Грецию, но профессор Кристи не разделял энтузиаз-

ма дочери. Кроме того, он был уверен, что греческий талисман совсем не обязательно должен быть похож на тот, что был найден в степях России.

— Но ведь мы знаем, что в донские степи талисман попал из Греции, его принес сюда Геракл, — возмущенно доказывала Олли. — Значит, могли быть и другие греческие талисманы, точно такие же.

— Вот я и узнаю про них, поработав в библиотеке, — возражал профессор.

— А я что буду делать?

— Готовиться к школе! — вмешалась в разговор бабушка.

— А каникулы? Я же еще не отдыхала!

— А кто провел все лето в России? — воскликнула миссис Бекманн. — Более экзотическую страну трудно найти! И уж вы-то с Джошем развлекались там на полную катушку! Кто как угорелый носился по степям на коне? Кто был волком вокруг лагеря? Кто устроил степной пожар? Кто притворился скифским привидением и до смерти напугал мистера Иннокентия? Кто чуть не застрелил из лука бедного мистера Каина?

— Ты все перепутала! — чуть не плакала Олли. — Я не в Каина стреляла, а в Иннокен-

тия. И я же ни в одного из них не попала! Вот когда попаду, тогда будем считать, что лето прошло не зря!

— Мистер Каин почтенный человек, миллионер и компьютерный гений, — возразила бабушка. — Совершенно неприлично стрелять в него из лука.

— А если я пообещаю больше не стрелять в него из лука, мы поедem в Грецию?

— Мы от нее не отделаемся, — со вздохом сказал профессор. — Может, отпустим их в Грецию, ее и Джоша? Если, конечно, Наташа Уэллз не будет возражать...

— Детей! Одних! — в ужасе воскликнула бабушка. — Дорогой мой, а вдруг они и там начнут выть волками и стрелять в миллионеров?

— В Греции, кажется, нет волков, — неуверенно сказал профессор.

— А миллионеров тоже нет?

— Во всяком случае, их там меньше, чем в Англии.

— Ну, разве что за ними присмотрит Джонатан...

Так и получилось, что Олли и Джош отправились в Грецию под присмотром Джонатана. Пожалуй, они бы предпочли путе-

шествовать без всякого присмотра, но двенадцатилетним детям такая возможность обычно не выпадает. Впрочем ребята были уверены, что Джонатан не будет слишком часто приставать к ним, чтобы они мыли руки перед едой или пересчитывали учебники, готовясь к школе. Джонатан и сам был не в восторге от того, что придется присматривать за младшими.

Вот и сейчас, Олли и Джош стояли в афинском порту перед гигантским морским паромом, который должен отвезти их на остров Крит, а Джонатан, как всегда, куда-то исчез. Впрочем скоро он появился, неся в руках три рожка с мороженым.

— Кто какое желает, господа?

— Мне бананово-шоколадно-лимонно-малиновое! — закричала Олли.

— Такого нет.

— А какое есть?

— Сливочное.

— Что ж ты тогда спрашиваешь?

— Приучаю вас к хорошим манерам, — хмыкнул Джонатан. — Меня миссис Бекманн просила. И еще она велела, чтобы я не разрешал вам есть на ходу, так что присядьте, пожалуйста.

— Куда? — удивилась Олли.

— Понятия не имею, — подмигнул Джонатан.

— Старших надо слушаться, — заявил Джош, усаживаясь на асфальт по-турецки. Олли уже собиралась последовать его примеру, но в этот момент загудела сирена, и очередь, в которой они стояли, начала медленно продвигаться к причалу.

— Этот паром, он прямо как целый город! — восхищался Джош, глядя снизу на высоченный борт гигантского корабля. — Там, наверное, улицы, и площади, и парки, и дома, и квартиры... И люди ходят на работу, и даже не помнят, что у них под ногами море...

— Ну, в общем, ты угадал, — подтвердил Джонатан. — Это действительно целый плавающий город. И в нем работают сотни людей: и матросы, и машинисты, и официанты, и уборщицы... Парков, конечно, нет, но есть зимние сады...

— А у нас будет двухкомнатная квартира, с видом на море! — мечтала Олли. — И вечером мы будем сидеть и пить чай у окна и слушать, как кричат чайки... А на каком этаже мы живем?

— Это можно выбрать, — сказал Джонатан, поднимаясь вместе с детьми по ступенькам, покрытым ковровой дорожкой, и выходя в какой-то холл, где пересекались лестницы и коридоры. — Вот, например, прекрасная квартира: не очень дует и есть шанс, что на нас не слишком часто будут наступать. — Джонатан бросил свой рюкзак в угол, возле стенки. — Вы не возражаете, мадам?

Сидевшая на полу толстая тетка слегка подвинулась и что-то сказала по-гречески.

— Она утверждает, что в этой прекрасной квартире должны поместиться еще ее муж и ее трое взрослых детей, — перевел Джонатан. — Но если мы сдвинемся вправо, на нас будут наступать люди, идущие в ресторан, а

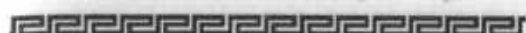
если мы сдвинемся влево, то мы свалимся в лестничный проем. Поэтому решено: здесь и только здесь мы будем жить!

— Джонатан! — изумленно воскликнула Олли. — Что все это значит?

— Это значит, — рассмеялся Джонатан, — что сейчас лето, и места на пароме раскуплены за месяц вперед. Я взял палубные билеты, и мы можем сидеть на палубе в пластмассовых креслах. Но ночью там дует ветер и спать невозможно, поэтому все опытные путешественники заранее расхватывают теплые местечки на полу, где-нибудь на полдороге между рестораном и туалетом. Расстилайте быстрее свои коврики, а то нашу роскошную квартиру займут те, кто шустрее нас. Смотрите, здесь уже начинается давка... Джош, убери рюкзак с чужого ребенка... Мадам, это мои ноги, не надо на них садиться...

Под руководством Джонатана Олли и Джош расстелили на полу коврики из пенки и улеглись на них. Вокруг, тесня друг друга и переругиваясь, рассаживались и укладывались другие путешественники.

Олли притиснула к чьему-то рюкзаку, она оперлась на него и почувствовала, как там кто-то шевелится.

— Ой! — взвизгнула она.

— Тс-с-с! — незнакомая девушка прижала палец к губам.

— А кто у тебя там?

— Кошка Матильда. Вообще-то котов надо сдавать в багаж, но одна Матильда умрет от тоски. Главное, чтобы контролеры прошли, а потом мы ее выпустим.

Олли и Джош толкали и теснили со всех сторон. Какие-то тетki улеглись на газетах прямо на лестнице. Незнакомый парень заявил, что Джош занял слишком много места, и уселся на его коврик. Люди в морской форме требовали, чтобы пассажиры очистили проход. Матильда отчаянно мяукала в рюкзаке, но всем было не до нее.

— Держите оборону! — шепотом отдавал приказы Джонатан. — Ни шагу назад! Ни дюйма! Когда все разместятся, останется уйма места, поверьте бывалому путешественнику. Потом мы даже сможем пойти погулять... Девушка, садитесь на мой коврик! Я не добрый, просто если вы на него не сядете, на него сидит вон тот толстяк, он давно на него поглядывает. Ну, если он на него не сядет, он на него просто упадет, его уже теснят! Нет, на вас он не упадет, не

посмеет... Сударь, вы можете садиться на этот рюкзак, но предупреждаю, что внутри кошка... Черт, она меня сквозь рюкзак поцарапала! Я-то при чем, не я же на нее сел! Олли, не пачкай меня мороженым, доешь его немедленно!

— А разве бабушка не запрещает есть лежа? — ехидно спросила Олли, вгрызаясь в рожок.

— Нет, она просила, чтобы я не давал вам есть на ходу, а насчет лежа на полу — ни слова не сказала. Так что доешь быстрее и ради Бога, оближи пальцы, а то здесь сейчас все будет в мороженом.

Но в конце концов все, как и предупреждал Джонатан, как-то устроились. Пассажиры разместились, проход расчистился, люди в морской форме покричали и ушли.

Ребята доели мороженое и с удовольствием облизили пальцы, потому что добраться до спрятанных в рюкзаках салфеток было невозможно. Контролеры проверили у всех билеты, и девушка выпустила из рюкзака толстую рыжую кошку. Матильда погуляла-погуляла, слизала с пола натекущую лужицу мороженого и улетлась на коврик рядом с Джонатаном.

— Ничего, — сказал Джонатан — пусть себе лежит. Я пойду в бар чего-нибудь выпью. Олли, Джош, вам взять сока?

— Мы и сами куда-нибудь пойдем погуляем, — возразил Джош. — А кошка будет стеречь наши места.

Переступая через многочисленные тела, ребята с трудом прошли по бесконечному коридору и выбрались на палубу.

МКПУ
"Централизованная
библиотечная система"
города Энгельса
Филиал № 12

ГЛАВА I

Кораблекрушение

Гигантский плавающий город, медленно покачиваясь, плыл по Эгейскому морю. Олли и Джош, стояли, держась за поручни, и смотрели в воду с огромной высоты.

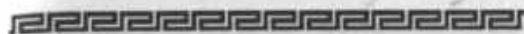
— Какая она синяя! — восхитилась Олли. — Как будто ее подкрасили. Но сколько всякой дряни в ней плавает! Сматри, какие-то черные шары! Зачем они?

— Это медузы, — рассмеялся Джош.

— Таких не бывает! Они же, наверное, не меньше метра в диаметре!

— Бывают! Я по телевизору видел. А ты знаешь, там, где мы сейчас плывем, когда-то плыл корабль героя Тесей.

— А что он здесь делал? Ведь Тесей был царем Афин?

— Ну он же не сразу им стал. Тесей воспитывался у матери и никогда не видел своего отца. Эгей, это его отец, уехал в Афины, еще когда Тесей даже не родился. Но он предупредил свою жену Эфру, что, когда их сын вырастет, он должен отвалить огромный камень и достать меч и сандалии — Эгей их туда положил, чтобы узнать по ним сына. Тесей вырос, поднял камень, забрал отцовское имущество и отправился в Афины. По дороге он победил Прокруста, ну знаешь, этого, со знаменитым ложем...

— Прокруста не знаю, а про ложе слышала, — вспомнила Олли. — Отец жаловался на какой-то новый закон для археологов и говорил, что этот закон как прокрустово ложе: как ни сделай, все получится неправильно.

— Ну да. Это Прокруст ловил путников и укладывал их на свое ложе. Если кто-то был слишком коротким для него, Прокруст его вытягивал так, что человек умирал. А тем, кто, наоборот, был слишком длинным, он обрубал ноги. Или, может, голову... Короче, каким бы ты ни был, все равно погибнешь. С тех пор так и говорят про всякие законы и правила, которые все равно невозможно исполнить. Но Тесей этого Прокруста самого

уложил на его ложе и разрубил мечом... Он много подвигов совершил по дороге, а потом пришел в Афины, ему бы отдохнуть, а тут новая неприятность. Афины тогда платили Криту дань: каждые несколько лет отправляли на корабле семь юношей и семь девушек.

— Неужели Тесея тоже отправили? — удивилась Олли. — Он же царский сын!

— Никто его не отправлял, он сам решил ехать именно потому, что царский сын. Эгей уже старый был, и Тесей считал, что он теперь должен сам навести порядок. И он приказал одному из юношей остаться и занял его место. Этих ребят ведь не просто в рабство посылали. Их должны были скормить Минотавру, чудовищу с головой быка. Но Тесей был уверен, что он Минотавра победит. Эгей, конечно, переживал и отправил их корабль под черными траурными парусами. Но он попросил Тесея, если все обойдется, на обратном пути поменять парус на белый.

— И он, конечно, забыл! — воскликнула Олли.

— Ну конечно! Ему же не до того было! Сначала их всех загнали в подземный лабиринт к Минотавру. Тесей знал, что, даже если он и победит чудовище, из лабиринта

им все равно не выбраться. Но ему повезло: в него влюбилась дочь критского царя Миноса, Ариадна, и дала ему клубок ниток. Тесей прикрепил нитки к двери и разматывал их.

— Ужас какой! — передернула плечами Олли. — Идти в темноте по подземному лабиринту и знать, что на тебя в любой момент выскочит чудовище...

— Оно и выскочило! Но Тесей его победил, и они все вместе выбрались из лабиринта по нити Ариадны и вернулись на корабль. Ариадна убежала с ними.

— А потом Тесей на ней женился?

— Нет. Они по дороге высадились на каком-то острове, и там ее похитил бог Дионис.

— Смотри, сколько островов! — Олли махнула рукой в сторону моря. — Это на любом из них могло быть.

— Ну да. Греки тогда по ночам не плавали, не умели. И никто не умел. А корабли маленькие были, не то, что наш. Человек на пятьдесят, не больше. Даже без трюмов, просто как большие парусные лодки с веслами. Они их каждый вечер на берег вытаскивали. Короче, у Тесея хватило забот: тут и Минотавр этот, и Ариадна, и Дионис. С богом-то не очень поспоришь... Ну, он и забыл поме-

нять парус. А Эгей много дней все смотрел в море. И, наконец, увидел корабль под черным парусом. И тогда он от горя прыгнул со скалы в море и разбился.

— Вот почему это море называется Эгейским! — воскликнула Олли.

— Ну да! Средиземное море, оно ведь большое, и все его части еще как-то называются... Так что Тесей прямо здесь и плыл под своим черным парусом, где сейчас плывем мы.

— Ариадна все-таки умная была, — сказала Олли. — Тесей бы сам в жизни не придумал про клубок. Девчонки, они вообще умнее мальчишек.

— Думаешь, она сама это придумала? — возразил Джош. — Этот Минотавр был ей братом по матери, и в лабиринте уже давно обитал. Наверное, его кормили и купали, он же царский сын... Уборку в лабиринте делали, подстилку меняли... Вот и пользовались ниткой, все уже привыкли... Там, наверное, у входа всегда лежал такой специальный клубок, весь замызганный от частого употребления. Ничего нового твоя Ариадна не придумала.

— Зато ей созвездие посвятили! — не унималась Олли. — Мне когда-то отец показывал.

У греков оно называлось «венец Ариадны». А у Тесея никакого созвездия нет.

— Ей не за то созвездие посвятили, что она умная, а за то, что вышла замуж за бога. Дионис ее вознес на небо, он же бог... А она и обрадовалась. Променяла такого героя, как Тесей, на бога пьяниц...

— И неправда! — возмутилась Олли. — Дионис не бог пьяниц, он бог виноделия, а это совсем другое дело. Греки пили вино, потому что в жарком климате простую воду нельзя было пить, они же ее не умели ни очищать, ни хлорировать. Даже если из родника ее брать, через несколько часов там будет не вода, а сплошные микробы. Поэтому древние люди обязательно добавляли в воду немного вина, даже маленьким детям, для дезинфекции. Так что Дионис ведал не пьянством, а здоровьем!

— А про микробов твои греки тоже, по-твоему, знали?

— Нет, конечно! Но они же видели, что вода становится плохой!

— А ты знаешь про то, как вакханки растерзали Орфея?

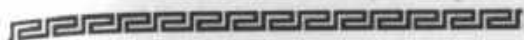
— Нет... А кто такие вакханки?

— Это такие женщины из свиты Диониса. Они вино не только для дезинфекции пили, я тебя уверяю. А потом поссорились со знаменитым певцом Орфеем и разорвали его на мелкие кусочки...

— Ужас какой! — воскликнула Олли. — Но я ведь не спорю, что пить много вина очень хорошо. Просто бог Дионис — он такой красивый и веселый! Он бегает по лесам в венке из виноградных листьев! У него в руках посох — тирс, увитый плющом. С ним бегут козлоногие сатиры и играют на свирелях...

— Смотри! Дельфины! — закричал вдруг Джош, показывая на воду. Там действительно показалась стая дельфинов. Они играли, выпрыгивая из воды. Народ столпился на палубе. С огромной высоты дельфины казались крошечными...

— Мама, можно я их покормлю? — закричала какая-то девочка-англичанка и стала кидать за борт кусочки булки.

— Дельфины не едят хлеб, — рассмеялась мама, — они питаются рыбой, а ее в море хватает. Вот чайки любят хлеб! Смотри, они подхватывают его на лету!

Услышав это, сразу несколько детей стали кидать в воздух кусочки своих бутербродов и булочек. Налетевшие чайки хватали хлеб и вырывали его друг у друга.

— Чайки всегда летят за кораблем в надежде, что их покормят, — объяснила женщина.

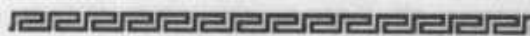
— А дельфины почему за нами плывут?

— Они просто играют.

— А ты знаешь, откуда взялись дельфины? — спросил Джош у Олли.

— Приплыли! — хмыкнула Олли.

— Да нет, не эти, а вообще... Мы же только что говорили о Дионисе, и я вспомнил. Однажды Диониса похитили морские разбойники. Они увидели на берегу красивого юношу, посадили его на свой корабль и хотели продать в рабство, они же не знали, что это бог. И вдруг корабль покрылся виноградными лозами, мачту обвил плющ, а гроздь винограда свисали прямо отовсюду. Но пираты, как ты понимаешь, не слишком обрадовались, они сразу поняли, что здесь что-то не то. А сам Дионис превратился во льва.

И тогда пираты в ужасе попрыгали в воду и Дионис превратил их в дельфинов.

— Было бы неплохо, если бы сейчас здесь все вокруг покрылось кистями винограда, — сказала Олли. — Вон те железные штуки, например. Что это такое? Похоже на маленькие подъемные краны...

— Это шлюпбалки, чтобы спускать на воду лодки, если мы начнем тонуть. Смотри, на какой мы высоте, и вдоль всей палубы идут шлюпки. Просто бросать их нельзя: даже если не разобьются, то перевернутся. А так люди в них спокойно садут, и их спустят вниз, на воду.

— Ну, насчет спокойно, я сомневаюсь, — возразила Олли. — Ты смотрел «Титаник»? Помнишь, какая там была паника.

— Ну, это же кино. И это так давно все было, уже сто лет прошло... Смотри, волны усиливаются.

Олли чувствовала, что палуба все сильнее раскачивается под ее ногами.

— А на вид волны такие маленькие, — удивилась она.

— Ну не такие они и маленькие, смотри, на них белые гребни. Греки считали, что это бог моря Посейдон вздымает их своим

трезубцем. Он несется по морю в колеснице, ее мчат белые кони с пенными гривами. А рядом сидит его жена, морская богиня Амфитрита. И тритоны трубят в свои раковины...

— Лучше бы он подождал, пока мы доплывем до Крита, — сказала Олли. — Меня уже начинает укачивать. Пойдем, выпьем сока.

Ребята пошли вдоль палубы. Всюду были расставлены кресла и столики, буфеты торговали напитками. Ветер крепчал, с одного столика под ноги Олли скатилась полупустая пластиковая бутылка.

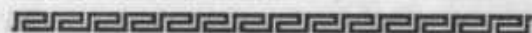
— Извините, мисс! — воскликнул хозяин бутылки. Он вскочил, чтобы поднять ее и сам едва не растянулся на полу. Олли тоже с трудом держалась на ногах.

— Расставляй ноги пошире, чтобы не упасть, — посоветовал Джош. — Видела, как в кино моряки ходят?

— Хорошо, что мы устроились внутри, — сказала Олли. — Я уже начинаю замерзать.

Ребята зашли в одну из сотен дверей, ведущих в бесконечные коридоры, и пошли искать какое-нибудь кафе.

— Пойдем вниз, там, наверное, меньше качает, — предложила Олли.

Они спустились на несколько лестничных пролетов, но здесь тоже качало. Всюду горели вывески каких-то заведений, но при ближайшем рассмотрении они оказывались или дорогими ресторанами, или залами игровых автоматов, или казино. И всюду на полу, на ковриках, одеялах и даже газетах сидели и лежали люди. Олли и Джош с трудом пробирались, переступая через чьи-то вещи. Держаться на ногах становилось все труднее.

— Надо вернуться наверх, — сказал Джош. — Я видел там хорошее кафе, где, наверняка, можно купить сока и бутербродов.

— А как подняться наверх?

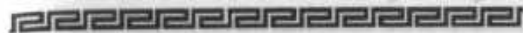
— Пойдем по коридору, куда-нибудь да выйдем.

Они шли по бесконечному коридору, в который выходили двери кают. Потом оказались в каком-то холле, потом снова на лестницах...

— А на какой мы палубе живем? — спросила Олли.

— Не помню, наверное, на третьей. Если не считать нижних, грузовых.

— Я считала, мы сейчас три раза спустились и два поднялись...

— Нет, мы два раза спустились. И нам теперь надо на корму.

— Но мы же не на корме живем! — воскликнула Олли. — Там еще был телефон-автомат в холле и вход в ресторан...

— Как здесь? — Джош указал рукой налево.

— Да... Очень похоже. Но это же другая палуба... Тут всюду такие телефоны, я уже штук пять видела. Надо подняться наверх!

— Да нет же, надо просто пройти в сторону кормы. Вон, смотри, наш холл.

— Он такой же как наш, но здесь нет наших вещей. И девушки с Матильдой нет... Мы заблудились, Джош! Надо сказать кому-нибудь из команды, пусть нам помогут...

— И что ты им скажешь? Что ищешь зеленый коврик и рыжую кошку Матильду? Тут же тысячи людей... Давай позвоним Джонатану.

Джош достал свой телефон, но связи не было.

— Правильно, мы же в открытом море... Вот для того тут и стоят телефоны-автоматы, они, наверное, спутниковые...

— Я уже на ногах не держусь! — простонала Олли. — Пойдем в какое-нибудь кафе.

— Пойдем. А у тебя деньги с собой есть? Мои все остались в рюкзаке.

Они выгребли из карманов мелочь и выяснили, что у них на двоих — два евро пятьдесят центов.

— Ну давай так просто посидим в кафе, — предложила Олли. — А может, нам хватит на бутылку колы?

— Не получится, — вздохнул Джош. — Как ты думаешь, все эти люди сидели бы на полу, если бы можно было за два евро устроиться в мягких креслах? Здесь, наверняка, очень дорого, и надо заказывать много всего, иначе не пустят..

— Тогда я сяду прямо тут! — Олли уселась на ковровую дорожку посреди прохода.

— Но мы же не можем сидеть здесь всю ночь! — возразил Джош. — Давай мы потесним вон тех ребят, и ты сидешь в уголке, а я пойду и поищу Джонатана.

— Нет! — испуганно воскликнула Олли. — Если мы еще и друг друга потеряем, это вообще никуда не годится. Сейчас, еще минутку, и я смогу идти. Пойдем наружу, на воздухе мне легче.

Ребята вышли на палубу и, цепляясь за деревянные ограждения, пошли в сторону кормы. Над морем опускалась ночь. Повсюду на палубах зажглись бесчисленные огни. А вдали, на горизонте, полыхало зарево заката.

— Как красиво! — воскликнул Джош. — Смотри, как гребни волн отсвечивают алым. Теперь я понял, почему Гомер называет море «винно-красным». А я все думал: разве оно раньше не было синим?

— Ой, мне не до моря, — прошептала Олли. — Меня опять укачало. Давай сядем, все равно куда... И еще эта проклятая музыка отовсюду...

Поздно ночью Олли и Джош, так и не нашедшие ни Джонатана, ни Матильду, ни свои рюкзаки, снова вышли на палубу. Качка слегка уменьшилась, и Олли стало легче. Гигантский корабль затихал. Уже смолкла музыка в бесчисленных кафе и барах, погасли прожектора и цветные фонарики. Только неяркие лампочки горели, освещая путь. Джош, который все-таки рискнул ненадолго оставить Олли одну, заскочил в какое-то кафе и купил крохотную пачку сока, от которого Олли и вовсе полегчало.

— Ну вот, ты становишься настоящим морским волком! — утешал ее Джош. — А завтра мы сойдем с корабля и найдем Джонатана в порту. Надеюсь, он дотащит все три рюкзака. Смотри, как красиво вокруг. Вон какой-то корабль идет нам наперерез, интересно зачем?

— Может, это какая-нибудь береговая охрана? — предположила Олли. — Или пограничники?

— Ага. Только эти пограничники слишком разогнались. Как бы они в нас не врезались. Ну ничего, я недавно прочитал две книжки про «Титаник» и про другие знаменитые кораблекрушения и знаю, что надо делать в случае чего.

— Не болтай глупостей! — возмутилась Олли. — Мне только чуть-чуть стало получше, а ты меня специально пугаешь. Но я все равно не боюсь, вот! Ой, они же прямо на нас идут, сейчас врежутся! Они что, слепые? Джош! Держись!

Легкий, едва заметный удар сотряс судно. Раздался скрежет металла о металл! Прямо под ногами у детей, далеко внизу, происходило что-то странное! Этого просто не могло быть! Так бывает только в кино, и это очень страшно, а потом все доедают мороженое и идут домой ужинать. Но сейчас это было не в кино. Небольшое судно (небольшим оно казалось только в сравнении с гигантским морским паромом) на всем ходу врезалось прямо в них.

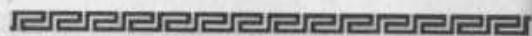
Олли и Джош в испуге отпрыгнули от лесов. Паром продолжало покачивать на вол-

нах, но ход его как-то изменился. Потом вдруг стало тихо, и ребята поняли, что это смолк шум моторов, к которому они так привыкли, что перестали его замечать. Теперь снизу отчетливо доносился какой-то скрежет и даже плеск волн. Потом судно сотряс еще один толчок и погас свет.

Какие-то люди в морской форме пробежали по палубе и скрылись. На палубе стали появляться пассажиры. Люди озирались в недоумении, переговаривались, ежились под ветром. Послышались испуганные голоса. Появился какой-то человек в форме и стал на двух языках, английском и греческом, уговаривать всех успокоиться и вернуться в свои каюты. Потом включилось радио и тявкающий женский голос стал кричать на нескольких языках, но что именно, Олли и Джош так и не поняли. Палуба заполнялась народом. Свет ненадолго включился и снова погас, уже окончательно.

— Бежим на шлюпочную палубу! — закричал кто-то по-английски.

Олли и Джош кинулись наверх. На лестнице было темно, началась давка, кто-то упал. Возле шлюпок метался народ. На многих были спасательные жилеты.

— Надо достать жилеты! — воскликнула Олли.

— Где ты их возьмешь! — возразил Джош. — Они, наверное, только в каютах есть. Ты смотри, сколько здесь народа без мест!

Паром уже ощутимо кренится на правый борт.

— Пропускайте вперед женщин и детей! — кричал кто-то. — Сажайте их в шлюпки!

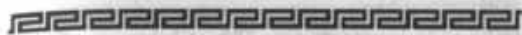
Возле шлюпок была жуткая давка. Палуба под ногами Олли вдруг поехала в сторону и девочку прижало к леерам. Стало совсем темно, только внизу гребни волн слегка отсвечивали белым. По палубе метались люди, слышался крик сотен голосов, скрежет лебедок. Из недр парома раздавался грохот.

— Что это? — закричала Олли, цепляясь за руку Джоша.

— Там же все переворачивается внутри! Ты помнишь, сколько там машин? И разные грузы! Олли, нам надо сесть в шлюпки!

— Мы не пробьемся туда! А если шлюпка оборвется? Смотри, как все накренилось!

Судно сотрясали удары. Мощные всплески воды слышались снизу. На палубе уже невозможно было стоять, Олли и Джош почти висели на леерах.

— Олли, — закричал Джош, — я читал о кораблекрушениях! Сейчас вода поднимется до нашей палубы, и тут возникнет множество воронок. Нас может засосать в закрытое помещение, а из него уже не выберешься. А когда судно перевернется, нас может просто придавить! А если не придавит, нас утопят те, кто останется в живых, они же будут цепляться друг за друга! Нам надо прыгать, Олли!

— Куда прыгать? — с ужасом воскликнула Олли. — Ты посмотри, какая здесь высота!

— Мы должны отплыть как можно дальше, пока судно на плаву!

— Мы разобьемся о воду!

— Не разобьемся! Ты же умеешь нырять!

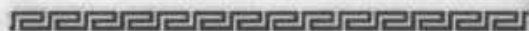
— Джош! Тут кажется есть какие-то надувные плоты... Смотри, их надувают!

— Ты представляешь, какая давка будет вокруг этих плотов! Олли, в открытом море мы в безопасности! Мы же прекрасно плаваем!

— На «Титанике» выжили только те, кто был в шлюпках!

— «Титаник» тонул в Северной Атлантике, там вода была ноль градусов! Они просто замерзли. А сейчас тепло. Это будет чудное ночное купание, не бойся.

— Джош чуть не силой заставил Олли перелезть на другую сторону от лееров. Ребята с трудом нащупали ногами какие-то непонятные выступы и попытались выпрямиться.

— Скинь кроссовки! — приказал Джош. Олли повиновалась.

— А Джонатан?

— Вот уж за кого я спокоен, так это за Джонатана, — воскликнул Джош. — Он великолепный пловец. Прыгай вниз головой, иначе тебя развернет и ударит спиной о воду. И старайся пролететь вперед, чтобы не удариться о корпус!

— Может быть, подождем...

— Пока паром перевернется и нас накроет? Прыгай! Раз! Два! Три!

На счет «три» Олли и Джош отпустили леера и взмыли в воздух. Олли показалось, что полет длился вечность. Она успела развернуться, вытянуть вперед руки и удара об воду почти не почувствовала. Олли погрузилась на приличную глубину, и ей едва хватило воздуха, чтобы вынырнуть. Джош уже отплывавался в нескольких метрах. Он подплыл к ней.

— Отплываем подальше, быстро!

Гигантские волны вскидывали их наверх и роняли вниз. У Олли перехватывало дыхание, иногда гребни накрывали их с головой, но ребята каждый раз выныривали из пены.

— А тут и правда гораздо безопасней! — прокричала Олли Джошу, когда очередная волна вскинула их наверх, обдав пеной. — А куда мы плывем?

— Отплывем подальше от судна, а потом осмотримся и решим.

В это время Олли вдруг почувствовала, что кто-то впился ей в плечо. Голова ее ушла под воду. Олли в ужасе забила руками по поверхности и почувствовала, что захлебывается. В тот же момент ее отпустили. Она вынырнула и увидела, что Джош из последних сил поддерживает на плаву какое-то тело.

— Кто это?

— Понятия не имею. Пришлось ударить ее по голове, иначе она бы тебя не отпустила. Помоги мне.

Олли подплыла и помогла Джошу поддержать голову незнакомки. Девушка открыла глаза и в ужасе впилась в плечо Джоша.

— Спокойно! — потребовал Джош. — Держись за плечо, только не дергайся. Ты по-английски понимаешь?

— Да. Только я не умею плавать!

— Мы вытащим тебя, только спокойно! Держись одной рукой за меня, а второй за Олли.

Олли подставила плечо, считая, что теперь они точно утонут. Но они не тонули. Волны мерно подбрасывали их вверх и роняли вниз, они нахлебались воды и пены, но держались на поверхности. Потом Олли начала выбиваться из сил.

— Ты совсем не умеешь плавать? — спросил Джош у незнакомки.

— Умею немножко.

— Тебя как зовут?

— Софья.

— Ляг на спину, Софья, и дай нам передохнуть.

— Я боюсь!

— Иначе мы все утонем. Набери полную грудь воздуха и ложись на спину. Олли, и ты тоже.

Они лежали на спине и пытались отдышаться, но каждый раз, когда волна подхватывала их вверх и захлестывала пеной, дыхание сбивалось и никакого отдыха не получалось.

Из-за туч вышла полная луна. Взлетев на гребень волны, Джош высунулся из воды по пояс и попытался оглядеться вокруг.

— Парома уже почти не видно! — сообщил он. — Там какие-то суда вдаль, может, спасатели подоспели. Но нас относит от них. А на западе что-то темнеет, похоже на остров.

— Далеко до него? — задыхаясь, спросила Олли.

— Не знаю, несколько километров, наверное. Но нас к нему несет волнами. Раз уж мы не утонули сразу, глупо делать это теперь. Мы должны доплыть!

Они плыли и плыли, отдыхали и снова плыли. В конце концов девушка осмелела и иногда отпускала плечо Олли, держась только за Джоша и подгребая второй рукой. Темная громада острова приближалась. Луна снова зашла за тучи, но даже в темноте ребята ясно видели белую полосу прибоя.

— Джош! — воскликнула Олли, пытаясь перекричать плеск волн. — А как мы выйдем на берег?

— Подплыви на такое расстояние, на котором ты еще можешь сопротивляться волнам, чтобы они тебя ненесли к берегу. Там зависни на месте, выжди волну поменьше, поймай гребень и иди с ней к берегу. Постарайся не разбиться о скалы. И когда волна отхлынет,

не дай ей утянуть тебя обратно, ползи вперед. Только на ноги не вставай.

— А ты?

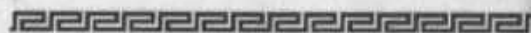
— Я помогу Софье.

— Я с тобой!

— Ты только мешать будешь! Позаботься о себе, это уже помощь.

Олли подплыла поближе к полосе прибоя и развернулась лицом к волнам. Первая же волна опрокинула ее и закрутила, Олли чуть не захлебнулась. Потом она сообразила, что под волны надо подныривать, теперь огромная масса воды проходила у нее над головой, не причиняя ей никакого вреда и практически не сдвигая ее с места. Волны шли сериями: несколько очень больших, потом несколько поменьше, потом снова большие. Увидев, что волны в очередной раз стали ниже, Олли развернулась к ним спиной и, поймав гребень, понеслась с ним к берегу.

Волна больно швырнула ее о камни и потащила обратно в море. Олли вцепилась в валун и умудрилась остаться на месте. Когда вода отхлынула, она, забыв наставления Джоша, вскочила на ноги и кинулась к берегу. Вторая волна настигла ее сзади, сбила с ног и потащила вперед, потом назад. Когда и она

отхлынула, Олли на четвереньках поползла по гальке. Третья волна только лизнула ей ноги. И скоро Олли уже лежала пластом на сухом песке.

Подожел Джош и упал рядом с ней.

— Ты в порядке, Олли?

— Да. А где Софья?

— Лежит на песке. С ней все в порядке. Надо пойти поискать людей. Огней, вроде, не видно.

Олли попыталась встать на ноги и поняла, что не может. Голова у нее кружилась, ее шатало.

— Сейчас, отдохну минутку, и пойдем, — прошептала она. И уснула прямо на песке.

ГЛАВА 2

Необитаемый остров

Олли проснулась от того, что солнце било ей в глаза. Она открыла их и не сразу поняла, где она. Она лежала на песке, в сырой, не до конца просохшей одежде. В нескольких метрах от нее тихо плескалось море. И только груды коричневатых водорослей говорили о недавно прошедшем шторме.

Джош и Софья уже проснулись и сидели неподалеку, на выброшенном из воды бревне. Теперь Олли, наконец, смогла рассмотреть Софью: она оказалась изящной темноволосой гречанкой лет восемнадцати-девятнадцати. Девушка никак не могла прийти в себя и вытирала слезы.

— Успокойся! — уговаривал ее Джош. — Все уже позади. Лучше расскажи, зачем ты прыгнула в воду, если плохо плаваешь?

— Я пыталась забраться в шлюпку. А там была такая давка, и я сорвалась в воду. Меня сразу куда-то понесло течением. Я бы утонула, если бы не вы... Спасибо вам.

— Ерунда! — отмахнулся Джош. — Это было совсем нетрудно. Давайте решать, что мы будем делать дальше. Это ведь еще не Крит?

— Нет, до Крита далеко, — сказала Софья. — Паром только утром должен был до него доплыть. Здесь много разных островов раскидано по морю. Это, наверное, один из Кикладских островов. Их несколько сотен, есть и совсем маленькие, необитаемые.

— Вот что, вы отдохайте, а я пойду поищу людей, — распорядился Джош.

Олли и Софья очень боялись отпускать его одного, и еще больше боялись сами оказаться одни. Но у Софьи не было сил идти, и Олли пришлось остаться вместе с ней.

Джош ушел, и Олли вдруг почувствовала, до чего она голодна. Интересно, здесь есть в море хоть что-нибудь съедобное? Олли зашла в воду и поплыла, глядя вниз. Без маски было плохо видно, да и вода еще не совсем

очистилась после шторма, и все-таки она заметила, что огромные валуны покрыты какими-то коричневыми выступами. Олли нырнула и попыталась отодрать один из них. Это получилось с трудом. Потом она выбралась на берег и разглядела свою находку: не очень крупная, сантиметров восемь, ракушка, по форме напоминающая финик.

Софья подошла и обрадованно присвистнула:

— Это же морской финик! Они очень вкусные! А еще здесь могут быть устрицы, у них большие плоские раковины.

— Пойдем собирать их!

— Нет, я не умею нырять. Но я тебе дам перочинный ножик!

С ножом дело пошло намного быстрее. Олли отдирала ракушки и складывала их в майку, завязанную узлом на животе. Время от времени она выныривала, хватала воздух и снова уходила в воду. К счастью, морские финики росли не слишком глубоко. Кроме того, она, как и предсказала Софья, нашла несколько устриц.

Груда ракушек на берегу росла.

— Жалко, что мы не можем развести костер! — сказала Софья. — Устрицы можно

есть и сырыми, а вот финики гораздо вкуснее зажарить. У тебя нет зажигалки?

— Откуда? Да она бы все равно испортилась от морской воды... Если бы у нас только было увеличительное стекло! Хотя бы линза от часов!

— Я не ношу часов, — грустно сказала Софья. — Зачем они, когда есть мобильник. Только он у меня испортился от морской воды.

Вдруг она радостно вскрикнула и стала шарить по карманам.

— Вот! — девушка протянула Олли круглый черный футляр.

Олли раскрыла его — там оказалась складная лупа на ручке.

— Вот это да! — восхитилась Олли. — У тебя с собой целый набор для потерпевших кораблекрушение. И нож, и лупа...

— Я ведь археолог, — улыбнулась Софья. — Поэтому у меня вечно карманы набиты всем тем, что может понадобиться во время работы.

— Как здорово! А я тоже участвую в раскопках. Мой отец — известный археолог, профессор Кристи. Слышала о нем?

Конечно, Софья слышала. Но сейчас девочкам было не до разговоров: они слишком

хотели есть. Софья набрала сухих водорослей и мелких щепочек, а Олли попыталась поджечь их с помощью лупы. К счастью, солнце светило вовсю, и скоро на берегу уже полыхал костер. Девочки напекли морских фиников, и по острову распространился вкусный аромат.

Прыгая по камням, появился Джош.

— Не знаю, радоваться этому или огорчаться, — объявил он, — но мы на острове, и он необитаем. Я хотел обойти его весь по берегу, но он довольно большой. Тогда я забрался вон на ту гору, его оттуда видно как на ладони. Он, наверное, километра полтора в диаметре и немного похож на подкову. Никаких следов жилья на нем нет, только на горе стоит железный знак для проплывающих судов, и все. Всюду растут кусты и колючки. На той стороне видны какие-то чахлые деревца, но не думаю, что там есть фрукты.

— Жалко, воды нет, — вздохнула Олли. — Что мы будем делать по такой жаре? Морскую воду можно пить несколько дней, это лучше, чем ничего, если ты только сможешь удержаться, чтобы тебя не тошнило. Но потом от нее в конце концов надо отказаться. Я читала, что знаменитый путешественник

Алан Бомбар пил морскую воду целых четырнадцать дней.

— А я читал, что это очень опасно, — возразил Джош. — От соленой воды могут отказать почки и начаться отеки. Уж лучше ничего не пить. Если бы мы могли наловить рыбы... У крупных рыб в боку вырезается мятина, и она скоро заполняется соком. Он очень противный, но утоляет жажду... Софья, может, у тебя и рыболовные крючки есть?

Но крючков у Софьи не было.

— Ничего, мы что-нибудь придумаем и наловим рыбы, — пообещал Джош. — А пока что подождите немного.

Он нашел на берегу заостренный камень, отошел от воды и стал ковыряться в песке. Девочки подошли поближе.

— Что ты делаешь?

— Я читал, что на коралловых островах под землей есть такие резервуары, в которых собирается дождевая вода. Они называются линзы Гибен-Герцберга. Снизу в них вода соленая, а сверху почти пресная, ее можно пить.

— Но ведь наш остров не коралловый, — возразила Софья. — В Средиземном море очень мало кораллов, и они не образуют островов.

Джош, вырывший уже изрядную ямку, радостно вскрикнул, увидев, как она заполняется водой. Потом он сунул туда руку, лизнул и скривился:

— Соленая!

— Конечно, соленая! — подтвердила Олли. — Это же просто морская вода просачивается. Но я, кажется, знаю, что нам надо делать. Вряд ли здесь могут быть постоянные ручьи, остров такой маленький, что дождевая вода быстро стекает в море. А вот лужицы могут быть. Ведь ночью все небо было в тучах, здесь мог пройти дождь. Пойдемте поищем. Только надо спешить, пока вода не высохла.

Действительно, очень скоро они обнаружили расселину скалы и в ней довольно много пресной воды. Вода пахла мхом, сверху плавал какой-то мусор, но жажду утолить было можно. Все напились, Джош притащил большой плоский камень и накрыл расселину. Потом исчез ненадолго, принес груды зеленых веток, намочил их в море и навалил сверху.

— Теперь она не испарится так быстро, — сказал он. — На несколько дней нам, думаю, хватит. Пойдемте завтракать.

Завтрак оказался вкусным, и все повеселели. Внезапно Софья расплакалась:

— Я все думаю, о тех людях, которыеплы-ли на пароме. Что с ними теперь!

— Будем надеяться на лучшее, — утешал ее Джош. — Наверное, все спаслись, или почти все. Там ведь были и шлюпки, и плоты. Я думаю, что после первой паники команда спустила их на воду. Может, мы и глупость сделали, что прыгнули вниз ...

— Но тогда вы бы не спасли меня! — всхлинула Софья.

— Вот видишь, все к лучшему. Не надо реветь. Зато теперь мы живем на необитаемом острове, я всю жизнь об этом мечтал. Ты ведь тоже мечтала, когда была маленькой.

— Я и сейчас еще не такая взрослая, чтобы не хотеть жить на необитаемом острове, — улыбнулась Софья сквозь слезы.

— Я уверен, что нас скоро найдут, — сказал Джош. — А пока что будем островитянами, это не так уж и плохо. Надо найти какое-нибудь убежище от солнца и дождя. Я тут видел небольшую пещерку. И вообще, давайте как следует обследуем остров, раз уж он наш.

— Подождите! — воскликнула Олли. — Надо сохранить огонь. Ведь если зайдет солнце, мы его уже никак не разожжем.

Островитяне прикрыли угли найденными на берегу кусками дерева и присыпали сухим песком, чтобы их не задувало ветром. Потом они отправились в глубь острова. Пещера, о которой говорил Джош, оказалась совсем небольшим гротом, но он мог защитить от солнца, а если надо, то и от дождя, и от ветра. Перед ним была плоская площадка, нависавшая над обрывом. Вход зарос колючим кустарником, но Джош расчистил уютную маленькую полянку, с которой открывался великолепный вид вниз, на пляж и на море. Он притащил сухое, выброшенное морем бревно и закрепил возле обрыва.

— Здесь мы будем по утрам любоваться восходом солнца! — объявил он. — Я еще никогда не встречал восход над морем.

— Но восток с другой стороны, — рассмеялась Софья, — он закрыт скалой.

— Значит, мы будем по вечерам любоваться закатом, — не растерялся Джош. — Главное, что здесь красиво. Смотрите, какой склон! И море как на ладони...

— И цветы так пахнут! — восторженно добавила Олли. — У нас будет лучший в мире дом!

Потом они сделали на площадке большой очаг из камней и набрали хвороста впрок. Один большой плоский камень Джош объявил столом и перетащил его поближе к бревну. Олли и Софья натаскали в грот сухих водорослей, а Джош выровнял пол и выложил его плоскими камнями. Получилось вполне приличное ложе. Усталые путешественники улеглись на него и очень скоро задремали. Вдруг Джош резко поднялся.

— А вдруг нас будут искать? — воскликнул он. — Нас же ни с вертолета, ни с катера не увидят. Пока мы услышим мотор и выбежим, они пролетят мимо. А если мы заснем, мы и мотора не услышим.

Он выскочил из грота и через несколько минут вернулся обратно, голый по пояс.

— Я положил свою майку на высоком камне, — объяснил он, — и придавил ее камнями со всех сторон, чтобы не унесло. Она красная, ее сразу заметят.

— А ты ночью не замерзнешь? — беспокоилась Олли.

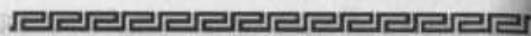
— Нет, я зарежусь в водоросли. А пока можно спать спокойно.

— А может, пусть нас еще не находят, хотя бы дня три, — прошептала Софья сквозь сон. — Мне здесь так нравится...

— Мне тоже! — поддержала ее Олли.

— Мне тоже! — воскликнул Джош. — Но майка все-таки пусть лежит. Ведь спасатели волнуются за нас. А пока давайте жить так, как будто мы остаемся здесь навсегда.

Спали островитяне недолго. Ведь не каждый день так случается, что ты становишься владельцем необитаемого острова. Это было слишком интересно. Да и ракушки не утолили голод. Скоро все проснулись и решили, что надо пополнить запасы еды. Олли и Джош отправились нырять за ракушками, а Софья сказала, что попробует поискать съедобные растения. Встречу назначили возле грота, примерно за час до заката солнца.

Олли и Джош наловили огромную грудую ракушек. Второго ножа у них не было, но Джош побродил по берегу и нашел обломок острого камня, который оказался даже лучше, чем нож, потому что был большим и прочным. Подумав, Джош и для Олли нашел такой же камень.

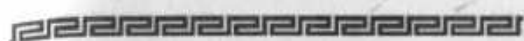
— Нож надо беречь, — объяснил мальчик. — Он у нас один, и неизвестно, как долго нам еще придется здесь прожить...

— Ты думаешь, нас не найдут? — удивилась Олли.

— Нас будут искать, но мы ведь всю ночь плыли, да еще волны и течение нас несли. Неизвестно, придет ли кому-нибудь в голову прочесывать острова. Ну да ты не волнуйся, этот район моря обитаем, здесь плавают яхты, и рыбаки наверняка бывают.

— Я и не волнуюсь! — возмутилась Олли. — Мне здесь даже нравится. Если бы только знать, что бабушка не волнуется...

— Она не знает, что мы плыли на этом пароме, а Джонатан не станет волновать ее понапрасну. Он, конечно, понимает, что мы просто уплыли, когда паром начал тонуть. Он же знает, что мы прекрасно плаваем, и не слишком переживает. Вот я, например, за

него абсолютно спокоен: Джонатан никогда не пропадет.

Нырять за ракушками, Олли и Джош обследовали все новые и новые камни. Вдруг Олли увидела, что в расщелине между камнями блеснуло что-то ярко-синее, как будто две ослепительные бусины. Она сунула туда руку и тут же с ужасом отдернула ее: пальцы пронзила резкая боль. Олли как ошпаренная выскочила на поверхность. Испуганный Джош — за ней.

— Что случилось?

— Там какие-то синие бусины лежали в ямке! Как будто металлизированные, или из синей фольги! Я только протянула руку...

— А вокруг них торчали длинные острые черные иглы...

— Я не разглядела, я же без маски!

— Это морские ежи, — сказал Джош. — У них такие яркие синие глаза, что и без маски видно. А иглы в несколько раз длиннее, чем сами ежи. Ничего страшного, они иногда бывают ядовитые, но это просто значит, что рука несколько дней поболит. А если тебе повезло, и он оказался неядовитым, то боль пройдет уже сегодня. Незачем совать руки, куда не просят, да еще в незнакомом море. Покажи пальцы.

Олли протянула ему руку.

— Иголок не видно. Иногда они обламываются и застревают в коже, но сейчас все обошлось. Зато эти ежи очень вкусные, особенно их икра. Если бы мы научились их ловить...

— Не надо их ловить! — возмутилась Олли. — Мне их жалко. Ракушки еще ладно, а ежи пусть живут, даже если они морские и колются.

Олли и Джош выгрузили на берег очередную грудку ракушек, и до них донесся далекий дымок и аромат чего-то вкусного.

— Пора домой! — воскликнул Джош. — Мне кажется, Софья не теряла времени зря.

Возле пещеры полыхал веселый костер. Софья соорудила скатерть из широких листьев лопуха и выкладывала на нее что-то похожее на печеную картошку.

— Я с добычей! — похвасталась она. — На той стороне острова оказалось небольшое болотце. Оно почти пересохло, но все-таки там растут лопухи и камыш. Я нашла палку и накопила корней камыша, они съедобные, вроде картошки, только сладкие. А это стебли лопуха, их тоже едят, дайте мне ножик, я почишу...

— А откуда здесь может быть болото?

— Дождевая вода стекает с горы, упирается в природную запруду из камней и застаивается. Завтра мы еще поищем, там может быть и чистая вода среди камней... А это вам сюрприз!

И Софья поставила на стол несколько листов лопуха, скрепленных гибкими веточками в форме корзины. Корзина была доверху полна спелого синего инжира.

— Вот это да! — воскликнула Олли. — Это мои любимые фрукты! Где ты их взяла?

— Растут с той стороны горы. Там всего несколько деревьев, но ягод много. Мы завтра еще наберем.

Стебли лопуха оказались похожи на капустную кочерыжку. Камыш и вправду был похож на подсахаренную картошку, это было не слишком вкусно, но зато необычно и голод утоляло. Впрочем, как гарнир к печеным ракушкам, и камыш оказался неплох, тем более, что все устали и проголодались.

Устрицы Олли и Джош запекли в костре. Софья ела их сырыми и уверяла, что это деликатес, который подается в дорогих ресторанах. Но Олли и Джош, посмотрев на слизистую живую массу, категорически отказались от такой «роскоши». Зато по поводу

инжира никаких разногласий не возникло, и его все улетали за обе щеки. Тем более что эти сладкие плотные ягоды не только вкусные, но и очень сытные. Олли утверждала, что от них у нее сразу выздоровела рука. Во всяком случае, она больше не болела.

Ужин запили водой, которую Софья поставила на стол в устричных раковинах, оставшихся от завтрака. Еще в одной раковине плавало несколько цветочных головок и листьев.

— Икебана, — смутившись, объяснила Софья. — У нас теперь все есть: и дом, и постель, и еда... Почему бы не позаботиться о том, чтобы у нас дома было красиво.

Один цветок она воткнула себе в волосы.

— Я вот думаю, — сказал Джош, надкусывая очередную инжирину, — может, мне и вправду пойти забрать свою майку с камня... Здесь так здорово, что и спастись не хочется. Почему это все считают, что потерпевших кораблекрушение обязательно надо спасать? А если они не хотят?

Было тепло и тихо, красное солнце садилось в море. Олли смотрела на профиль Софьи, четко вырисовывавшийся на фоне розового неба.

— Софья! — вдруг воскликнула она. — Ты мне кого-то очень напоминаешь! Кого-то, кого я хорошо знаю. И кого-то очень для меня важного. Только я вот не пойму, кого именно. Ты в Англии никогда не бывала?

— Нет, никогда, я всю жизнь живу на Крите. Я учусь заочно в Афинском университете и работаю в музее Ираклиона, это главный город Крита.

Джош внимательно смотрел на Софью.

— А я знаю, Олли, кого тебе Софья напоминает! — воскликнул он. — Она в профиль — ну точь-в-точь головка из селенита, которую мы нашли в кургане. Это же лунная богиня, наш лунный талисман!

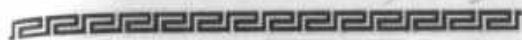
ГЛАВА 3

Праправнучка жрицы Луны

Островитяне чуть не полночи просидели возле костра. Олли и Джош рассказали Софье историю с папирусом, проклятием и лунными талисманами. Рассказали о тех талисманах, которые им уже посчастливилось найти: китайский «лунный пряник», амулет Кильи из Боливии... И, конечно же, подробно описали женскую головку из селенита, найденную в России.

— Ты, наверное, знаешь, — говорила Олли, — что когда-то давно, незадолго до Троянской войны, знаменитый грек Геракл побывал в донских степях.

— Об этом потом писал Геродот, которого зовут «отцом истории», — подтвердила Софья. — Он рассказал про путешествие Герак-

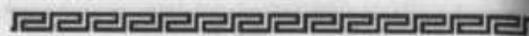

да на берега древней реки Танаис, которую русские зовут Доном. Но ведь это только легенда.

— Это ученые считают, что Геродот просто пересказал легенду, — возразила Олли. — И все потому, что Геракл, придя на берега Танаиса, женился на Змееногой Богине. Ты же знаешь ученых: они как только услышат богинь, да еще со змеиными ногами, сразу перестают воспринимать это всерьез. А я думаю, что легендарными в этой истории были только ноги. Наверное, Геракл просто женился на местной женщине, а какие у нее были ноги, это не так важно. И была ли она богиней, тоже неважно. Важно другое: Геракл потом вернулся обратно в Грецию, а своей жене он оставил лук, пояс и чашу, чтобы она вручила все это лучшему из сыновей — тому, кто сможет натянуть отцовский лук.

— Это сумел сделать младший сын, по имени Скиф, — вспомнила Софья. — От него и произошли цари скифов.

— Да. Но мой отец из одного древнего свитка узнал, что Змееногая Богиня передала сыну еще и волшебный амулет — лунный талисман. Это головка греческой богини Луны, вырезанная из полупрозрачного кам-

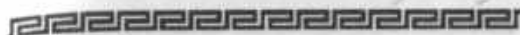
ня. Он так и называется «селенит» — лунный камень. Я думаю, что этот амулет был принесен в скифские степи Гераклом. Ну а потом скифы в знак дружбы передали его племени савроматов. Это племя тоже обитало на берегах Танаиса. У савроматов женщины воевали не хуже мужчин.

— Я читала у кого-то из древних авторов, что девушки савроматов не имели право выйти замуж, пока не убьют трех врагов, — сказала Софья.

— Ну да. Они же были потомками легендарных амазонок. И когда их царица погибла в бою, лунный талисман положили в ее курган. Мы раскопали этот курган вместе с российскими археологами.

— Понимаешь, Софья, — вмешался Джош, — эта головка пролежала в кургане две с лишним тысячи лет, ее никто не мог видеть. А потом мы показали ее одному российскому археологу, который приехал с Крита, и он сказал, что недавно видел это лицо. Значит мы правы, и талисман попал к царице савроматов из Греции, скорее всего с Крита. Может быть, их несколько было, таких талисманов...

— А теперь мы встретили тебя, — продолжала Олли, — и ты похожа на эту богиню как

две капли воды... Наверное, русский археолог тебя видел...

— Запросто... Я ведь иногда веду экскурсии в музей. Но у меня есть еще одна идея... Сейчас, дайте мне подумать...

Джош встал и хотел было подбросить хвост в костер.

— Не надо! — остановила его Олли. — Скоро и так будет светло, смотри!

Над морем поднималась огромная красная луна.

— Она в Греции совсем другого цвета! — удивленно воскликнула Олли. — У нас в Англии она белая, даже голубая. Ну, иногда чуть желтая. А здесь — прямо как апельсин.

— Луна всюду одинаковая, — рассмеялся Джош. — Просто в Оксфорде ты никогда не видишь, как она восходит и заходит, дома загораживают. Ее видно, только когда она стоит в центре неба, там она всегда почти белая. Сейчас она поднимется над морем и станет такой же, как над Оксфордом или Лондоном.

— А почему?

— Потому что, когда она стоит возле горизонта, лучи проходят через более толстый слой воздуха. Воздух немножко поглощает

лучи, но красные через него проходят лучше, чем остальные.

— А какая Луна на самом деле?

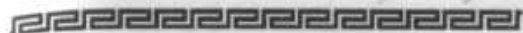
— На самом деле это прекрасная девушка, богиня Селена, — вмешалась Софья. — У нее есть брат, бог солнца Гелиос, и сестра, богиня зари, Эос. А еще у нее есть возлюбленный, юноша Эндимион.

— А почему мы не видим его с Селеной на небе? — поинтересовалась Олли.

— Потому что он все время спит, лежа в пещере. Говорят, он сам попросил верховного бога Зевса о том, чтобы никогда не стареть и не умирать. Но для этого ему пришлось навеки заснуть.

— Но ведь это все равно, что навеки умереть! — возмущенно воскликнул Джон. — Тогда что толку в бессмертии?

— Ну нет, — возразила Олли. — Ведь он может видеть сны... Мне иногда такие сны снятся, что интереснее всякой жизни. Вот, например, мне на днях снилось, что ты, Джош, подружился с Этаном Каином и пригласил его с нами на Крит. И вы устроили там гонки на быках. И вот по берегу моря мчится бык, а у него на спине сидишь ты, Джош, только задом наперед. А за тобой не-

сется Этан Каин верхом на корове. И она мычит, а ты ей отвечаешь...

— Ну и глупо, — обиделся Джош. — Чего бы это я ездил на быке... Да еще с Каином.

— А кто такой Этан Каин? — спросила Софья.

— Друг семьи, — фыркнула Олли, — даже обеих семей, и моей, и Джоша. Все взрослые от него в восторге: знаменитый американский компьютерный гений, мультимиллионер... И при этом дурак дураком. Он охотится за теми же лунными талисманами, что и мы. Только нам они для дела нужны, а он хочет свою коллекцию пополнить. Стоит нам отправиться на очередные раскопки, мистер Каин уже тут как тут. Делает вид, что он к нам в гости приехал, и самое глупое, что взрослые ему верят. Если бы не мы с Джо-

шем, все талисманы уже лежали бы у него в сейфе. Пари держу, что он и на Крите скоро появится. Удивительно еще, что его на пароме не было.

— Вы знаете, — Софья смутилась, — он, наверное, был на пароме...

— Как? — вскричали в один голос Олли и Джош.

— Я сидела на палубе поздно вечером и пила колу. А мимо шел какой-то элегантный американец. Он посмотрел на меня и чуть не упал в воду... — Софья залилась краской.

— И что же?

— Он попросил разрешения присесть рядом и сказал, что мое лицо его потрясло. Что он всю жизнь мечтал со мной встретиться...

— Врал! — с уверенностью заявил Джош. — Не всю жизнь, а только последние три недели, с тех пор, как увидел селенитовую головку. Еще бы он не удивился, когда тебя увидел!

— Он сказал, что его зовут Этан, что он миллионер, и что он тоже едет на Крит. Я сказала ему, что работаю в музее, и он пообещал найти меня... Он мне даже понравился сначала... Не потому, что миллионер, вы не думайте... Но он такой обаятельный...

— Притворяется! — мрачно сказала Олли. — Ты ему не слишком доверяй.

— А я уже все про него поняла, — заверила Софья. — Мы засиделись допоздна, и тут в наш паром врезался тот корабль, началась паника. Мы растерялись в толпе. А потом я увидела его возле шлюпок. Моряки пропускали к ним только женщин и детей, а он рвался вперед и кричал: «Плачу сто тысяч долларов»!

— Неужели его пустили? — возмутился Джош.

— Потом я увидела, что он стоит в коридоре и напяливает на себя женское платье. Уверена, что он оказался в первой же шлюпке.

— Представляю себе Каина в женском платье! — расхохоталась Олли. — Вот бы сфотографировать.

— Да, Каин не пропадет! — заявил Джош. — Может, он за нами плыл и сейчас выйдет из-за кустов: здарсьте, дорогие ребята, не валяется ли у вас в пещере очередной лунный талисман? Я так рад за вас, что вы его нашли, я так надеюсь у вас его украсть... Я почти уверен, что он здесь не сегодня-завтра объявится.

— Выедет на быке, — хихикнула Олли.

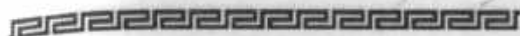

— Такие на быках не ездят. К его услугам всегда самые дорогие самолеты, вертолеты и автомобили. И он этим страшно гордится, как будто он их сам изобрел.

— А у нас на Крите в древности была такая традиция, — вспомнила Софья, — устраивались игры, и акробаты плясали на спине у быка. А может, и не только акробаты, может быть, и знатные юноши должны были продемонстрировать свою смелость и ловкость. Теперь уже никто не помнит подробностей, но в знаменитом Кносском дворце сохранились фрески, на которых изображены юноши, играющие с быком. Ты, Олли, наверное, их видела перед тем, как ехать на Крит, вот тебе такое и приснилось.

— Нет, я вообще про Кносский дворец ничего не знаю. Мне отец дал с собой книжку, я собиралась на пароме ее прочесть...

— Твою книжку теперь читают рыбы... А Кносский дворец — один из самых древних в Европе. Его построили почти четыре тысячи лет назад. Тогда несколько одноэтажных домиков и хижин, окруженных земляным валом, уже считались большим городом. А у нас построили гигантский дворец, представляете! Но он так только

называется «дворец», а на самом деле это десятки дворцов и домов, объединенных вместе. В те времена таких больших сооружений больше не было, ну разве что в Египте...

— А дворец был окружен валом или стенами?

— Нет. Нашими стенами был наш флот. Крит уже тогда господствовал на море. Никому бы в голову не пришло идти на Крит войной, злодея бы уничтожили еще по дороге. Поэтому древние города Крита не имеют крепостных стен. Зато у нас есть огромные подвалы. Потому и придумали миф о лабиринте, в котором бродит Минотавр. А весь дворец и лабиринт были построены знаменитым зодчим Дедалом.

— Это у него был сын Икар? — спросила Олли.

— Да. Они же с Крита и хотели улететь. Критский царь Минос их не отпускал. Тогда Дедал сделал из перьев и воска крылья для себя и Икара. Они летели через море, но Икар поднялся слишком высоко, солнце растопило воск, крылья развалились, и Икар упал в воду и погиб. Греки называли эту часть моря Икарийским морем.

— Греки плохо знали физику, — хмыкнул Джош. — Чем выше поднимаешься, тем холоднее. Воск на высоте не растает.

— Ну, про это, может, древние критяне и не знали. А вот сказать, что они плохо знали физику, нельзя. Такой гигантский дворец не построишь без физики и математики. Там даже водопровод и канализация были устроены. И не только во дворце, но и в городе вокруг. А стены дворца расписаны великолепными фресками. Вы их увидите... А еще там есть одна фреска, — Софья загадочно улыбнулась, — она вас может навести на верный путь...

— Что за фреска! Расскажи! — в один голос закричали Олли и Джош.

— Вам надо ее увидеть. Впрочем, я и сама еще не поняла, что к чему. Просто, говорят, что я на нее очень похожа. На ней изображена древняя жительница Крита. Скорее всего, она была жрицей, тогда ведь портретами простых крестьянок или рабынь стены не украшали. Сохранилась только головка в профиль.

— Я видел эту головку! — закричал Джош. — В каком-то альбоме видел! А почему она называется «парижанка»?

— Надо же ее как-то назвать. Кто-то пошутил, так и повелось. Но когда эта женщина жила, на месте будущего Парижа еще леса шумели.

— А почему ты на эту «парижанку» похожа? — спросила Олли.

— Я думаю, что все просто. Я ведь местная уроженка, мои предки испокон века жили на Крите. А у нас здесь никаких особых переселенных не было за последние четыре тысячи лет, это ученые подтверждают. Конечно, кто-то уезжал, кто-то приезжал, но в основном все на месте жили. В середине второго тысячелетия до нашей эры Крит подчинили себе греки с материка, но их не так уж и много сюда приехало. Потом вся Греция попала под власть римлян, потом нас арабы завоевывали, турки... Но они сюда почти не переселялись. В основном у нас в жилах течет кровь древних критян. Я думаю, мои предки жили в Кносском дворце во времена могущества Крита. Наверное, моя пра-пра-пра-бабушка была жрицей, вот ее изображение и появилось на стенах дворца. И эту головку, которую вы нашли, тоже, наверное, с нее делали.

— Так, может, твоя прабабушка была не жрицей, а самой богиней Селеной?

— Нет, — улыбнулась Софья, — У богини Селены родилось пятьдесят дочерей, но я никогда не слышала, чтобы они или их потомки жили на Крите. А вот потомки Зевса у нас жили, наверное, и сейчас живут.

— Так ты пра-правнучка Зевса? — восхитилась Олли.

— Очень может быть! — рассмеялась Софья. — Ведь когда-то Зевс полюбил финикийскую царевну Европу. Европа гуляла по берегу моря. Зевс увидел ее и принял облик прекрасного ручного быка. Девушка села на него верхом. Тогда бык вскочил на ноги, прыгнул в море и поплыл.

— Очень напоминает мой сон, — воскликнула Олли.

— Бык приплыл на остров Крит, и Европе ничего другого не оставалось, как стать его женой, — продолжала Софья. — Она родила Зевсу трех сыновей: Миноса, Сарпедона и Радаманта. Потом Зевс вернулся на Олимп, а Европа стала женой критского царя Астерия, и он усыновил ее детей. После смерти Астерия Критом стал править Минос. У него было много детей, да и у его братьев, думаю, тоже. Так что все мы, критяне, потомки Зевса и Европы. По крайней мере, если верить древним легендам.

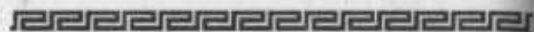
— Если бы ты назвала себя правнучкой Посейдона, я бы не поверил, — усмехнулся Джош, — ты слишком боишься моря. А правнучка Зевса — почему бы и нет... Ты грозы не боишься? Гром и молния — это символы Зевса.

— Нет, не боюсь. А вообще, я, наверное, и вправду от Европы произошла. Имя Европа означает «широкоглазая». Посмотрите, какие у меня глаза, — Софья повернула лицо к костру и слегка вытаращилась.

— Точно! — воскликнул Джош. А у этой нарисованной «парижанки» глаз и вовсе как пол-лица.

— И кстати, мои древние предки именем «широкоглазая» называли Луну. Вот вам и намек на ваш лунный талисман.

— Как-то это все слишком сложно.. — пробормотала Олли. — И талисман из кургана, и фреска, и твое лицо, и Европа, которая, оказывается, «широкоглазая», а значит, «лунная»... Я уже начинаю запутываться во всем этом... Где же нам искать следующий талисман?

— Не забивай себе голову зря! — посоветовал Джош. — Ты слишком много размышляешь, вот тебе и снятся дурацкие сны. В следующий раз тебе приснится, как ты летишь на луну, сидя на спине у Этана Каина, который притворился быком и похитил тебя. И он машет крыльями, сделанными из воска, и вы вместе падаете прямо в море. И его назовут Каиновым морем или морем Олли и Этана.

— Что за глупости! — возмущенно закричала Олли.

— Ну да, вот и я говорю, что глупости. По моему, надо меньше рассуждать. Ясно главное: мы на верном пути. Но сейчас мы не археологи, а потерпевшие кораблекрушение жители необитаемого острова. А что должны делать жители необитаемого острова?

— Жечь костры и плясать вокруг них воинственные танцы! — закричала Софья.

— Купаться в море лунными ночами! — закричала Олли.

— Так и сделаем! — утвердил Джош.

И они вскочили на ноги, подбросили хворосту в костер и дружно сплясали вокруг него воинственный танец древних критян. Руководила Софья, которая уверяла, что в ней говорит память ее прабабушки-жрицы. А потом вся троица отправилась на берег и долго плавала под луной. И даже Софья решилась войти в воду и немного поплескаться у берега. Еще днем она считала, что после пережитых потрясений она никогда больше даже близко не подойдет к морю. Но вода была такой теплой, луна такой яркой, а жизнь потерпевших кораблекрушение оказалась такой прекрасной... И Софья решила, что кораблекрушение — это не обязательно страш-

ное испытание, к нему можно относиться и как к великолепному приключению. Ну а Олли и Джош в глубине души всегда только так к нему и относились.

В следующие три дня островитяне утвердились в своем мнении, что нет на свете жизни прекраснее, чем жизнь потерпевших кораблекрушение. Взрослых вокруг не было (конечно, Софья была почти что взрослая, но это не считалось).

Никто не заставлял островитян мыть руки перед едой. Никто не гнал их спать, потому что уже десять часов. Да никто и не знал, который час, потому что часов на острове не было. Не было и учебников, которые надо было хотя бы полистать перед новым учебным годом. Не было зубных щеток, которыми надо пользоваться утром и вечером. Не было посуды, которую надо мыть. Листья лопуха, служившие тарелками, после каждой трапезы выбрасывались с обрыва, а перед новым обедом кто-нибудь срывал новые листья. Есть на ходу островитяне могли, сколько угодно, и выяснилось, что это даже не так приятно, как им казалось раньше.

Можно было купаться ночью, стоять на голове, ковырять в носу, свистеть, лежать на

мокром песке, торчать на солнцепеке, петь во время еды, ходить босиком... Ходить босиком было не только можно, но и нужно, поскольку обувь имелась только у Софьи... Можно было купаться до посинения и не одеваться, когда прохладно... Да и не во что было одеваться... Можно было оставлять недоеденную еду на тарелках... Впрочем, этого никто из них не делал, потому что хотя островитяне и ели досыта, но выкидывать еду, отвоеванную у моря и гор, никто бы не посмел.

Проснувшись утром, каждый из островитян шел на пляж и там купался и валялся, пока не появлялся самый большой любитель поспать. Обычно это была Софья. Накупавшись вволю, все возвращались к своей пещере и доедали то, что оставалось от ужина. Потом Софья шла «на плантацию» и в «сад» и пополняла запасы инжира, сладких корней камыша и корней лопуха, которые они тоже стали запекать по совету Джоша. Тем времени ребята уплывали в море на сбор ракушек. Майку Джоша забирали с «сигнального камня», связывали ворот и рукава и использовали как мешок.

Однажды Олли нашла под слоем бурых водорослей, брошенных штормом, свежие зе-

ленные веточки очень аппетитного вида. Она съела горсть, несмотря на протесты Джоша.

— Если я останусь жива, наш стол украсится чудесным блюдом, — заявила она. — А я останусь жива, что-то я никогда не слышала о ядовитых водорослях.

Джош не был настроен так оптимистически, но, когда вечером Олли выгрузила на стол целую охапку сочных стеблей, согласился попробовать и даже признал, что они «ничего».

— Как жалко, что нет майонеза! — вздыхала Олли. — Я бы сделала салат...

— Обойдемся и без майонеза, — уверила Софья. Она мелко нарезала водоросли вместе с печеными корнями и сырыми стеблями лопуха, разложила по «тарелкам» и полила салат соком из ракушек. Даже Джош признал, что получилось неплохо.

После обеда, когда у всех было свободное время, Джош куда-то исчез, а потом вернулся с толстой веткой инжира. Он забрал с кухни нож, и к вечеру у островитян появились три прекрасные столовые ложки. Они были кривоваты и маловаты, но есть ими салат было вполне удобно, а если кусочек и вываливался на землю, то его ведь можно было снова вернуть в тарелку.

— Если его очень быстро поднять, то микроб не успевает на него вскочить, — уверял Джош, — счищая песок с упавшего ломтика жареной устрицы и засовывая его в рот.

— А если ты не успел очень быстро его поднять? — спросила Софья.

— Тоже не страшно, за это время микроб успел с него прыгнуть обратно.

По вечерам островитяне сидели возле грота и смотрели на заходящее солнце. Потом на небо высыпали звезды, их было в десятки раз больше, чем можно увидеть в городе.

— Что это за созвездие? — спросила Олли, указывая на несколько ярких звезд над горизонтом. — Вроде трапеции с рожками.

— Это Лев, — ответила Софья. — Немецкий лев, тот самый, которого победил Геракл.

— Это был его первый подвиг?

— Да. Хотя раньше он еще одного льва победил.

— А почему же этот лев второй, а подвиг первый?

— Геракл много всего совершил. Но двенадцатью подвигами Геракла считаются только те, которые он совершал по приказанию Эрисфея, царя Микен.

— Если бы я был таким сильным, как Геракл, я бы не стал слушать какого-то там царя Эврисфея, — заявил Джош.

— Геракл служил Эврисфею по приказу Зевса. Гера, жена Зевса, наслала на него безумие, и Геракл убил своих детей и племянников. Когда он пришел в себя, он очень переживал и безропотно принял наказание: совершить подвиги, на которые пошлет его Эврисфей. И он честно их совершил, все двенадцать. Вон, смотрите, на севере созвездие Дракона, оно тоже названо так в честь подвига Геракла.

— Вижу! — кричал Джош. — Оно и правда похоже на дракона: голова, два глаза и длинный изогнутый хвост. Смотри, Олли, видишь ювш Малой Медведицы, а от него вправо и вниз — голова Дракона.

— Вижу. А когда Геракл его победил?

— Это был его последний подвиг, самый трудный. Эврисфей послал Геракла на край земли, туда, где в саду титана Атланта на золотом дереве росли волшебные яблоки. За садом ухаживали дочери Атланта, нимфы Геспериды. А охранял яблоки дракон Ладон, который никогда не спал. Но Геракл все равно его победил и принес яблоки Эврисфею.

— А у самого Геракла есть созвездие?

— Есть. Вон оно, прямо под Драконом... Когда-то его называли Коленопреклоненным, а уже потом стали звать Гераклом...

Однажды вечером островитяне по своему обыкновению сидели у входа в пещеру. Было еще светло, над морем с криком носились чайки, падали в воду и выныривали с рыбешками в клювах.

— Сегодня, пока вы ныряли, над островом пролетел вертолет, — сказала Софья. — Я ему махала, но он, кажется, не заметил.

— И мы его не заметили. И я снова забыл разложить майку! — вспомнил Джош.

— Нехорошо получается, — сказала Олли. — Может, о нас волнуются... И не вечно же нам жить на острове... Здесь великолепно, но нам надо на Крит.

— Хорошо, что мои родители не знают, где я, — сказала Софья. — Они считают, что я еще в Афинах. Я ведь не собиралась возвращаться этим паромом, это случайно вышло. Но если они мне пытались дозвониться, то уже волнуются, что я пропала.

И в это время над морем послышался рокот мотора. Вертолет! Софья вскочила и замахала руками.

— Давайте подкинем побольше хвороста в костер! — закричала Олли. — Тогда они точно увидят!

Она стала охапками кидать в огонь весь хворост, который они запасли у очага. Джош махал своей красной майкой. А Софья прыгала вокруг костра и кричала.

Вертолет завис над островом. Потом он стал медленно снижаться и опустился на песок, недалеко от пляжа, где островитяне обычно купались и добывали ракушки. Из вертолета выскочили двое мужчин в военной форме и женщина в белом халате. В руках у мужчин была какая-то странная конструкция, а у женщины — белый чемоданчик с красным крестом. Они кинулись вверх по склону по направлению к гроту.

— Вот и закончилось наше приключение, — грустно сказала Софья.

— А у нас как раз стол накрыт! — воскликнула Олли. — Давайте пригласим спасателей с нами поужинать. Не пропадать же устрицам и инжиру! Софья, где у нас запасные тарелки?

Софья достала несколько листьев лопуха, и в это мгновение спасатели выскочили на площадку перед гротом. Мужчины закричали по-гречески, а женщина кинулась к Олли

и запричитала. Софья рассмеялась и принялась что-то объяснять, но женщина махала руками, а потом обратилась к Олли и Джошу по-английски.

— Бедные ребята! Какой ужас! Вы, наверное, ослабли! Сейчас вас уложат на носилки и отправят в госпиталь! Вы не ранены?

Мужчины уже разворачивали носилки и направлялись к Олли. Девочка вскочила с места.

— Не трогайте меня! Я прекрасно себя чувствую! Я абсолютно здорова!

— Бедная деточка! Не кричи, у тебя нервный срыв от того, что тебе пришлось пережить! Сейчас я сделаю тебе укол! — врач принялась рыться в своем чемоданчике.

Софья, размахивая руками, пыталась что-то объяснить мужчинам в военной форме. Но те были непреклонны.

— У несчастных детей помутился разум! — объясняла врач. — Это бывает от страха и голода. Представьте, что они пережили на этом острове — одни, без взрослых, без еды и одежды, без крова над головой! Представьте, как бедным малюткам пришлось день ото дня бродить здесь в страхе и одиночестве. Как они с тоской всматривались в даль, ожидая, что их спасут. А спасения все не было...

Укладывайте девочку на носилки! И немедленно укутайте всех в одеяла.

И Олли уложили на носилки. Джош и Софья, несмотря на протесты врача, пошли сами. Вторых носилок не было, а ждать, пока носилки освободятся, они не стали. Врач пыталась задержать их силой, но у нее не вышло. От укола Олли кос-как отвертелась. Но одеялами всех укутали.

Островитян погрузили в вертолет.

— Хоть какой-то плюс, — зашептала Олли Джошу. — Я всегда мечтала полетать на вертолете, и вот сбылось.

— А теперь выпьем лекарство, детка, — объявила врач и, воспользовавшись тем, что рот у Олли приоткрылся от возмущения, ловко засунула в него ложку с микстурой. На вкус она оказалась еще хуже, чем была на вид...

ГЛАВА 4

Остров Крит

Вертолет приземлился в аэропорту Ираклиона. Здесь островитян уже ждала медицинская машина, и бедные жертвы кораблекрушения были немедленно отправлены в госпиталь.

— Я так и вправду, чего доброго, заболела, — шептала Олли Джошу, пока ее загружали в машину и в очередной раз укутывали в одеяло. — На острове я себя прекрасно чувствовала, хотя в первую ночь и воды нахлебалась, и меня прибоем било о камни, и еда была непривычная, и я мерзла по ночам. И ничего! А сейчас меня уже тошнит от этой микстуры, и я чувствую, что из окна дует сквозняк...

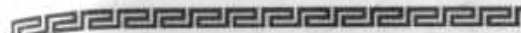
— Тебе дует, деточка? — воскликнула врач, прислушивавшаяся к разговору, и немедленно закрыла окно машины.

В госпитале всех троих островитян долго осматривали, ощупывали и выслушивали. Время от времени в отделение пытались ворваться журналисты, но строгие врачи выдворяли их обратно. Потом островитян усадили в каком-то кабинете, и женщина в полицейской форме стала задавать им вопросы под присмотром врача.

— Достаточно для первого раза, — волновался врач, — вы утомляете детей.

В это время за дверью слышались громкие голоса, потом звуки борьбы и в кабинет ворвался Джонатан.

— Наконец-то вы нашлись! — закричал он. — Доктор, не выгоняйте меня, я родственник! Я родной брат жертвы кораблекрушения! Я сам жертва кораблекрушения! Молодцы, ребята! Я уже все про вас знаю, мне спасатели рассказали. А меня за журналиста приняли и не хотели пускать! Там толпа журналистов перед дверьми, все хотят поговорить с несчастными детьми, которые чуть не умерли на необитаемом острове.

— Джонатан! — воскликнул Джош. — Это были лучшие дни моей жизни! Ты не представляешь, какой это был чудесный остров и как мы не хотели с него спастись! Познакомься, это Софья. А это Джонатан, мой старший брат.

— Ваш брат спас мне жизнь, — смущенно произнесла Софья. — И Олли тоже.

— Я уже знаю, — сообщил Джонатан. — Там ваши родители приехали, Софья. Но их врачи не пускают... Доктор, когда я могу забрать детей?

— Что вы! — испугался врач. — Детям надо с недельку полежать в больнице, подлечиться... Такие правила. Хотя я, признаться, удивлен, мы обследовали их, и у всех троих организм в полном порядке. Это просто чудо!

— Ну так, может, вы их отпустите, всех троих?

— Софья Яппакис совершеннолетняя, она сама решит. А что касается детей...

Но в конце концов Джонатан уговорил строгого доктора, они с Софьей подписали какие-то документы и вся компания собралась на волю.

— Идите через черный ход, — предложил Джонатан. — Иначе журналисты нас не вы-

пустят. А я предупреджу родителей Софьи. И возьмите вот это, — он протянул детям два больших кулька.

— Что там? — спросила Олли.

— Кроссовки, майки, джинсы, свитера, кепки от солнца, зубные щетки, расчески, носовые платки... Все, что нужно для цивилизованной жизни.

— Да, закончилась наша свобода... — вздохнул Джош.

Очень скоро все четверо уже сидели в гостиной дома Яннакисов. Мама Софьи накрывала на стол. А Олли, Джош и Софья снова и снова рассказывали о том, как они провели эту полную приключений неделю.

— Джонатан, а теперь ты расскажи! — потребовала Олли. — Как ты спасся? И что с остальными людьми, и с паромом, и с кошкой Матильдой? И что у тебя с головой? Почему ты весь исцарапанный?

— Самое удивительное, что со всеми все в порядке, кроме паромы, — ответил Джонатан. — Паром утонул, но все остались живы. Это просто чудо, потому что он был перегружен, и шлюпок не хватало. Но мимо проходило огромное грузовое судно, оно успело

снять всех, кто не поместился в шлюпках и на плотках, даже раньше, чем прибыли спасатели. Человек тридцать прыгнули в воду, и их разметало по всему морю. К счастью, всех нашли с вертолетов. Понятно, что в воду прыгнул только тот, кто хорошо плавал и знал, что в воде он будет в безопасности.

— А ты, Джонатан?

— Я пытался найти вас, но понял, что это бесполезно в такой давке. Но я был уверен, что вы не пропадете. Я стоял и думал, прыгать мне в воду или подождать еще немного. И тут ко мне подлетела наша соседка по палубе, ее Христиной зовут. Рыдает и сует мне свою Матильду. Говорит, что ее с Матильдой не пускают в шлюпку. Вокруг паника, все кричат, толкаются. Матильда мяукает, как бешеная. Я никогда не слышал, как мяукают бешеные кошки, но думаю, что именно так... Короче, пока я раздумывал, Христина убежала, и я остался с Матильдой на руках. А паром продолжал погружаться в воду. Я же понимал, что дальше будет только хуже... Короче, я засунул Матильду под майку, чтобы она не вывалилась, и прыгнул вниз.

— Она так и плыла у вас под майкой? — воскликнула Софья.

— Если бы! Мне пришлось посадить ее на голову. Потом я увидел, что к парому подошел сухогруз и понял, что все будет в порядке. Но вернуться я уже не мог, меня несло течением. И вот, я плыву, море теплое, луна светит... Спешить некуда... Это было бы прекрасной ночной прогулкой, если бы Матильда не царапалась. А потом, когда мы с ней выбрались на берег, она потребовала от меня рыбы. И мне пришлось ее ловить.

— А как ты ловил рыбу? — воскликнул Джош. — Мы тоже хотели, но у нас же не было лески.

— Я сделал острогу из ветки дерева.

— Какой вы молодец! — воскликнула Софья.

— Это не я молодец, а Матильда. Она просто съела бы меня, если бы я ее не накормил. У меня не было выбора. Я ловил для нее рыбу, я добывал для нее пресную воду. Я выдолбил миску из камня. Я сделал для нее тент из своей майки, потому что она не желала лежать на солнце и орала, как потерпевшая. Но это я был потерпевший. И не потому, что попал в кораблекрушение, а потому что оказался на одном острове с этой кошкой. А все то время, что я не добывал для нее рыбу и не долбил ми-

ску, я должен был ее гладить и чесать за ухом. Единственное, чего я для нее не делал — не ловил мышей. И то только потому, что их там не было. Если бы были, пришлось бы ловить. Она бы заставила, я уверен. День, когда я увидел в небе вертолет, был самым счастливым днем моей жизни. И когда в аэропорту ко мне подбежала Христина, и я вручил ей Матильду, и она посадила ее в корзинку и ушла, я понял, что есть на свете счастье.

— Вы обменялись телефонами? — спросил Джош.

— Она хотела. В смысле, Христина хотела. Но мысль о том, что мы с Матильдой снова встретимся в этом мире, меня привела в ужас. Я до сих пор на улицах вздрагиваю, когда слышу мяуканье. Надеюсь, это пройдет, раньше я всегда любил кошек.

— А почему паром потерпел крушение? — спросила Софья. — Олли и Джош рассказали, что его протаранило какое-то судно. Разве такое может быть?

— В дни футбольных матчей все может быть! — вмешался в разговор отец Софьи. — Наши играли в Аргентине. Там был день, а у нас как раз ночь! Короче, обе судовые команды, кто не спал, все сидели у телевизоров,

В это время мама Софьи внесла в комнату огромное дымящееся блюдо и что-то сказал по-гречески.

— Прошу всех к столу, — перевела Софья. — Мама говорит, что хоть мы и не голодали на своем острове, но от домашней еды, наверное, не откажемся.

— Еще как не откажемся! — воскликнула Олли. — Я только сейчас поняла, как я соскучилась по нормальной еде. Хотя на острове тоже все было прекрасно.

На обед была подана тушеная баранина с помидорами и оливками, черные и зеленые маринованные оливки, пирог со шпинатом и яйцами, имевший сложное название «Спанакотиропитта», и салат, который Софья назвала «Хорьятики салата».

— Какой вкусный салат! — восхитилась Олли. — Я приготовлю такой дома, в Англии. Он же совсем просто делается: порезать помидоры, лук, огурцы и перец, добавить брынзу и маслины, и посыпать зеленью.

— Делается он просто, — согласилась Софья, — но только в него надо класть не любой сыр, а знаменитый греческий сыр, который называется «фета». Его готовят из овечьего молока. И мы, греки, уверены,

что нигде, кроме Греции, такой сыр делать не умеют. Ну и, конечно, таких маслин, как в Греции, тоже нигде нет. Если ты захочешь в Англии приготовить настоящий «Хорьятики салата», тебе придется достать греческие черные маслины и настоящее греческое оливковое масло.

— А почему оливки бывают черные, а бывают зеленые? — спросила Олли.

— Очень просто, — вмешался Джош, — зеленые не успели дозреть, а черные — это спелые.

— Так многие иностранцы думают, но это неправильно, — объяснила Софья, — оливки всегда собирают зелеными. Просто их засаливают по-разному. Если рассол насыщают кислородом, то оливки становятся черными, и вкус у них тоже меняется. Но обычно для разных способов засола используются и разные сорта оливок.

— А правда, что оливковые деревья живут много тысяч лет? — спросил Джош.

— Насчет многих тысяч лет, не знаю. Но есть деревья, которым больше тысячи лет. А самому древнему оливковому дереву в Европе больше двух тысяч лет, говорят, у него диаметр ствола десять метров.

— Так значит, в нем поместилось бы несколько таких комнат, как эта! — воскликнул Джонатан.

— Да. У нас в Греции принято, когда рождается ребенок, сажать в его честь оливковое дерево. Когда ребенок подрастает, оно начинает плодоносить. А настоящий урожай оно начинает давать, когда человек становится совсем взрослым, лет через тридцать. И потом еще больше ста лет дерево дает хороший урожай. Так что хватает и его детям, и внукам.

— А в честь тебя оливковое дерево посадили? — спросила Олли.

— Нет, мы же в городе живем... У этих деревьев корни очень сильно разрастаются, им надо много места, в нашем дворике оливу не посадишь.

— А откуда же ты все это знаешь? — удивилась Олли.

— Любой грек тебе это расскажет. Ведь оливы — это почти символ Греции. И это символ нашей столицы. Вы знаете миф о том, как они у нас появились?

Джонатан, конечно, знал, а ребята не знали.

— Ну так я вам расскажу, — объявила Софья. — Давным-давно, когда еще и города

Афины не было, вокруг, на территории Аттики, уже жили люди. И два бога поспорили о том, кому из них будут подчиняться эти земли. О власти над Аттикой мечтали бог моря Посейдон и богиня мудрости и ремесел Афина Паллада.

— А я считала, что Афина была богиней войны! — воскликнула Олли.

— Была, но только по совместительству. В основном она все-таки ведала мудростью и покровительствовала только тем полководцам, которые воевали мудро и справедливо. Вот ее брат, бог Арес, тот любил войну ради войны, любил битвы и кровь. А Афина предпочитала мирную жизнь. И когда они с Посейдоном решили сделать жителям Аттики по подарку, дар Афины оказался очень мирным: она посадила первое оливковое дерево. А Посейдон ударил в скалу своим трезубцем, и из земли забил родник. Жители Аттики решили, что дар Афины полезней, и объявили ее своей покровительницей. В ее честь назвали и город Афины, который стал столицей Аттики, а потом и всей Греции.

— Если Софья начала говорить об истории и мифологии, ее не остановишь, — улыбнулся старший Яннакис. — Ты лучше потчуй гостей

как следует, они наголодались на этом вашем острове. А завтра повези их на экскурсию по Криту, тогда и наговоритесь.

— Так и сделаем! — объявила Софья. — Тогда мы начнем с Диктейской пещеры.

В это время раздался звонок в дверь. Отец Софьи вышел в холл и через несколько минут вернулся с огромным букетом роз.

— Софья! — удивленно произнес он. — Там посыльный от какого-то мистера Каина. Он велел передать тебе цветы и письмо и сказал, что дожждется ответа.

— Этан на Крите? — изумленно воскликнул Джонатан.

— Мы тебе потом все расскажем, — заявил Джош.

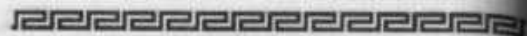
Тем временем Софья прочла письмо.

— Вы мои друзья, — заявила она, — и я не хочу иметь от вас секретов. Этан просит меня о свидании.

Олли увидела, как резко вытянулось лицо у Джонатана.

— Он вел себя как последний трус, и я не хочу иметь с ним ничего общего, — продолжала Софья.

Лицо Джонатана приняло обычное выражение.

— Посоветуйте, что мне ему ответить, — обратилась Софья к Олли и Джошу. — Ведь это вас он преследует, вам хочет помешать. Я готова направить его по ложному следу.

— Я придумала! — закричала Олли. — Назначь ему встречу где-нибудь по дороге к Диктейской пещере. На высокой скале. Пусть карабкается. А мы помашем ему из автобуса.

— Непонятно, как эта дурацкая шутка наведет его на ложный след, — заявил Джонатан. — Но мне все равно нравится эта идея. Хотя и очень нехорошо издеваться над гениальным программистом и другом семьи.

Наутро Олли, Джош и Джонатан встретились с Софьей в холле гостиницы.

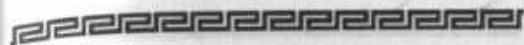
— Одевайтесь потеплее, — предупредила Софья, — в пещере холодно и сыро.

Друзья отправились на автовокзал и скоро автобус уже вез их по горной дороге, над которой стоял утренний туман.

— Ехать придется долго, — сказала Софья, — не меньше часа!

— Разве это долго? — засмеялся Джош.

— По нашим меркам долго. Крит ведь небольшой остров, не то, что ваша Англия. С востока на запад он тянется на двести

шестьдесят километров. А с севера на юг в самом широком месте — всего на пятьдесят шесть. И почти весь он покрыт горами. Мы и сейчас поедem в горы, на плато Лассити.

— А чем знаменита эта Диктейская пещера? — спросил Джош.

— Легенда говорит, что в ней родился Зевс. А потом его мать, Рея, перенесла его в другую пещеру, тоже на Крите, на горе Иде. Там она прятала маленького Зевса от его отца Крона.

— А зачем? — удивилась Олли.

— Верховный бог Крон боялся, что его ребята свергнут отца и захватят власть над миром. Ведь он и сам когда-то победил своего отца Урана. Убить своих детей Крон не мог, они были бессмертны, но он их на всякий случай проглатывал. Его жена Рея родила ему пятерых божественных детей, и все они оказались в желудке у Крона. А потом Рея родила шестого ребенка, Зевса, в той самой пещере, куда мы сейчас едем. Но Рее не слишком нравилось, что ее детей съедают. Она подсунула Крону завернутый в пеленки камень, и он ни о чем не догадался. Маленький Зевс воспитывался на Крите, его кормила молоком коза Амалтея, а когда он плакал,

специальные стражи, куреты, стучали в медные щиты, чтобы Крон не слышал детского плача. Ну и в конце концов, Зевс вырос и победил своего отца. Проглоченных братьев и сестер он выпустил на волю, и они разделили власть над миром. Но царем богов и людей стал Зевс, хотя он и был самым младшим.

— А потом в этой пещере люди устроили святилище, — вмешался Джонатан. — Там нашли алтарь, керамические статуэтки и соуды минойской культуры.

— Минойской? — переспросил Джош. — Как-то знакомо звучит...

— Это культура древних критян, — ответил Джонатан, — ее так называли археологи в память царя Миноса.

— Смотрите! — перебила его Олли. — Как странно! На самой вершине горы стоит человек с букетом.

— Так это же Каин! — воскликнула Софья. — Я ему назначила встречу на этой вершине. Я и забыла, я не думала, что он примет это всерьез.

— А что ты написала?

— Что хочу сообщить ему нечто важное...

— Он решил, что это связано с талисманом. Он, конечно, и сам не понимает, в чем дело.

Да ведь и мы не понимаем. Просто все как-то завертелось вокруг этой лунной богини...

Олли высунулась из окна и показала Каину язык.

— Олли! — пристыдил ее Джонатан.

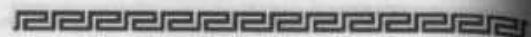
— Ничего, он далеко и все равно не увидит. А ты, я вижу, уже не так тепло, как раньше, относишься к гениальному программисту и другу семьи?

— Признаться, мне он и самому слегка надоел, — смутился Джонатан.

— А я знаю почему... — шепнул Джош на ухо Олли.

Диктейская пещера Олли и Джошу понравилась, и не потому, что в ней родился Зевс. Просто они впервые оказались в карстовой пещере; ее стены были покрыты бесчисленными складками и драпировками из камня, из них выступали какие-то загадочные скульптуры, похожие то на голову дракона, то на крылья гигантской летучей мыши. Все они были мокрыми, вода сочилась по стенам, и пещера искрилась при свете фонарей.

— Как такое могло получиться? — восхитилась Олли.

— Очень просто, — объяснил Джонатан. — Здесь под землей залегали камни, которые растворяются в воде: известняки. Вода размывала их и получилась пещера. А по ее стенкам текла вода, в которой был растворен известняк, соли осаждались и выросли все эти складки и скульптуры. Там, где вода капала с потолка, образовались сталактиты: видите, как будто сосульки свисают сверху. А внизу, там, куда вода падала, торчат такие же сосульки, только острием вверх — они называются сталагмиты.

— Ничего себе! — воскликнула Олли, драгиваясь до огромного сталактита больше метра в длину. — А можно мне отломить кусочек на память? Они же снова вырастут...

— Что ты! — ужаснулась Софья. — Сталактиты растут очень медленно, иногда со скоростью около сантиметра в сто лет, и даже меньше! А если в пещере что-то нарушится, они и вовсе перестают расти, и тогда говорят, что пещера умерла. А пока она живет и развивается, как человек. Ее нельзя трогать.

— А эти колонны как появились? — спросил Джош, указывая на покрытые каменными драпировками столбы, подпирающие потолок пещеры.

— Здесь снизу рос сталагмит, а сверху — сталактит. А потом они встретились. А вон там, внизу, смотрите, озеро. В нем, наверное, купали новорожденного Зевса.

— А что здесь нашли археологи? — поинтересовался Джонатан.

Софья стала рассказывать, и вскоре взрослые углубились в профессиональный разговор, который детям был не особенно понятен и не особенно интересен.

— Джонатан, — попросил Джош, — мы пойдем погуляем вокруг пещеры, ладно?

— Идите. И можете особенно не торопиться. Нам есть, о чем поговорить. Встретимся часа через три возле входа, снаружи.

ГЛАВА 5

Нить Олли—Ариадны

Олли и Джош отправились гулять по горам.

— Думаю, нам можно не слишком торопиться, — сказал Джош. — По-моему, Джонатан без ума от Софьи. И это здорово, потому что теперь он нам поможет отделаться от Каина. Он уже не будет кричать, что Каин друг семьи и что надо ему рассказывать про все наши планы, иначе невежливо.

— Ты мальчишка, и потому говоришь глупости! — возмутилась Олли. — При чем здесь Этан! Просто Софья замечательная, поэтому я рада, что она понравилась Джонатану. Но в одном ты прав: нам можно не спешить. Пойдем наверх, в горы. У меня, кстати, есть с собой несколько бутербродов.

— А у меня фонарик, я утром купил в киоске. Вдруг мы здесь еще найдем какую-нибудь пещеру...

Ребята поднимались все выше и выше, сначала по тропкам, а потом и просто по скалам, но никаких пещер видно не было. Зато были видны горы, а внизу, на плато, — бесчисленные ветряные мельницы с яркими белыми крыльшками.

— Я думала, что ветряные мельницы были только в древности, — сказала Олли. — Как здесь красиво, просто глаз не оторвешь...

— Ты под ноги смотри, а не вокруг, — посоветовал Джош.

— А вон там какие-то старинные мельницы, каменные, полуразрушенные, — не успокаивалась Олли. — Они уже травой и мхом поросли. Как красиво... Ой!

Ее нога сорвалась со склона и девочка заскользила вниз.

— Держись, Олли! — закричал Джош.

Но держаться было не за что. К счастью, склон был хоть и крутым, но не обрывистым, и Олли не летела, а кувырком катилась вниз. На небольшом выступе скалы она умудрилась затормозить и ухватиться за траву.

— Постарайся продержаться пару минут! — кричал Джош. — Я спускаюсь к тебе.

— Не надо, а то мы отсюда не выберемся. Здесь какая-то трещина в скале, я попытаюсь в нее протиснуться.

— И что ты в ней будешь делать одна?

— Ждать тебя. А ты иди за Джонатаном.

— Мы не найдем тебя! И ты так и будешь до старости сидеть на этой скале... Как Сцилла.

— А кто такая Сцилла?

— Потом расскажу. Держись, я спускаюсь к тебе.

Скоро Джош, цепляясь за траву и за камни, умудрился добраться до трещины в скале, где сидела Олли. Он огляделся — вниз уходило крутое ущелье, его дно было усеяно острыми камнями. По обе стороны тянулись обрывы.

— Я думаю, я смог бы вскарабкаться обратно, наверх, — неуверенно сказал Джош. — Если, конечно, повезет...

— А если не повезет?

— Ну тогда, лучше и не пытаться. Тогда мы будем жить на этой площадке, как две сциллы.

— Да кто такие эти твои сциллы?

— Когда Одиссей плыл на своем корабле, там над морем была такая маленькая пло-

щадка, вроде этой, а на ней сидело чудовище с шестью головами и двенадцатью ножками. Это и был Сцилла. Я так понимаю, что ей с этой площадки было некуда деваться, поэтому она питалась проплывающими мимо мореходами. Она вытягивала свои длинные шеи и хватала их прямо с корабля.

— А почему мореходы не могли плыть подалее от этой площадки?

— А потому, что с другой стороны в подводной пещере сидело другое чудовище, Харибда, и всасывало в себя воду вместе с кораблями.

— Так это я, по-твоему, Сцилла с шестью головами и двенадцатью ножками? — возмутилась Олли.

— Ну, голова у тебя одна. Но если мы отсюда не выберемся, нам только и останется, что питаться проходящими по ущелью путешественниками.

Олли свесилась с края площадки: далеко внизу, на дне ущелья, по острым камням тек ручей.

— Не думаю, что здесь кто-нибудь плавает, — сказала она. — И даже если мы отравим себе длинные шеи и шесть голов, мы все равно до них не дотянемся. Так что давай выбираться отсюда.

— Но как?

— Можно протиснуться в эту щель и посмотреть, что там внутри. Вдруг там пещера, которая имеет другие выходы?

— Придется попробовать.

Ребята с трудом втиснулись в трещину в скале и пошли по узкому проходу, ведущему вниз. Скоро стало совсем темно, и Джош зажег фонарик. Проход становился то шире, то уже. Один раз детям пришлось ползти по камням, цепляясь спиной за низкий свод.

— У меня, наверное, клаустрофобия, — Джош хотел передернуть плечами, но они застряли.

— А что это такое?

— Это вроде болезни, когда люди боятся тесных помещений. — Джош с трудом протиснул плечи и ударился головой о свод.

— А если мы вдруг застрянем, и ни туда, ни сюда? — спросила Олли. — А если сзади упадет большой камень и перекроет дорогу?

— Не говори об этом, мне и так нехорошо... Ой, смотри, впереди что-то интересное.

Джош сделал последний рывок и вывалился из узкого лаза, Олли — за ним. Они стояли в небольшой пещере; впрочем, о ее размерах было трудно судить — она была вся заполне-

на колоннами и гигантскими валунами. За выступами, покрытыми бесчисленными каменными складками, таилась темнота. Олли и Джош стали осторожно обходить пещеру.

— Смотри, какой-то коридор! — воскликнул Джош. — А вот еще один, и по дну течет ручей!

— А вон, за колонной, какой-то проход, но он совсем узкий. Надо решить, куда мы пойдем.

— В самый узкий я не пойду, — передернулся Джош. — Оставим его на крайний случай. Давай пойдем по самому широкому.

— Нет, лучше по самому красивому. Смотри, как его стены искрятся. Как будто на них налепили тысячу свечек, и все свечки оплыли, и растеклись, но еще горят. А вон колонна, как ствол пальмы... А за ней еще какой-то проход, довольно широкий. Как здорово!

— Здорово! — согласился Джош. — Только здесь этих коридоров столько, что мы в них заблудимся. Пока что мы еще знаем, как выйти на поверхность, хотя бы к той площадке, где мы сидели, как две сциллы. Там нас, в конце концов, найдут, если мы сами не выберемся. А вот если мы заблудимся под землей, никому и в голову не придет, что мы здесь.

— Я знаю, что мы сделаем! — воскликнула Олли. — Мы поступим, как Ариадна с Тессеем. Надо привязать к колонне какую-нибудь нитку, и потом, если коридор не выведет нас наружу, мы вернемся в эту пещеру.

— Хорошая идея, но только глупая, — хмыкнул Джош. — Где мы здесь возьмем клубок с нитками?

— Я всегда говорила, что девочки умнее мальчишек, — вздохнула Олли, — а ты не верил. Если я сейчас достану нитки, поверишь?

— Поверю, их ведь здесь все равно негде взять.

Олли со вздохом сняла с себя свитер, зубами надорвала край и потянула за нитку.

— Жалко, красивая была шмотка. Но ничего не поделаешь. — Она привязала нитку к колонне. — Здесь не жарко. Но если я замерзну, ты дашь мне свою куртку погреться.

— Я ее прямо сейчас тебе отдам, — сказал Джош. — И при этом признаю, что ты умнее. Но насчет всех девчонок я не согласен.

— Ладно, — согласилась Олли, — это даже интереснее, если только я такая умная. Я и Ариадна. Пойдем.

Они пошли по проходу, аккуратно расправляя за собой шерстяную нитку. Коридор извивался и ветвился внутри горы; временами он становился таким узким, что Джош порывался повернуть обратно.

— Но ведь другие проходы могут оказаться еще уже, — возражала Олли. — Надо идти пока получается, иначе мы всю жизнь проторчим под землей. Хотя мне здесь нравится.

— А мне нет, — передернул плечами Джош.

— Но ведь здесь так красиво! И так загадочно!

— Нет, подземная жизнь не по мне! — возразил Джош. — А из тебя вышла бы неплохая Персефона.

— Ты про жену Аида, бога подземного царства?

— Ну да.

— Ошибаешься, Персефона вовсе не хотела жить в подземном царстве. Аид ведь ее похитил. Он знал, что она не захочет выйти за него замуж и что ее мать, богиня плодородия Деметра, никогда не отпустит дочку под землю. Поэтому он спросил разрешения только у Зевса, отца Персефоны. Зевс не возражал, и Аид похитил невесту, когда она собирала цветы на лугу. Он примчался на черных конях, схватил ее и унесся обратно под землю.

— Ну да, помню, — сказал Джош. — Тогда Деметра рассердилась и перестала заниматься плодородием. На земле началась зима, наступил голод. Люди перестали приносить жертвы богам, и у богов тоже наступил голод. И тогда Зевс велел, чтобы Аид каждый год отпускал Персефону на землю на две трети года. Поэтому две трети года в Греции тепло. А потом Персефона возвращается под землю, Деметра начинает грустить, и наступает зима.

— Ну вот видишь, Персефона вовсе не хотела жить под землей. Но жить здесь постоянно и я бы не хотела. Тем более с Аидом... Фу!

— Смотри! — воскликнул вдруг Джош.

Луч фонарика, который скользил по стенам, провалился во тьму впереди детей.

— Что там? — воскликнула Олли.

— По-моему, огромная пещера. Осторожно, здесь вода!

Ребята перепрыгнули через ручей, пересекавший их путь, и спустились по камням в огромный зал, выточенный в скале подземными потоками за многие миллионы лет.

— Вот это да! — воскликнул Джош. — Здесь даже мне нравится!

Олли стояла потрясенная.

В гигантской пещере могло бы, наверное, поместиться футбольное поле, если бы не бесчисленные колонны, уходившие вверх, к далекому своду. Сверху свисали гроздьи сталактитов — миллионы и миллионы искрящихся каменных сосуллек. Стены были покрыты резными колонками, драпировками, складками. Посередине пещеры синело ровное, почти круглое озеро, обрамленное колоннами. Фонарик Джоша не мог осветить огромный зал, и его своды терялись в темноте, но там, куда падал луч света, зажигались тысячи искр.

— Ой, кто это? — вдруг в испуге воскликнула Олли и схватила Джоша за руку.

— Где?

— Смотри, там какое-то чудовище! Дай фонарик!

Олли направила свет в глубину пещеры. Там, омываемый водами подземного озера, стоял гигантский каменный алтарь. Он был высечен в мягком камне, вокруг извивались причудливые фигуры, созданные самой природой. А над ним, прямо из стены пещеры, выступала огромная голова быка. По его морде мягко сочилась вода, и от этого гигантский зверь казался живым. В его глазах играли блики, их выражение менялось каждую секунду. Его влажные ноздри, казалось, шевелились, втягивая воздух. Огромные рога — два мощных стагмита — подпирали свод.

Джош вздрогнул и отступил на шаг. Потом облегченно рассмеялся:

— Да он же каменный!

— Это и страшно! Если бы здесь просто оказался живой бык, я бы не испугалась. А когда каменный бык вдруг начал шевелиться...

— Это вода и свет играют.

— Да, теперь я вижу... Смотри, возле алтаря что-то лежит...

— Да, керамические сосуды. И какие-то странные желтые штуки... Олли, они из золота!

— А может, это медь?

— Медь давно позеленела бы... Они же здесь тысячи лет лежали, это навсрянка, святилище времен царя Миноса. Надо достать их. Представляешь, как все археологи обрадуются!

— Лучше мы им расскажем, и пусть они сами сюда придут.

— Они и придут, и будут здесь десять лет все замерять и щеточками чистить. И пусть себе чистят! А это мы завтра же отнесем в музей. И нам, в благодарность, помогут с поиском лунных талисманов. Если мы такую находку сделаем, нам здесь все будут рады, мы с любым археологом сможем посоветоваться. А так, кто с нами будет разговаривать? Скажут, детки, идите играть в свои игрушки. Никто же не верит ни в какие талисманы. Они вон и в Геракла не верят, не говоря уже о Змееной Богине.

— Мы туда не пройдем, там же вода.

— Я сплаваю.

— Ты с ума сошел! — воскликнула Олли. — Вода ледяная! И мало ли кто там живет, в этом озере.

— Да никто там не живет! А если и живет? В море и акулы живут, и гигантские кальмары, и крылатки с ядовитыми шипами... Мы

же купаемся, и ничего... Держи фонарик, будешь мне светить.

Джош разделся до плавок и шагнул в воду.
— Холодная! — скривился он.

Олли со страхом смотрела, как Джош плывет на другую сторону озера. Вот он доплыл до алтаря и встал на ноги.

— Олли, — закричал он с восторгом, — это золотые секиры!

Громкое эхо отдалось под сводами: секиры... секиры... кыры... пры... Олли показалось, что морда быка зашевелилась и даже рога как будто наклонились вперед.

— Джош! Не трогай ничего! Возвращайся! Пусть археологи сами все это забирают. Ты же знаешь, они вообще не любят, когда что-нибудь трогают раньше времени.

— Я только одну секиру возьму! Они маленькие, легкие! Олли, они такие красивые! Посвети сюда!

Олли послушно направила луч света на алтарь, и вдруг фонарик погас.

Темнота обрушилась, как удар по голове. Олли никогда раньше не видела такой тьмы, ведь на поверхности земли, как бы плотно ты не закрывал окна и двери, всегда есть хоть немного света. Здесь света не

было. Олли в ужасе потрясла фонарик — он не загорался.

— Джош! Что-то случилось с фонариком! Что делать?

— Потряси его!

— Не помогает!

— Тогда подавай мне сигналы голосом. Ну хоть пой что-нибудь.

— Что мне петь?

— Что хочешь. Ну хоть «С днем рождения...»

Олли дрожащим голосом стала выводить мелодию, одновременно прислушиваясь к плеску воды. Плеск становился все ближе. Наконец, послышалось шлепанье босых ног.

— Джош, это ты?

— Нет, бог Аид пришел тебя похитить! Где моя одежда?

Джош на ощупь натянул на себя джинсы и майку.

— Ну и холодно!

Олли сняла куртку и накинула ему на плечи.

— Жалко, я секиру так и не успел взять, — сказал Джош. — А потом в темноте ее было не нащупать... Вот бы наши удивились.

— Они еще больше удивятся, если мы не вернемся домой, — дрожащим голосом сказала Олли. — Я, кажется, потеряла нитку.

Олли и Джош на четвереньках облазили всю доступную им часть пещеры — нитки нигде не было. Олли в отчаянии уселась на пол и уткнулась носом в плечо Джоша.

— Подозреваю, что мы останемся здесь навсегда, — сказала она мрачно.

— Вот что, — сказал Джош, — главное, не надо паниковать. Что бы ни было с нами дальше, от жажды мы пока не умрем, воды здесь много. Воздуха тоже хватает. А без пищи человек может жить целый месяц. Поэтому давай не паниковать, за месяц что-нибудь да случится. Может, мы нитку найдем, может, озеро высохнет, а под ним — подземный ход... А может, сюда какие-нибудь спелеологи придут.

— Этот алтарь три с половиной тысячи лет стоял, и никакие спелеологи не приходили.

— Ну так раньше не было спелеологов. Поэтому не купись, а давай лучше поедим. У тебя же есть бутерброды.

Олли на ощупь достала из маленького рюкзака бутерброды с колбасой. Это был грустный обед. Олли и Джош вспоминали, как совсем недавно они накрывали стол на острове, на залитой горячим солнцем площадке перед своим гротом. Над ними было

синее небо, вокруг — простор и море. Как было тепло, светло, весело.

— Я начал замерзать, — сообщил Джош, — никакая куртка не помогает.

— Я тоже, — призналась Олли. — Более унылого обеда у меня в жизни не было. И колбаса какая-то безвкусная. И бумага на нее налипла, в темноте не отчистишь. И какие-то нитки в рот лезут... Ой, Джош! Да это же наша нитка, у меня во рту! Как она здесь оказалась?

Конец обеда прошел почти весело. Потом Олли взялась за конец нитки и ребята медленно пошли обратно от негостеприимной пещеры. Идти в темноте, даже и используя путеводную нить, было очень трудно. Они спотыкались о камни, ударялись о выступы, бились головой о низкие своды. Один раз нитка зацепилась за камень и оборвалась, и Олли чуть не расплакалась от страха. Но скоро они нашли оторванный хвостик.

В конце концов нить Олли — Ариадны привела детей в ту самую пещеру, из которой они начали свой путь, и Олли стала отвязывать нить от колонны.

— Подожди, — остановил ее Джош. — Мы снова пойдем по нитке. Вдруг мы не найдем

нужный проход на ощупь? Тогда мы вернемся сюда и начнем все сначала. Из этой пещеры по крайней мере один коридор ведет наружу, туда, откуда мы пришли.

— Но я вовсе не хочу туда возвращаться! — воскликнула Олли. — Я не умею ползать по скалам, как муха. И я не собираюсь жить там на обрыве, как твоя любимая Сцилла, ожидая, пока меня найдут спасатели. Ты хочешь, чтобы тебя снова загружали в вертолет, везли в больницу и пичкали микстурой?

— А что же делать?

— Мы пойдем по другому проходу и будем идти, пока хватит нитки. Если он не выведет нас наружу, пойдем по третьему... И так, пока не перепробуем их все. А нитку я отвязывать не буду, в этом ты прав.

— Нет, ты не Сцилла, ты истинная Персефона, — вздохнул Джош. — Как ты можешь сидеть под землей? Я скорее готов висеть на обрыве, лишь бы оказаться на солнце... Ну ладно, давай попробуем по-твоему.

Ребята на ощупь нашли в скале какой-то проход. Олли утверждала, что это тот самый, которым они сюда пришли. У Джоша было другое мнение, и он настоял, чтобы они вос-

пользовались этим коридором. Скоро вдаль забрезжил свет.

— Ура! — завопил Джош.

— Ура! — вторила ему Олли, хотя и не так радостно. — Но, Джош, это, кажется, наш ход, мы уже шли здесь. Смотри, как низко опускается потолок. Я помню, как мы позли здесь на четвереньках.

Как ни хотелось Джошу выйти наружу, на солнце, но он признал, что Олли права, и ребята повернули обратно, в темноту.

Третий ход не привел их никуда. Они шли по нему, пока хватило нити. Когда нить закончилась, Олли с сожалением остановилась и схватила Джоша за руку.

— Дальше нельзя!

— Но мне кажется, что я вижу свет там, впереди. Посмотри внимательно!

— Я не вижу. Хотя воздух стал какой-то свежий. Джош, я уверена, что там, впереди, выход. И все-таки мы не пойдем туда. А вдруг мы ошибаемся? А вдруг проход разветвляется и мы не найдем пути обратно? Тогда мы навсегда останемся под землей. А вдруг там есть отверстие, но оно слишком узкое для нас? Или выходит на отвесный обрыв?

И они вновь повернули обратно.

— Мне кажется, что мы уже всю жизнь живем в этой пещере, — жаловался Джош. — Походим, походим и снова в нее возвращаемся. Может быть, в следующий коридор ты пойдешь одна, а я пока посижу, подремлю? Ты все равно вернешься, когда нитка закончится.

— Нет, я чувствую, что этот проход — тот, который нам нужен, — заявила Олли. — Ведь он, кажется, последний.

— Нет, есть еще ответвления из коридора, ведущего в святилище. Их там много было.

— Там мы обязательно заблудимся. Мы должны держаться этой пещеры. Пойдем, у нас остался последний шанс.

Этот коридор оказался самым страшным. Иногда детям приходилось протискиваться

ся сквозь такие низкие лазы, что один раз Джош даже застрял. Олли, которая шла впереди, должны была вернуться и тащить его за куртку.

— Ни за что не полезу обратно, — заявил Джош. — Лучше останусь и буду здесь жить. Ты освоишься, будешь ходить на волю и обратно, носить мне бутерброды...

— Нет, я не стану носить тебе бутерброды, — рассмеялась Олли. — Тогда ты за неделю похудеешь и легко будешь протискиваться в любую щель. Помнишь, как Винни Пух застрял в норе у Кролика и как он оттуда выбрался?

Но узкая щель оказалась далеко не самым страшным местом. Коридор стал широким и почти ровным. Ребята шли, рядом, Олли неспешно разматывала нить... Вдруг она по-

чувствовала, что ее нога проваливается в пустоту. Она вскрикнула и выпустила клубок. Джош успел на ощупь схватить ее за майку, и Олли повисла на обрыве, отчаянно цепляясь за его край. Раздался треск ткани, Олли закричала и рухнула в темноту.

Она думала, что на этом все и кончится, но лететь пришлось недолго, а точнее, совсем не пришлось. Олли соскользнула с обрывчика, не больше полуметра высотой.

— Джош! — закричала она, — здесь невыско! Спускайся, только осторожно.

Джош неуверенно слез с каменной ступеньки. Олли поймала его руку и попыталась встать на ноги. Правую ногу пронзила острая боль.

— Джош! Я, кажется, повредила ногу.

— Сломала? — перепугался Джош.

— Нет, наверное. Только очень больно.

И тут Олли увидела свет. Едва заметное свечение впереди. Было неясно, откуда он идет, просто абсолютная тьма стала обычной темнотой, такой, как ночью в закрытой комнате.

— Джош, смотри, там что-то светится!

— Да, я уже увидел. У тебя сильно болит нога?

— Да. Я встать не могу.

— Тогда я пойду вперед один. Ты не бойся, я возьму клубок и посмотрю, что там, впереди. А потом вернусь к тебе.

Прошли несколько минут, которые показались Олли вечностью. А потом под тесными сводами пещеры раздался ликующий голос Джоша:

— Выход! Олли! Здесь есть выход!

Олли забыла про больную ногу, вскочила и кинулась вперед. Идти было больно, но можно. Скоро в коридоре стало светлее, а потом, на повороте, она столкнулась нос к носу с Джошем.

— Давай я помогу тебе, опирайся на меня. Вот так. Олли, там есть выход: узкая трещина в скале. Ты точно пролезешь.

— А ты?

— Я постараюсь.

Они пролезли оба. Правда, Джошу пришлось для этого раздеться до трусов, и он весь исцарапался. Но скоро они уже карабкались вниз по крутому, но безопасному склону. Над горами садилось солнце.

— Что нам скажут Джонатан и Софья? — спросила Олли.

— Они нас убьют и будут правы. Представляю, как они волновались...

Олли и Джош еще долго блуждали по ущелью, пока нашли нужную тропу и в конце концов вышли к Диктейской пещере. Джонатан и Софья сидели на траве и о чем-то оживленно беседовали.

— Они обиделись, — сказал Джош, — наверное решили, что это мы специально. И теперь делают вид, что знают нас не знают.

Ребята смущенно подошли ближе.

— Джонатан! Софья! — позвала Олли. — Вот и мы. Вы не сердитесь?

Джонатан повернул к ним голову и взглянул невидящими глазами.

— А, это уже вы? А мы вас и не ждали так быстро...

ГЛАВА 6

Жрица Луны

На следующий день Софья заехала в гостиницу со своим коллегой, профессором археологии Мальтезосом. Профессор усадил англичан в машину, и вся компания отправилась разыскивать таинственную пещеру. Олли и Джош облазили все окрестности, исцарапались, чуть не сорвались с крутого склона, но их усилия были тщетны.

— Здесь так все похоже, — жаловалась Олли, — всюду ущелья и обрывы, всюду кусты растут, всюду камни висят... Вчера мне казалось, что я с закрытыми глазами сюда вернусь...

— Не расстраивайся, Олли, — утешал ее профессор, — рано или поздно мы эту пещеру найдем. Жалко только, что слава первооткрывате-

лей достанется не вам. А пока что расскажите мне подробнее, что вы там видели.

Профессора особенно заинтересовали золотые секиры.

— Мы уже находили подобные секиры в других пещерах, — сказал он. — И это говорит о том, что вам эта пещера не померещилась. И в знаменитом Кносском дворце мы находили изображение секиры. Секира по-гречески называется «лабрис», отсюда и слово «лабиринт» возникло.

— Значит, лабиринт — место, где есть секиры? — удивилась Олли.

— Именно так. Но поскольку коридоры дворца оказались такими запутанными, постепенно все такие конструкции стали называть лабиринтами. По крайней мере, так считал знаменитый греческий историк Плутарх. И секира, и лабиринт — это главные символы Крита. Ну и быки, конечно.

— А почему быки?

— Я же вам рассказывала, что Зевс, для того, чтобы похитить Европу, превратился в быка, — напомнила Софья. — Это был первый знаменитый бык, появившийся на Крите. А потом произошла другая история. Царь Минос воздвиг в Кноссе жертвенник в

честь Посейдона и попросил, чтобы бог сам послал ему быка для принесения в жертву. Посейдон согласился и отправил на Крит великолепного белого быка. Но бык так понравился Миносу, что он оставил его себе, а в жертву принес другого быка, поплоше. Тогда Посейдон рассердился, и в результате у жены Миноса, Пасифаи, родился ребенок с головой быка, знаменитый Минотавр.

— А другой сын Пасифаи, Андрогей, был убит быком, — вспомнил Джонатан. — Он отправился в Афины на спортивные состязания и там принял участие в охоте на марафонского быка. Этот бык убил Андрогея, и его отец Минос потребовал от афинян возмещения. С тех пор афиняне и посылали юношей и девушек на съедение Минотавру.

— В общем, вся история Крита связана с быками, — подытожил профессор. — Недаром у нас здесь что ни археологическая находка, то изображение быка. Их и на фресках рисовали, и на вазах. Кносский дворец был украшен гигантскими скульптурами — бычьими рогами, вытесанными из камня. Может быть, все это было еще и потому, что Крит ведь находится на юге. Когда греки ночью смотрели в сторону Крита, они видели

висящий над ним месяц, а это ведь бык — это лунный символ.

— А я и не знала! — воскликнула изумленная Олли. — Значит, изображение быка — это лунный талисман?

— Не знаю, что ты имеешь в виду под талисманом, — улыбнулся профессор, — но в общем, да. Бык — это символ луны у многих древних народов.

— А я догадался почему! — воскликнул Джош. — У месяца есть рога, и у быка тоже.

— Но ведь и у коз есть рога! — возразила Софья.

— Да, но козы и бараны такие шустрые, подвижные... А луна спокойная, неторопливая. Она так величественно движется по небу. Бык гораздо больше похож на луну.

— Наверное, ты прав, — снова улыбнулся профессор. — Недаром греки считали, что богиня луны Селена едет по небу на колеснице, запряженной быками. Из тебя выйдет настоящий ученый, Джош — ты умеешь делать выводы.

Джош смутился.

— А еще в Кноссе нашли знаменитый ритон в форме бычьей головы, — вспомнила Софья.

— А что такое ритон? — спросила Олли.

— Сосуд для вина. Вы его можете посмотреть в нашем музее. Там собраны находки со всего Крита.

— Давайте поедem в музей! — попросила Олли.

Так все и сделали.

В музее Олли и Джош прежде всего кинулись искать изображения быков. И у них буквально глаза разбежались. Глиняные статуэтки быков. Черный узорчатый ритон с золочеными рогами. Гигантские сосуды с рельефными быками на стенках.

— Неужели критяне ставили такие гигантские кувшины на стол? — изумилась Олли.

— Нет, конечно, — рассмеялась Софья. — Эти сосуды называются пифосами. Они стояли в подвалах, в них хранили масло, зерно, маринованные оливки.

— Такая красота стояла в подвалах? Смотрите, вон на том пифосе несколько ярусов узора. Тут и люди, и быки, и просто орнамент. И они все это лепили и рисовали, чтобы запихнуть в подвал?

— Тогда люди жили совсем иначе, — вмешался Джонатан. — В старину считалось, что все, что делает человек, должно быть прекрасно, даже если этого никто не увидит. Вон, посмотрите, еще один пифос, на нем сразу головы быков и двойные секиры.

— Из быков этого музея можно составить хорошее стадо! — воскликнул Джош.

— Да, на целую гекатомбу наберется! — согласился профессор Мальтезос.

— А что такое гекатомба? — спросила Олли.

— Так древние греки называли большое жертвоприношение, когда в честь какого-нибудь бога закалывали сразу сто быков. «Гека» по-гречески значит «сто».

— Сто быков! — возмутилась Олли. — Какие кровожадные у вас были боги!

— Не думай, что этих быков просто убивали, — возразил профессор. — Жертвоприношение было совместным пиром богов и людей. Часть мяса, конечно, сжигалась на жертвеннике, но в основном его съедали люди. На гекатомбу собирался весь город, это был общий торжественный обед. Гомер в Одиссее описывает, как жители Пиллоса приносили гекатомбу Посейдону. На берегу моря собрались четыре с половиной тысячи человек, и все сытно пообедали. Для многих бедняков это было редкой возможностью вдоволь наесться мяса.

— Смотрите, секиры! — воскликнул Джош. — Точно такие я видел в пещере, только мои были золотыми, а эти бронзовые.

— Золотые секиры на Крите тоже находили, — поддержал его профессор.

— Ой, смотрите, — воскликнула вдруг Олли, — лунный талисман! Луна, покрытая узором!

— Нет, это не луна, — рассмеялись археологи. — Это фестский диск.

— А что это такое?

— А этого никто толком не знает. Это обожженный глиняный диск, который нашли при раскопках критского города Фест. На нем

выдавлены загадочные маленькие рисунки, идущие по спирали. Наверное, тот, кто сделал этот диск, пользовался штампами. Это, конечно, какой-то документ или письмо. Но расшифровать его ученые так до сих пор и не сумели. Может быть, когда это удастся, выяснится, что там идет речь о твоих любимых лунных талисманах. Но, скорее всего, это просто какие-нибудь хозяйственные записки. Например, сколько амфор с вином и сколько пифосов с оливками хранилось в подвалах фестского дворца. И сколько в этом дворце было рабов.

— А почему вы так думаете?

— Потому что на Крите было найдено много глиняных табличек, на которых были выдавлены подобные знаки. Критяне пользовались двумя видами письменности, ученые называли их «линейное письмо А» и «линейное письмо Б». «Письмо Б» расшифровано, но ни одна табличка не содержит ни красивых легенд, ни любовных писем. В основном это хозяйственные записки.

— Но ведь фестский диск написан каким-то другим видом письма, может быть, именно его использовали для чего-нибудь более интересного? — возразила Олли.

— Может быть. Хотя для настоящего историка нет ничего интереснее, чем перечень разного барахла, хранившегося в подвале. Ведь из этого перечня мы узнаем, и что ели древние люди, и какие злаки выращивали, и как запасали продукты на зиму...

— А теперь я покажу вам самое интересное, — объявила Софья. — Вы так увлеклись своими быками, что забыли про другое лунное существо.

— Какое? — удивилась Олли.

— Вот это номер! — возмутилась Софья. — А моя прапрабабушка?

Вся компания поднялась на второй этаж музея. Здесь висели фрески из Кносского дворца, вырезанные прямо со штукатуркой и закрытые стеклами. На одной из фресок были изображены дельфины, на другой — три дамы в голубых нарядах, на третьей — праздничная процессия.

— А вон еще один бык! — воскликнула Олли. — Какие-то люди с ним играют, а один так даже на нем кувыркается! Это ты нам про них рассказывала на острове, Софья!

И тут она увидела Софью. Точнее, ее лицо, висящее на стене под стеклом. Сходство было до того поразительным, что Олли вскрикнула. Все столпились возле фрески.

— Мы давно восхищаемся тем, как они похожи, — улыбнулся профессор. — Когда мы издавали буклет, посвященный музею, мы попросили Софью стать рядом с фреской и сделать фотографию. Удивительно, ведь прошли три с половиной тысячи лет, сменилось около ста сорока поколений. Когда-то эта женщина жила в одном из самых загадочных мест нашей планеты. Она общалась с царем Миносом... Она видела великого Дедала... Она бывала в знаменитом лабиринте... И вот мы смотрим на ее живое лицо, и она нам улыбается.

И Софья улыбнулась в ответ.

Настал день, когда путешественники, наконец, собрались посетить Кносский дворец.

— Почему вы так волнуетесь? — удивлялась Софья. — Все находки оттуда вы уже видели в музее. И фрески тоже.

— А сам дворец? Ведь его построил великий мастер Дедал! Там жил Минотавр! Для нас это всегда было сказкой. И вдруг мы попадем во дворец, где они на самом деле жили! Это же здорово!

И вот Джонатан, Софья и ребята оказались на холме, с которого виднелись развалины дворца. Перед ними простирались бесчисленные коридоры, лестницы, переходы, остатки стен и целые стены, колоннады, крыши...

— Как здорово! — воскликнула Олли. — Тут и правда можно заблудиться без клубка ниток! Пойдемте вниз.

Они шли мимо высоких стен, мимо ярких красных колонн, по великолепным каменным ступеням... Софья повела их в прихожую Миноса, отсюда проход вел в тронный

зал. В прихожей стояли каменные скамьи и деревянное кресло.

— Как здорово все сохранилось! — шепнула Олли Джошу. — Ну прямо как новенькое!

— Оно и есть новенькое! — скривилась Софья.

— Как? И кресло?

— На этом месте нашли горстку деревянной трухи. И современные мастера вырезали кресло. Никто не знал, как оно должно выглядеть, поэтому они сделали деревянную копию каменного трона, который стоит в тронном зале. Хотя, скорее всего, здесь стояла просто деревянная лавка.

— Так это все не настоящее? — фыркнула Олли. — Как декорации в кино?

— Нет, кое-что настоящее. Вот каменный трон настоящий.

— А фрески?

— Это копии.

— А колонны?

— Некоторые, может быть, и настоящие. Но все свежевыкрашенные.

— А как узнать, что здесь настоящее?

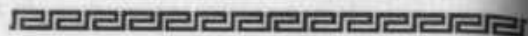
— Никак. Можно только догадываться. Англичанин Эванс копал и восстанавливал Кносс столет назад. Тогда у археологов и у ре-

ставраторов еще не было таких правил, как сейчас. Сегодня реставраторы могут только закреплять то, что сохранилось, ничего докрашивать не разрешается. И уж тем более не разрешается фантазировать и самому придумывать, какой формы здесь стояло кресло и какого цвета были колонны. А раньше таких правил не было, и каждый археолог сам решал, что можно и чего нельзя. Эванс хотел, чтобы Кносский дворец произвел впечатление на зрителей, вот он и постарался...

Софья и Джонатан усадились на ступеньки и углубились в разговор о правилах реставрации, а Олли и Джош отправились гулять по дворцу.

Несмотря на то, что им рассказала Софья, Олли дворец все-таки понравился. Ребята бродили по бесконечным лабиринтам, при-

соединялись к экскурсиям, заходили в комнаты и подвалы, рассматривали гигантские пифосы.

Олли понравилась купальня царицы, где стены были расписаны синими дельфинами и стояла небольшая глиняная ванна. А потом она никак не могла оторваться от огромного быка, нарисованного на стене портика, крышу которого поддерживали три красные колонны.

— Может, на самом деле здесь и иначе было, — сказала Олли, — но все равно, по этому самому лабиринту гулял Минотавр. И в этом портике стояла когда-то Ариадна и волновалась, победит его Тесей или нет. И в этой ванне купалась женщина, жившая три с половиной тысячи лет назад... Они все прямо здесь ходили, где мы сейчас идем. И какая разница, новая на колоннах краска или нет...

— А мне все это не нравится! — заявил Джош. — Я лучше поеду в Ираклион, вон, как раз, автобус подошел. А ты возвращайся с Джонатаном и Софьей.

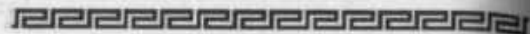
— Ну ладно.

Олли уселась на теплые каменные ступени амфитеатра. Солнце постепенно склонялось к западу. Посетителей видно не было, и если

слегка прищуриться, можно было вообразить себя девочкой, живущей три с половиной тысячелетия назад. Наверняка однажды на этом самом месте сидела двенадцатилетняя жительница Кноссского дворца. Может быть, сестра той самой жрицы... Интересно, о чем она могла думать? О чем мечтала?

Олли прикрыла глаза... Она живет в этом дворце вот уже двенадцать лет... Только что закончились игры с быками, в которых принимал участие ее брат. Нет, лучше она сама. Она кувыркалась на спине быка, и ей рукоплескали люди, сидевшие на каменных ступенях амфитеатра. Потом ее увенчали венком из лавровых листьев. А царь Минос вручил ей награду — амулет, вырезанный из полупрозрачного камня селенита. А теперь все отправились на берег моря, там они принесут гекатомбу Посейдону. Хотя нет, берег далеко... Ну значит, они отправились в оливковую рощу, растущую на холме. Скоро над дворцом поплывет запах жареного мяса. Люди будут пировать, играть на флейтах и плясать под луной... Луна — покровительница Крита... Она будет сиять над дворцом, и юная жрица Луны, стоя в колоннаде портика, будет петь в ее честь священные гимны...

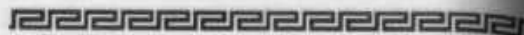

Какая огромная сегодня луна! Как красиво звучит нежный женский голос, как он несетя над всем огромным дворцом, над его бесчисленными крышами и колоннадами... Тоненькая фигурка в белоснежном одеянии стоит на ступенях портика, протянув руки к сияющему в небе диску. Вот она сходит вниз и идет в сторону амфитеатра. Луна освещает ее с головы до ног, светится серебристое одеяние, мерцает полумесяц в черных кудрях.

Жрица подошла к Олли и стала на арене, залитой лунным светом. Олли видела, что сквозь ее полупрозрачный силуэт просвечивают контуры стоящих вдалеке зданий. Впрочем, может быть, это ей только показалось? Луч луны упал на лицо девушки, и Олли радостно улыбнулась: Софья! Селена!

— Я не Софья, — мягко произнесла девушка. — А Селеной звали ту, которой я служила. Каждую ночь я поднималась по ступеням дворца и пела гимны в честь своей повелительницы. Каждую ночь она просажала над Киоссом по черному небу, и быки с серебряными рогами влекли ее колесницу. Каждую ночь она озаряла мое лицо своим дивным светом, каждую ночь ее лик скользил по моему лицу. Каждую ночь... Мы стали похожи, как сестры...

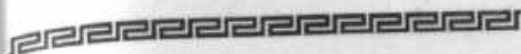

— Но где же ты теперь живешь? — прошептала Олли.

— Мое тело превратилось в цветы и травы три с половиной тысячи лет назад. Но моя дочь продолжила мое служение... Из поколения в поколение женщины нашего рода становились жрицами Луны. А придворный художник написал мой портрет на стене дворца, чтобы я осталась вечно жить в памяти людей, чтобы я могла снова и снова выходить на землю лунными ночами и вечно служить своей повелительнице... Вот и сегодня я педа священные гимны... Ты слышала их?

— Да...

— Но нет мне покоя, и мое служение не приносит мне радости, — шептала жрица. — Великий мастер Дедал изваял три лунных талисмана, три священных символа Луны. Жрецы служили им, а люди радовались их красоте и прославляли Селену, прекраснейшую из богинь. Но настал час горя и смерти, и нежная Селена не смогла защитить нас от ярости Ареса. Ахейцы высадились на Крите, высадились темной безлунной ночью. Они захватили его дворцы, они разграбили его сокровищницы, они увезли священные талисманы на своем чернобоком корабле. Бо-

гиня покарала нечестивцев, и содрогнулась земля, и рухнули скалы, и ни один не ушел живым. Но и талисманы ушли из мира живых. Мне не будет покоя, пока они не вернуться к людям... Ты нашла один из моих талисманов, Олли. Но их было три. Три священных символа изваял великий Дедал. Один из них навеки упокоился...

Голос девушки стал тих и пресекся... Ее фигура начала медленно таять в воздухе. Вокруг потемнело.

— Где он упокоился? — воскликнула Олли. — Где? Не исчезай, скажи мне, где?

Но женская фигура уже растаяла в воздухе. Олли подняла голову к небу — луна зашла за тучу.

— Вернись! — закричала Олли. — Ты должна рассказать мне все! Вернись!

Она протянула руки туда, где только что стояла жрица Селены, схватила пустоту и вдруг проснулась.

Олли вскочила на ноги. Была ночь. Перед ней лежал черный квадрат амфитеатра, окруженный каменными ступенями. Вдали высились силуэты дворцовых зданий и колонн. По небу плыли тучи, сквозь которые едва просвечивал серебристый диск луны.

Олли с недоумением озиралась вокруг. Где она? Как она здесь оказалась? Где все остальные? Кто была эта девушка, жрица великой Селены? Неужели сон?

Хоть бы луна вышла из-за туч — может быть, тогда жрица снова попытается заговорить с ней... Но небо окончательно затянулось, стал накрапывать мелкий дождик. Олли пошла в сторону портика, в котором за колоннами маячил темный силуэт быка.

— Наверное, я просто заснула на ступенях амфитеатра, — подумала она. — Джонатан решил, что я с Джошем, и не стал меня искать. Как странно, что я так крепко спала. Интересно, волнуются ли наши? Надеюсь, что не очень. Как глупо, что мой мобильник испортился во время кораблекрушения... Здесь, наверное, есть какой-нибудь ночной сторож, надо пойти к нему в сторожку... А вдруг луна снова покажется из-за туч? Конечно, это был только сон, но все-таки...

Олли уселась на ступенях портика, прислонившись к колонне. Ей не было страшно, и все-таки девочка ощущала легкую тревогу: она была одна посреди древних развалин. Казалось, вокруг реют тени умерших — тех, кто жил в этом дворце тысячи лет назад.

Небо слегка посветлело, в тучах показался просвет, и лунный луч упал на ступени. Прозрачная фигура мелькнула в воздухе перед Олли, протянула к ней руки. Но луч скрылся за тучами, фигура исчезла, и больше никто не потревожил покой Олли до самого утра.

Утром над миром, над морем и над Кносским дворцом взошла розоперстая Эос — богиня зари. Олли не видела ее — она крепко спала, прислонившись к колонне. Так ее и нашел сторож, делавший утренний обход. Он разбудил девочку, побранил, отвел в служебное помещение и велел позвонить в Ираклион, в гостиницу. А потом напоил Олли горячим чаем и угостил бутербродами с сыром.

Ожидая Джонатана, который должен был приехать за ней на такси, Олли вышла к амфитеатру. Утром все здесь было земным, реальным и обыденным. Пели птицы. Откуда-то издали донесся петушиный крик. Большая серая кошка умывалась, сидя на ступеньке. Дворник подметал камни, на которых ночью стояла жрица Селены.

— Неужели мне все это приснилось? — недоумевала Олли. — Но ведь потом, в портике, я не спала. Я точно помню, как луна

вышла из-за туч и белая фигура снова со-
ткала в воздухе. Что же, мне и это поме-
рилось?

Утром Софья, взволнованная исчезнове-
нием Олли, примчалась в гостиницу, и друзья
снова собрались все вместе. Олли рассказала
о своем ночном приключении. Джонатан от-
несся к нему скептически.

— Ты просто переутомилась в последние
дни, вот и заснула, — заявил он. — Это не уди-
вительно. Раскопки в России, потом путеше-
ствие в Грецию, кораблекрушение, необи-
таемый остров, беготня по музеям... Тут и
взрослый человек начнет на ходу засыпать.
А то, что тебе приснилась жрица Селены,
это естественно. Ты же все время думаешь
о своих талисманах. Что же тебе еще могло
присниться?

— Недавно ей приснился Этан Каин, еду-
щий на корове, — вспомнил Джош.

— А кстати, что-то его давно не видно, —
спохватился Джонатан. — Он тебе больше не
звонил, Софья?

— Звонил. Но я сказала, что видела, как он
на пароме передевался в женское платье, и
попросила его оставить меня в покое.

— В женское платье? — восхитился Джо-
натан. — А я и не знал! Почему мне ничего
не рассказывают про нашего друга семьи и
компьютерного гения? А на корове он тоже
в женском платье ехал?

— Давай пока оставим Каина в покое! — по-
просила Олли. — Нам надо решить, что со
мной было на ступенях амфитеатра: сон или
явь? Я думаю, мне надо в лунную ночь снова
туда отправиться.

— Такие видения два раза подряд не повто-
ряются, — сказала Софья.

— Да никто тебе и не позволит там оста-
ться на ночь, — заявил Джонатан. — В тот раз
тебя сторож случайно не заметил, и будь уве-
рена, ему за это досталось. Он теперь будет
внимательно следить. Посторонним нельзя
находиться в музее после закрытия... Да я и
сам тебе не позволю. Представляю, что ска-
зала бы миссис Бекмани, если бы узнала, что
ты одна ночуешь неизвестно где.

— Но ведь это же нужно для дела! — чуть не
плакала Олли.

— Что за ерунда! Мы живем в двадцать пер-
вом веке! А ты мне всерьез рассказываешь
про привидение какой-то жрицы, умершей
три тысячи лет назад.

— Три с половиной! Но Джонатан, ты ведь знаешь, что проклятие египтянина и заколдованный папирус — это правда. А если ты веришь в них, почему ты не веришь в жрицу Селены?

— Потому что так много чудес с один человеком не бывает.

— Ты становишься таким, как все взрослые! — с возмущением воскликнула Олли.

— Софья, — обиделся Джонатан, — а ты тоже так думаешь?

— Нет, ты не похож на всех взрослых, — утешила Джонатана Софья. — Но вот что касается жрицы, думаю, ты не прав. По крайней мере, мне бы очень хотелось верить, что это действительно была моя прапрабабушка. И что она наблюдает за нами и может дать нам совет...

— Ну хорошо, — сдался Джонатан, — допустим жрица и вправду явилась к Олли. Но что из этого следует? Ночевать в Кноссе и Олли все равно не разрешу.

— Мы же археологи! — воскликнула Софья. — Археологи могут по мельчайшим следам восстановить картину прошлого. А у нас так много информации. Давайте внимательно обдумаем все, что сказала жрица, и ре-

шим, где искать следующий талисман. Даже, если это Олли приснилось, хуже не будет. Людям часто во сне приходит решение проблемы, над которой они безуспешно бились наяву. Может, у Олли в подсознании что-то сработало, и совет жрицы будет нам полезен, даже если сама жрица ненастоящая... Расскажи еще раз, Олли.

Олли повторила свой рассказ.

— Итак, талисманов было три, — подытожила Софья. — Они уплыли с Крита вместе с похитителями-ахейцами. Пока Крит был мощной морской державой и царил на море, никакие ахейцы к нам соваться не смели. Но примерно в пятнадцатом веке Крит действительно попал под их власть.

— А кто такие ахейцы? — подал голос Джош. — Так всех остальных греков называли, кроме критян?

— Так тогда называли жителей материковой Греции. И вот в середине второго тысячелетия ахейцы завоевали Крит. Мы точно не знаем, как это случилось. Но известно, что с этого времени на Крите стали писать на языке, близком к древнегреческому, хотя и знаками критского письма. Наверное, поселившиеся на Крите ахейцы научились у

местных жителей письменности, но язык сохранили свой. Так и получилось «линейное письмо Б», о котором вам рассказывали в музее. И примерно тогда же случилось знаменитое извержение вулкана на острове Санторин. Страшная волна, цунами, прошла по всему побережью. Было сильное землетрясение. И, конечно, множество кораблей погибло в море. Наверное, это извержение погубило корабль с похитителями и с одним из талисманов.

— А куда делись все остальные? — спросил Джош.

— Ну, про один-то все известно. Он попал в танаисские степи и позднее достался царю савроматов.

— Это я и сам знаю. Но как он там оказался?

— Сейчас важнее понять, куда делись два других талисмана, — сказала Олли. — И если мы думаем, что грабителей погубило извержение санторинского вулкана, надо поехать на Санторин. Может быть, там отыщутся какие-нибудь следы.

— Но я вовсе не хочу уезжать с Крита! — воскликнул Джонатан, глядя на Софью. — У нас с Софьей большие научные планы! Нам надо столько всего обсудить!

— Но поиски талисманов важнее, чем твоя наука! — с возмущением воскликнула Олли.

— Не ссорьтесь, ребята! — примирительно сказала Софья. — Я все равно скоро уезжаю с Крита.

— Куда? — с испугом воскликнул Джонатан.

— На остров Кеос. Я должна участвовать в подводных раскопках. Но ты не расстраивайся, ведь ты же опытный археолог и дайвер, тебе на Кеосе будут рады. Да и я за тебя попрошу... — Софья смутилась. — И Олли с Джошем могут участвовать, если хотят.

— Конечно, хотим! — закричали ребята в один голос. — Мы умеем нырять с аквалангом, у нас есть сертификаты!

— Только они утонули вместе с вашими рюкзаками, — напомнил Джонатан. — Ну да не страшно, я уже запросил в посольстве, чтобы нам помогли сделать дубликаты всех наших документов, в том числе дайверских. Скоро мы их получим.

— Но ведь ты же плохо плаваешь! — удивился Джош. — Как же ты будешь работать под водой?

— А я и не буду работать под водой. На суше для всех тоже работы хватит. Мне поручили зарисовывать находки, я ведь неплохо рисую.

— Я знаю, что археологи всегда делают рисунки своих находок, — сказал Джош. — И только сейчас задумался: а зачем? Ведь есть фотоаппарат.

— Фотография может исказить предмет, например, на нем возникают тени, — объяснил Джонатан. — А рисунок — это почти чертеж, на нем все абсолютно точно показано. Конечно, такие рисунки должны делать не просто художники, а люди, которые разбираются в археологии.

— Ну вот и договорились, — сказала Софья. — Вы можете ехать на Санторин, и там разузнать о талисмане. А через десять дней встретимся на острове Кеос. Может быть, вы приедете туда уже с находкой!

— Ура! — завопили Олли и Джош.

— Едем на Санторин за талисманом! — кричала Олли.

— Участвуем в подводных раскопках! — вторил ей Джош.

— Видела бы миссис Бекмани, как вы орете, она бы мигом затребовала тебя обратно в Англию, Олли, — заявил Джонатан.

— Она не узнает, — успокоила его Олли. — Ведь ты же не станешь расстраивать ее, правда?

ГЛАВА 7

Остров Санторин

Олли и Джош стояли на балконе своей гостиницы и смотрели вниз. Перед ними лежал город Фира, он уступами лепился по крутому склону вулкана, как ласточкины гнезда.

— Смотри, в этом городе нет крыш! — воскликнул Джош. — Вон, у той большой гостиницы вместо крыши — бассейн, а рядом с бассейном кафе, и на его крыше дворик, и в нем белье сушится. А у следующего дома на крыше открытая веранда... И так уступ за уступом. И улиц нет, только лестницы, вырубленные в скале.

— Нет, есть улица, — возразила Олли, — на самом верху, одна, вдоль всего города.

Город висел на скале. Ниже скала обрывалась в море, простиравшееся до горизонта,

до ослепительно синего неба. Белоснежные дома все как один имели синие ставни и синие двери. Синие тенты и зонтики маленьких кафе ярко выделялись на фоне белых стен. Высились синие купола церквей. Белые арки были увиты темно-красными вьющимися розами. Далеко-далеко внизу по морю сновали крохотные белые катерки.

— В этом городе только два цвета, белый и синий, — сказала Олли, — ну и еще немного красного. Я никогда в жизни не видела ничего красивее.

— Я тоже. Я думал, что по-настоящему красивыми могут быть только дикие острова или джунгли. А ведь это просто город.

— Ну, это не просто город. Это город-вулкан. Посмотри вон на те маленькие острова — когда-то это все вместе была одна большая гора, торчащая из моря.

— Да, а кратер был вон там, мне Джонатан показывал.

— Софья говорила, что на острове нет ни одного большого дерева, только карликовые, и тех очень мало. Ведь он весь залит лавой. Тут слой почвы совсем тоненький, несколько сантиметров, поэтому растет только виноград, и то не всякий; он стелется по земле.

— А я вижу дерево! — возразил Джош. — Вон, посмотри, у входа в гостиницу.

— Ну так оно же в кадке! — рассмеялась Олли. — Ой, что это? У меня под ногами пол зашатался.

— Землетрясение, — спокойно сказал Джонатан, выходя на балкон. — Не бойтесь, здесь часто трясет, но это не страшно, и все при выкли. Вот в середине третьего тысячелетия здесь и правда было страшно.

— А что здесь было?

— Сначала — обычный остров, на нем росли рощи, жили люди. Мы не знаем, сколько здесь стояло городов, наверное, несколько, ведь остров был не такой уж маленький, гораздо больше, чем сейчас. Но потом люди узнали о том, что надвигается катастрофа и покинули остров.

— Ну ладно, они как-то узнали, — с недоверием сказала Олли. — А ты-то откуда об этом знаешь? Ведь столько тысяч лет прошло.

— Один из погибших городов раскопан, археологи зовут его Акротири. Так вот, в домах не найдено ни скелетов, ни ценных вещей. А на стенах брошенного города, прежде чем его залило лавой и засыпало пеплом, успела вырасти трава. Дома здесь были аккуратные,

ухоженные, не верится, чтобы хозяева позволяли им зарастать травой. И археологи сделали вывод, что люди уехали задолго до начала извержения.

— А про само извержение откуда известно? Ведь его же никто не описал...

— Похожая катастрофа случилась сравнительно недавно, в конце девятнадцатого века в Индонезии. Там тоже был остров-вулкан, Кракатау. Когда началось извержение, сначала люди увидели огромные тучи пепла, вылетающие из кратера. Они закрыли небо на сотни километров вокруг. Огромные пространства были засыпаны пеплом. Из кратера выливались потоки раскаленной лавы, они падали в воду, море вокруг вулкана закипело, в небо поднимались столбы пара. Началось землетрясение. А потом, когда расплавленная магма вылилась наружу, под вулканом образовалась пустота. Туда хлынула вода, и пар разорвал остров на кусочки. Над Кракатау раскаленные обломки острова взлетели вверх на тридцать километров! Волна цунами понеслась по океану. Она преодолела тысячи километров и смела прибрежные города Южной Америки с лица земли. Погибли десятки тысяч людей. А извержение Санто-

рина было в четыре раза сильнее, чем Кракатау! И до Крита всего 120 километров... До других островов и того меньше. Да и материк близко. Представляете, что там делалось! А уж что делалось здесь!

— Кошмар! — воскликнула Олли. — И все это было на том самом месте, где мы сейчас стоим!

— Когда остров разорвало, от него остались только края, залитые лавой и засыпанные тридцатиметровым слоем пепла. Здесь еще очень долго никто не жил. Но потом греки основали здесь колонию и построили порт. Остров заселялся, а в восемнадцатом веке вулкан снова ожил. Прямо из воды валили дым и пар, скалы шевелились. Новые маленькие острова поднимались из моря. Море кипело и выкидывало на берег Санторина мертвую рыбу... И люди снова покинули остров. А потом снова вернулись.

— Но с тех пор все закончилось? — бояливо спросила Олли.

— Нет, — покачал головой Джонатан. — Вулкан жив по сей день, он выдыхает пар и газ и слегка шевелится. Но ученые за ним следят, и если что, людей предупредят заранее. А вот пятьдесят лет назад здесь снова было

сильное землетрясение, большинство домов были разрушены. Уцелели только скафты.

— А что такое скафты?

— Местные жители иногда вместо домов выдалбливали в мягком туфе пещеры. Из кирпича делали только переднюю стену, а в ней окна и дверь. Люди жили в таких пещерах еще в двадцатом веке.

— Как здорово! — воскликнул Джош. — А почему они сейчас в них не живут? Ведь это же безопасно и так интересно!

— Наверное, люди двадцать первого века считают, что жить в пещерах неприлично и несовременно, — вздохнул Джонатан.

— Ну и глупо! — заявила Олли. — Мы жили в пещере на своем острове, и всем очень понравилось. Я бы охотно завела себе такую пещеру прямо в Оксфорде, и все мои школьные друзья умерли бы от зависти. Представьте, я после уроков приглашаю Джейн и Джуди: заходите в мою пещеру, только захватите по дороге хвороста, чтобы поджарить морских фиников. Или учительница меня спрашивает, почему я опоздала на занятия, а я отвечаю: в мою пещеру залилась вода, и мне пришлось менять подстилку из водорослей...

— Ну тогда, чтобы быть последовательной, тебе пришлось бы отказаться от телевизора, компьютера и мороженого, — улыбнулся Джонатан.

— Ладно, раз уж мы не живем в пещере, то от мороженого мы пока отказываться не будем. Я как раз съела бы чего-нибудь сливочно-морозино-клубничного.

И вся троица отправилась в кафе есть мороженое и вообще перекусить. Они уселись под синим тентом. Прямо за низенькой белоснежной балюстрадой обрывалась вниз скала, и там, на глубине трехсот метров, плескалось море. Официант принес меню. Джонатан раскрыл его и не поверил своим глазам:

— Ну и цены! Салат не может столько стоить!

— У нас может, — успокоил его официант. — На Санторине не растут овощи, у нас вообще почти ничего не растет. Все приходится завозить с материка. Так что не удивляйтесь.

— Давайте возьмем салат из опунций, — предложила Олли, — ведь они растут на Санторине, я сама их видела. Их тут целые заросли за городом.

— А что это такое? — удивился Джош.

— Ты не знаешь? Это такие кактусы, они у нас дома растут, бабушка их на окне разводит, в горшках. Только они в горшках не плодоносят. Я всю жизнь мечтала их попробовать.

Джонатан посмотрел в меню:

— Десять евро за порцию опунций! С такими салатами мы вылетим из бюджета!

— Тогда возьми что-нибудь подешевле, — предложил Джош, — а салат из опунций мы сами соорудим вечером в гостинице.

Друзья пообедали тушеным мясом и мороженым, а потом Джонатан пошел знакомиться с местными археологами, а Олли и Джош, верные данному обещанию, отправились собирать опунции.

Город Фира совсем маленький, стоило чуть-чуть отойти от гостиницы, и ребята оказались на гигантском пустыре, заросшем кактусами. Опунции — это множество плоских колючих лепешек, вырастающих прямо друг из друга. И все они были унизаны ярко-оранжевыми плодами величиной с небольшое яблоко.

— Ура! — закричал Джош. — Каким дураком надо быть, чтобы платить такие деньги, когда все это можно сорвать самому. Устроим роскошный фруктовый ужин!

Он схватил один из плодов и вдруг выронил его на землю.

— Что с тобой? — удивилась Олли.

— Он жжется.

— Тебе померещилось. Ты, наверное, укололся о стебель.

— Я не дотрагивался до стебля! Попробуй сама.

Олли осторожно коснулась пальцем плода, висящего прямо у нее перед носом.

— Ничего он не жжется... Ой, да, колко немало. Смотри, на нем какие-то волоски, совсем тоненькие. Они тоже колются.

— Ну и защита у этих опунций, — возмутился Джош. — Мало того, что стебель весь в колючках, так еще и плоды... Ничего, мы осторожно!

Джош обернул руку майкой, сорвал плод и ножиком осторожно очистил с него кожуру.

— Держи! — он протянул Олли половинку.

— Как вкусно! Как будто земляника и дыня сразу!

— И еще, как инжир! В жизни не ел ничего вкуснее... Ой, что-то у меня во рту жжется.

— А у меня губы горят. Ты, наверное, плохо очистил его.

— Я старался. У меня все пальцы уже болят. Так ничего, а проводишь по пальцу ру-

кой, и его как будто иглами колет. Наверное, колючки застряли.

— У меня весь рот в колючках, — пожаловалась Олли. — А как их теперь вытащить? Они же крохотные, их и не видно!

— Не такие уж дураки эти санторинцы. Теперь понятно, почему салат из опунций такой дорогой.

В это время Олли и Джош заметили какого-то мальчика. Он шел вдоль зарослей, очень ловко срывал ягоды и кидал их в корзинку, висящую у него на животе.

— Привет! — сказал Джош, подходя к мальчику. — Можно посмотреть, как ты это делаешь?

— Привет! — отозвался незнакомец. — Повтори, я по-английски плохо говорю.

— Как ты умудряешься их срывать? Мы уже все пальцы искололи и рот тоже.

Мальчик рассмеялся и протянул Джошу руки ладонями вверх. На его перчатках, на каждом пальце и на ладонях, были нашиты тонкие деревянные пластины.

— Здорово ты придумал!

— Это не я придумал, я в книжке прочитал. Так мексиканцы собирают опунцию.

— А почему именно мексиканцы?

— Ну так она же родом из Мексики. У них даже на гербе изображена опунция. Они из нее чего только не делают: и сироп, и патоку, и пастилу, и варенье, и даже вино. Они ее вместо изгородей сажают: никто не перелезет.

— Это точно! — воскликнул Джош.

— А еще они на ней тлю выращивают.

— Ты что-то путаешь, — возразила Олли. — Я знаю, что все фермеры только и мечтают, как бы уничтожить тлю. Кто же ее будет выращивать?

— А мексиканцы выращивают. Это такая специальная тля, из которой делают красную краску, кармин. Когда-то никто, кроме мексиканцев, не умел ее делать, они это в тайне держали. Никто и не догадывался, что тлю можно разводить специально. А из одревесневших стеблей опунции можно вырезать всякие поделки, смотрите.

Мальчик показал на фигурку человечка, висевшую у него на шее.

— Это ты сам вырезал?

— Да.

— Здорово! — воскликнула Олли. — А как ты научился?

— У моего отца лавка сувениров. Он сам всякие поделки делает, ну и я тоже.

— А ты живешь на Санторине?

— Да.

— Везет тебе, — сказал Олли, — здесь так красиво...

— Да. Только с работой плохо. Летом туристы, а зимой все уезжают и никто ничего не покупает. И ездить по городу некому.

— А зачем здесь ездить? Город такой маленький...

— Но ведь у нас такие крутые улицы, точнее лестницы... Многим туристам тяжело здесь ходить пешком, поэтому мой дядя держит таксопарк.

Джош и Олли рассмеялись.

— Думаешь, если мы приезжие, то мы совсем ничего не понимаем? — обиженно сказал Джош. — Какие здесь могут быть такси?

— Хочешь пари?

— Давай.

— Ставлю корзинку опунций.

— А я ставлю килограмм мороженого.

Мальчики пожали друг другу руки, и Олли разбила их.

— Тебя как зовут?

— Николас.

— А нас Джош и Олли. Мы из Англии.

— Пойдемте в таксопарк, Олли и Джош.

Николас повел своих новых друзей по каменным лестницам. Скоро вдали послышался какой-то рев, запахло конюшней.

— А вот и наш таксопарк, — сказал Николас, и ребята увидели площадку, на которой столпилось не меньше двух десятков маленьких осликов. Все они были оседланы, и у всех были мягкие симпатичные носы и длинные мохнатые уши.

— Ой, какая прелесть! — закричала Олли, кидаясь к ближайшему «такси». — Можно мне его погладить? Какие у них чудные ушки!

— Можно, — разрешил Николас. — Можно даже покататься немного, пока нет пассажиров. Это наши ушастые такси, другие здесь не пройдут.

Джош рассмеялся.

— Ты выиграл, ставлю мороженое.

— Я пошутил, это не совсем честный выигрыш, — смутился Николас.

— Все равно я ставлю мороженое.

— Ну а я угощу вас опунциями. Вы ведь не сумеете их сами собрать и почистить.

— Подождите! — умоляла Олли. — Потом будем есть! Смотрите, какие чудные ослики!

— Они еще и умные, — сказал Николас. — Они сразу и такси, и водители в одном лице. Пассажир едет на нем вверх по ступенькам, а потом отпускает. И ослик сам возвращается в таксопарк. Садись, Олли.

Николас помог Олли взобраться на ослика, они с Джошем тоже оседлали по «такси». Ребята проехали по городу. Ослики уверенно карабкались по крутым каменным лестницам. Потом Николас посмотрел вниз, на море:

— Надо отпустить осликов! Вон, видите, идет паром из Афин. Сейчас на пристани окажутся сотни туристов, и всем нужно ехать.

— Но я хочу поблагодарить наши такси! — закричала Олли. Она спрыгнула на землю, забежала в какую-то лавочку и вышла с большим пакетом.

— Держи! — Она раскрошила на ладони коржик, усыпанный орехами, и протянула ослику. Тот понюхал и охотно съел угощение.

— А вы угостите своих осликов, — потребовала Олли, протягивая мальчикам пакет. — Там на всех хватит.

— А на нас хватит? — поинтересовался Джош. — А то я уже проголодался.

— Хватит. Николас, пойдем куда-нибудь на берег и перекусим вместе.

— Можно, — согласился Николас. — У нас здесь есть интересный пляж, вам понравится. Только это далеко...

— Мы не торопимся.

— Ну тогда пойдемте!

Ребята вышли из города и зашагали по залитой солнцем раскаленной дороге. Вдоль нее не было ни одного дерева, только стояли кое-где одинокие виллы, увитые розами. И на каждой крыше лежала какая-то странная конструкция.

— Что это такое? — спросила Олли у Николаса.

— Солнечные батареи.

— А зачем?

— Они собирают энергию солнца и дают электричество. Оно у нас ничего не стоит.

— Как здорово. Я никогда такого не видела. А почему их в Англии нет? Неужели англичане не могли до такого додуматься?

Николас рассмеялся:

— У нас в Греции больше трехсот солнечных дней в году. А у вас?

В ответ и Олли рассмеялась.

— Я не подумала. У нас эти батареи почти весь год стояли бы без толку.

Вдоль дороги потянулись низенькие виноградники, лозы лежали прямо на земле.

— А вон и пляж! — воскликнул Николас.

Ребята спустились по крутой тропе и оказались на берегу, усыпанном галькой. Нико-лас отбежал в сторону, схватил несколько камней.

— Защищайся! — Он угрожающе поднял руку.

— Что ты делаешь? — возмутилась Олли. — Это не игрушки.

Но Николас размахнулся и изо всей силы швырнул в нее горсть камней. Олли отшатнулась, закрываясь локтем, и тут же с изумлением остановилась: камни, вместо того, чтобы полететь ей в лицо, медленно опадали в воздухе, сносимые ветром.

Николас рассмеялся:

— Испугалась? Это же пемза! Она у нас совсем легкая.

— А откуда здесь пемза?

— Это застывшая лава. Ею весь остров покрыт. У нас есть и нормальные пляжи, из гальки. А есть такие, где в основном пемза. Я вас специально сюда привел, показать.

Олли и Джош стали хватать пригоршни камней и подкидывать вверх. Камни летели на ветру, как опадающие листья.

— А почему вон там, где валуны, столько черных пятен? — спросила Олли.

— Здесь недавно судно с мазутом разбилось, — пояснил Николас. — Мы будем купаться дальше, за скалами.

Наигравшись с пемзой и наплававшись в море, ребята уселись в тени под скалой. Олли достала коржики, а Николас ловко очистил опунции из своей корзинки. Сначала Олли и Джош с опаской брали коварные ягоды, но потом поняли, что Николас знает свое дело: на очищенных им опунциях не было ни иголок. Олли тоже захотела научиться чистить ягоды, и Николас показал ей, как это делается.

Потом ребята прошли еще немного по берегу и обнаружили кафе. Джош заказал це-

мый килограмм мороженого, всех сортов понемножку. Официант принес гигантскую миску, в которой лежали шарики всех цветов радуги.

— Вот это да! — воскликнул Николас.

— Ты любишь мороженое?

— Очень. Оно у нас дорогое, а у меня шестеро братьев и сестер. Так что нам оно не слишком часто перепадает.

В город возвращались поздно. Ребята шли по дороге, глядя, как солнце садится в ослепительно красное море. Вдруг возле них притормозила огромная роскошная машина. Дверца ее распахнулась, и Этан Каин собственной персоной оказался на дороге. На нем был великолепный белый костюм, и он улыбался своей великолепной улыбкой.

— Олли! Джош! — воскликнул компьютерный гений, срывая шляпу со своей гениальной головы и раскланиваясь перед девочкой. — Как я рад вас видеть! Какое совпадение! Вы тоже решили отдохнуть на Санторине?

— Мы рады вас видеть, мистер Каин, — ехидно улыбнулась Олли. — А почему на вас брюки? Я слышала, что вы теперь предпочитаете женское платье...

— Клевета! — воскликнул миллионер. — В то время, как я боролся с волнами, спасая свою жизнь, кто-то пустил обо мне эти оскорбительные слухи. Этан Каин в женском платье! Может ли быть что-то нелепее! Я лично усадил Софию в шлюпку, а заодно спас еще нескольких женщин и детей. А теперь эта глупая девчонка...

— Вы что-то путаете, мистер Каин, — воскликнула Олли. — Вы усадили Софию в шлюпку, а мы обнаружили ее в воде. Вы боролись с волнами, но почему-то оказались на борту в юбке...

— Я просто примерял шотландский национальный костюм! — не растерялся Каин. — Вы же знаете, что шотландские мужчины ходят в юбках! Мой дедушка был родом из этой страны, и я решил умереть в одежде предков... Нужно огромное мужество, чтобы в минуту опасности надеть юбку. Я чуть не погиб из-за этой проклятой юбки — она зацепилась за леера. Я мог свалиться в воду и утонуть! А я, между прочим, стою почти миллиард долларов! Я мог бы купить весь этот паром со всеми его шлюпками. А вместо этого висел над водой, пока меня не снял какой-то матрос!

— Надеюсь, вы не очень испугались, мистер Каин?

— Я никогда ничего не боюсь, — объявил миллионер, — потому что за свои деньги я всегда могу спастись! Пусть боятся те, у кого не хватает ума зарабатывать достаточно денег! ...Но что ж мы стоим, садитесь в машину. А что это с вами за мальчик? Вы наняли себе проводника из местных? Я тоже хочу нанять двух-трех телохранителей. На этом жутком острове никогда не знаешь, когда начнется землетрясение или еще что-нибудь похуже.

— Этот мальчик наш друг, — раздраженно ответила Олли, — и мы, пожалуй, прогуляемся пешком.

— Детям не стоит одним ходить в темноте, — возразил Каин, — твоя бабушка была бы очень недовольна тобой, Олли. Лучше садитесь в машину и расскажите мне, почему вы переехали сюда с Крита? Что интересного вы нашли на этом острове? Или еще только ищете?

— То, что мы нашли, осталось на пляже, — притворно вздохнула Олли. — Мы не смогли стронуть проклятый камень с места. Там такие тяжелые валуны... Но ладно, мы сядем в вашу машину, чтобы бабушка не сердилась. Поехали.

— Я тебе что, таксист? — возмутился вдруг компьютерный гений. — Вы прекрасно можете дойти до города пешком, здесь совсем близко. А я, пожалуй, проеду на пляж. Привет Джонатану!

Этан Каин хлопнул дверцей своей роскошной машины и нажал на газ.

— Теперь он перевернет все камни в округе, — рассмеялся Джош. — Надеюсь, он хоть сообразит снять свой белый костюм?

— Боюсь, что нет, — хихикнула Олли. — Ведь уже темнеет, он просто не поймет, как там все испачкано мазутом. Но так ему и надо.

Поздно вечером Олли и Джош сидели в номере у Джонатана и ели опунции, которыми их угостил Николас. Олли учила Джонатана есть их так, чтобы не уколоться, и у них почти получалось.

— Завтра поедем в Акротири, — сказал Джонатан, — там целый город раскопан из пепла и лавы.

Внезапно зазвонил телефон.

— Джонатан! Это я, Этан Каин! — раздался голос в трубке. — Джонатан, скажите портье, чтобы меня пропустили в ваш номер! Он го-

нит меня прочь! Он не верит, что я миллионер, он говорит, что сдаст меня в полицию... Я действительно немного странно выгляжу, Джонатан...

Джонатан кинулся вниз. Через несколько минут он вернулся, сгибаясь пополам от хохота. А за ним вошел... Этан Каин, завернутый ниже пояса в какую-то тряпку, наподобие женской юбки.

— Ой! — сказала Олли и повалилась на кровать, не в силах сдерживать хохот.

— О-о-о! — простонал Джош и скатился на пол.

— Это вы во всем виноваты! — завопил Каин, размахивая одной рукой, а другой придерживая юбку, чтобы она не упала.

— Вы снова... ой, не могу... Вы снова в юбке, мистер Каин!

— Ой! Ха-ха-ха! Не могу... — рыдал Джош. — Мистер Каин, вам опять угрожала опасность, и вы вспомнили про шотландского дедушку? Ой, не могу...

— Что случилось, Этан? — простонал Джонатан, падая на кровать. — Почему вы в таком виде?

— Я испачкался в мазуте! Не мог же я в таком виде возвращаться в гостиницу. Я миллионер.

а не мусоририк! — возмущенно кричал Каин. — Я снял костюм и решил отстирать его, потертость пемзой, благо, ее там много. Но тут налетела волна, я поскользнулся и упал... Короче, мой костюм теперь плавает вокруг острова Санторин. Хорошо, что в машине оказалась какая-то тряпка. Я завернулся в нее, и только тогда понял, что все мои документы были в костюме, и гостиничная карточка тоже.

— Бедный Этан, — рыдал от смеха Джонатан, катаясь по кровати.

— Это не смешно! — вопил компьютерный гений. — Когда я вернулся в свою гостиницу и потребовал ключ от своего люкса, они хотели сдать меня в полицию. Я миллионер! Я не желаю иметь дело с их поганой полицией! Я бежал от них по городу, я перепрыгивал через заборы! Я зацепился за какой-то гвоздь и висел, пока эта проклятая тряпка не порвалась пополам! Это все ваши ребята виноваты! Я напишу Наташе Уэллз! Я напишу профессору Кристи!

— Вы напишете маме, как вы висели на гвозде, мистер Каин? — задыхаясь от смеха спросил Джош.

— Ой, Этан, извините, пожалуйста... — Джонатан вытер слезы. — Ужасно нехорошо

получилось, и мы не должны были смеяться. Я немедленно пойду с вами в полицию и удостоверю вашу личность. Вам восстановят документы. Вот только... Я ведь сам без вещей после кораблекрушения... У меня даже запасных джинсов нет. Сейчас пойду, спрошу у горничной, не поможет ли она нам.

Через минуту Джонатан вернулся в сопровождении горничной. Она выслушала рассказ Кайна и с сомнением покачала головой.

— Все магазины уже закрыты, сэр. Ничем не могу вам помочь. Моя запасная одежда? Да, она у меня есть, сэр. Но это юбка, сэр.

Этан в ярости вскочил с кровати, и горничная, испуганно пискнув, исчезла за дверью. Олли и Джош поняли, что им тоже лучше не задерживаться. Они выскользнули в коридор.

— Я думаю, что он не пропадет! — сказала Олли. — Этан всегда как-нибудь устроится. Давай ложиться спать, завтра рано вставать.

— Завтра едем в Акротири! — подтвердил Джош. — Если только Этан нам не помешает.

Акротири восхитил Олли и Джоша. Археологи перекрыли весь огромный город крышей из прозрачного шифера. Здесь

можно было бродить по древним улицам, заходить в двухэтажные оштукатуренные дома, рассматривать кувшины и пифосы, стоящие на тех самых местах, где их оставили напуганные грядущей катастрофой жители.

— Здесь все по-настоящему, — восхищенно говорил Джош. — Совсем не то, что на Крите. Ничего не подкрашено. А уж что разрушилось, то разрушилось. Но если я вижу стену, я знаю, что ее построил человек, живший здесь три с половиной тысячи лет назад.

— А почему все дома без крыш? — спросила Олли.

— Чтобы проще было смотреть на луну, — пошутил Джош.

Джонатан рассмеялся.

— Вы еще не оставили надежду найти здесь лунный талисман? Дома без крыш, потому что перекрытия были деревянными, естественно, все сторело. Смотрите, дома двух- и даже трехэтажные, а полов нигде нет. Ведь все было засыпано раскаленным пеплом... Но пойдете, спросим, как здесь обстояли дела с культом луны.

Джонатан зашел в один из домов. Там, на территории, отгороженной веревками, ар-

хеологи щеточками расчищали торчащие из земли пифосы. Конечно, они были рады познакомиться с учеником и с дочерью знаменитого профессора Кристи. Но их рассказ расстроил Олли.

Жители города, по-видимому, не отличались особой религиозностью. Правда, на втором этаже каждого дома стены были украшены яркими фресками. Знаменитый археолог Маринатос даже утверждал когда-то, что здесь были домашние святилища. Но в это трудно поверить: на фресках изображены боксирующие мальчики и юноша с уловом рыбы, женщины, собирающие цветы шафрана, и корабли, отплывающие из гавани... И нет ни богов, ни жрецов, ни ритуальных процессий.

— А быков нет? — поинтересовался Джош.

Нет, быков здесь не рисовали. Хотя стены одного из домов были украшены грациозными антилопами. Но антилопа и бык — это совсем разные звери.

Археологи сказали, что пока они не нашли ни одного храма, только жилые дома и мастерские. Но, может быть, храмы еще лежат под слоем пепла? Не пройдет и нескольких десятков лет, как их раскопают.

Расстроенные ребята вышли из древнего города.

— Не грусти, — говорил Джош. — Если похитители привезли лунный талисман на Санторин, в его честь обязательно воздвигли святилище. И его рано или поздно раскопают.

— Через несколько десятков лет? Кроме того, ты же знаешь, что жители покинули город без паники. Они обязательно забрали талисман с собой. Где его теперь искать?

— Но ведь жрица сказала тебе, что после землетрясения ни один похититель не ушел живым... На Санторине были и другие города. Может быть, жители не успели их покинуть... Их тоже когда-нибудь раскопают...

Но Олли оставалась мрачной. Чтобы развеять ее, Джош предложил заехать за Николасом, который должен был сегодня помогать отцу в лавке, и отправиться есть мороженое. Олли безучастно кивнула. В это время возле детей остановился роскошный автомобиль, и Этан Каин в великолепном новом костюме распахнул дверцу.

— Как я рад вас видеть, милые ребята! Не хотите ли прокатиться?

Расстроенная Олли автоматически села в машину. Джош последовал ее примеру.

— Куда мы едем? — поинтересовался Этан Каин.

— В Фиру, — мрачно сказала Олли. — В лавку сувениров, ту, что возле музея...

Николас стоял за прилавком. Он обрадовался своим новым друзьям. Но Олли, застыв на месте, смотрела мимо него: за спиной у Николаса, на полке, между гипсовыми статуэтками, браслетами, маленькими амфорами и прочими поделками стояла небольшая головка из полупрозрачного камня. Надо лбом у нее сиял тонкий лунный серп.

— Смотри, Джош!

Джош поднял глаза и изменился в лице.

— Тихо, Олли! Этан может следить за нами, он для того нас и подвез. Давайте выйдем.

Ребята поманили Николаса и прошли за ним в заднюю комнату.

— Николас! Что это за селенитовая головка у вас на полке? Откуда она?

— Это мой отец вырезал из камня.

— Не может быть! Он где-нибудь видел такую?

— Да нет... Он их сам придумывает. Он уже несколько десятков таких сделал: и женских, и детских... И с луной, и просто

так... Только они плохо продаются. Но ему нравится их вырезать, он ведь хороший скульптор. А лавку держит, потому что семью кормить надо...

— А сколько стоит эта фигурка? — спросила Олли.

— Пятьдесят евро.

— Вот что, — сказал Джош, — сейчас мы пойдем в лавку и спросим тебя, сколько стоит эта фигурка. А ты скажешь: пятьдесят тысяч евро. Мы будем торговаться, но ты не соглашайся. А потом мы уйдем, и ты продашь ее за эти деньги тому, кто зайдет после нас.

— Ты шутишь? — изумленно спросил Николас?

— Ничего я не шучу. Сделай, как я сказал, и заработаешь кучу денег. Хочешь пари, что так все и выйдет?

— Давай! — согласился удивленный Николас.

— Мое мороженое против твоих опунций.

Олли разбила руки мальчиков, и ребята вернулись в лавку. Там со скучающим видом бродил компьютерный гений и миллионер, разглядывая картины из цветного песка.

— Ну так что, отдашь за десять тысяч евро? — спрашивал тем временем Джош, подмигнув Николасу.

— Пятьдесят тысяч и ни центом меньше.

— Но она нам очень нужна! — взмолилась Олли. — Откуда у нас такие деньги!

— Ну и катитесь отсюда, раз у вас нет денег, — ухмыльнулся Николас.

— Дай я еще раз на нее посмотрю...

Николас протянул Олли селенитовую головку. Девочка восхищенно ахнула и почти тельно склала ее в руках.

— Осторожнее! — предупредил Николас.

— Да ладно! — воскликнул Джош. — Что ей сделается! Ей за три с лишним тысячи лет ничего не сделалось!

— Послушай, Николас, — сказала Олли, — я сейчас пойду позвоню папе. Я думаю, мы купим эту головку. Но обещаю, что ты ее никому не продашь. Папа пришлет мне деньги.

— Обещаю! — сказал Николас и незаметно подмигнул девочке.

Вечером вся компания сидела в номере у Джонатана и угощалась роскошным салатом их опунций, который принес Николас.

Джонатана ребята решили не посвящать в историю, которая произошла в лавке.

— Взрослые есть взрослые, — сказал Джош. — Он хоть и смеется над Этаном, но считает его другом семьи... Еще решит, что все это неудобно...

Поэтому Джонатан ел салат, не догадываясь о его происхождении.

Николас был абсолютно счастлив. Еще раньше он рассказал Олли и Джошу, что теперь его мать сможет поехать на лечение, которое ей давно необходимо, сестры смогут купить себе новые платья, а ему самому обещан велосипед.

— Когда этот чудака предложил мне пятьдесят пять тысяч, я чуть не упал! — говорил Николас. — Я ему объяснял, что отложил этот товар для вас и что нехорошо обманывать покупателей. А он заявил, что все, на чем можно нажить деньги, хорошо. Он сказал, что дает на пять тысяч больше, чем вы. Мне неловко стало его обманывать. Я сказал, что эту головку вырезал мой отец. А он в ответ потребовал, чтобы я не морочил ему голову, выписал чек и ушел, пока я не передумал.

— Я ужасно рада за тебя! — заявила Олли. — У Этана денег некуда девать. Он

думает, что за них все можно купить, и на все готов, лишь бы перейти нам дорогу. Так ему и надо.

Опунции были доедены, и Николас убежал. Раздался стук в дверь, и Этан Каин собственной персоной гордо вошел в номер Джонатана. Он не обратил никакого внимания на детей.

— Привет, Джонатан! Хочу похвастать своим новым приобретением. Думаю, эта штучка станет хорошим украшением моей коллекции. Первая половина второго тысячелетия до нашей эры, минойская культура! Глупый мальчишка продал ее мне всего за пятьдесят пять тысяч! Он и не догадывался, что ее цена во много раз больше!

Джонатан повертел головку в руках.

— Этан, боюсь вас разочаровать, но это не вошел.

Каин самоуверенно усмехнулся.

— Хоть вы и археолог, Джонатан, но вы ошибаетесь. Это один из лунных талисманов, за которыми так рьяно охотится уважаемая мисс Кристи! — Каин насмешливо поклонился Олли. — Но на этот раз я опередил юную леди... Я всегда говорил, что предметы роскоши должны принадлежать тем, кто

их достоин — тем, у кого есть деньги, чтобы их покупать... Увы, милая Олли, на этот раз я вас обошел.

Джонатан достал лупу и внимательно изучил приобретение компьютерного гения.

— Этан, вы же знаете меня как профессионального археолога. Бывают сложные случаи, но здесь я не могу ошибаться. Эта головка была изготовлена в двадцать первом веке. Ну, может, в конце двадцатого... Если продавец обманул вас, вы можете попытаться получить свои деньги обратно.

Этан в ярости швырнул головку об пол:

— Этот проклятый мальчишка говорил, что ее вырезал его отец! Я думал, он морочит мне голову... Олли, какого черта ты хотела ее купить?

— Я думала, это лунный талисман! — улыбнулась Олли. — Я ведь не археолог, я только учусь...

— Можешь забрать себе этот талисман! — воскликнул Этан. — Прекрасная игрушка для глупых девочек!

И оскорбленный компьютерный гений вышел из номера, хлопнув дверью...

Впрочем наутро он уже сидел в холле гостиницы.

— Извините меня, Джонатан, — заявил Этан Каин, — я вчера вспылил. Но вы должны меня понять: мне не жалко этих несчастных денег, для меня это ерунда. Но коллекционеру всегда досадно нарваться на подделку.

— Ну что вы, Этан, — смутился Джош, — я вовсе не в обиде на вас. Вы старый друг семьи...

— И поэтому я хочу просить вас об одолжении: возьмите меня на подводные раскопки на Кеосе.

— Но вы же не умеете нырять, мистер Каин! — воскликнула изумленная Олли. — У вас ведь нет сертификата?

— Я куплю его хоть завтра...

— Но, Этан... — Джонатан растерялся, — дайвинг — это очень опасная вещь, ему надо долго учиться...

— Завтра я найму себе в Афинах самого лучшего учителя, а послезавтра все буду уметь! — уверенно заявил компьютерный гений. — Так мы договорились, Джонатан. Ждите меня на Кеосе.

— Только Каина нам не хватало, — проворчал Джош, когда миллионер вышел из гостиницы. — Он, наверное, думает, что мы

снова отправились на поиски талисмана. Будет ходить за нами, как пришитый!

— Он будет не ходить, а плавать, — заметила Олли, — а это еще хуже. Впрочем, под водой ему придется молчать, хоть это хорошо.

— Он, наверное, купит самое дорогое оборудование, с переговорным устройством.

— Значит, мы возьмем акваланг без переговорника, и Этану придется беседовать с рыбами.

ГЛАВА 8

Подводный город

Олли не хотела уезжать с Санторина, ей казалось, что здесь у нее еще есть шанс узнать что-то о судьбе лунного талисмана, похищенного ахейцами с Крита. Но Джонатан спешил на остров Кеос, чтобы встретиться с Софьей. И ребята волей-неволей должны были ехать с ним. Впрочем, по приезде на Кеос, настроение у Олли улучшилось. Софья познакомилась со своими друзьями-археологами, симпатичными молодыми ребятами, и Олли с удовольствием предвкушала подводные раскопки: она ведь еще ни разу не работала под водой. Ей случалось нырять в Южной Америке, в озере Титикака, и она даже нашла там керамическую пластинку с изображением пумы. Но ведь это было просто случайной находкой...

Софья повела своих друзей на раскопки поселения, которое называлось Айя Ирини.

— Ирини? — воскликнула Олли. — Есть такое имя Ирина. Неужели ему столько лет, что оно было уже у древних минойцев?

— Нет, конечно, — рассмеялась Софья. — Так называется ближайшее современное селение. Потому и раскопки так называли. Ведь и на Санторине древний город Акротирин назван так потому, что рядом стоит деревня Акротирин. А как назывались города минойской эпохи, мы почти никогда не знаем. Ведь в то время люди очень редко писали. Да и расшифровать то, что они написали, мы далеко не всегда можем.

Софья показала гостям остатки крепостных стен, развалины домов...

— А я думала, все это будет под водой... — разочарованно сказала Олли.

Софья улыбнулась.

— Этот город стоит на суше, как и четыре с лишним тысячи лет назад, когда он был построен. Но за это время кое-где земля ушла под воду, а вместе с ней и часть города. Там мы и будем работать. А пока что я покажу вам то, что видно над землей.

— А он что, был построен еще раньше Кносского дворца? — удивился Джош.

— Да. Впрочем, когда его строили, на Крите тоже были города. Но критяне свои города не окружали стенами. А здесь, смотрите, вокруг города идет каменная стена толщиной в два метра! А в ней — квадратные башни. А внутри этих стен — вторые, для надежности. Жители города могли выдержать долгую осаду.

— Ну, долгую — это навряд ли... — недоверчиво сказал Джош. — Они бы умерли от голода. А еще раньше — от жажды. При такой-то жаре...

— Они были умнее, чем ты думаешь, — возразила Софья. — Смотри: рядом со стеной находился подземный источник. Сейчас он иссяк, но археологи говорят, что вон те тринадцать ступенек вели к воде. А вот здесь, рядом со стенами, есть помещения — наверное, это были склады продуктов и арсенал с оружием... А это — главные ворота, от них шла улица шириной в три метра. Тогда это считалось широкой улицей, ведь место внутри стен сэкономили, да и повозки по городу обычно не ездили. Вдоль улицы стояли каменные скамьи, возможно, здесь заседали городские старейшины. А вон там, дальше, был храм, в

нем нашли девятнадцать женских статуй, наверное, это была местная богиня.

— А она не имела отношения к луне? — воскликнула Олли.

— Насколько я знаю, нет, — покачала головой Софья. — А вот в этом доме была мастерская кузнеца. Здесь нашли куски бронзы, тигли, в которых он эту бронзу расплавлял, и каменные формы для отливки колец. А в этом доме жил мастер, который делал цветную штукатурку.

— А это откуда узнали? — спросил Джош.

— Там нашли много известкового порошка, из которого делали штукатурку, пятна краски на полу и раковины, из которых добывают пурпур. Наверное, он и пурпурную штукатурку делал тоже. А вон там была гончарная мастерская. А в этом доме жил мастер, который делал вазы из мрамора. Здесь и сами вазы нашли, и обрезки камня.

— А монеты в Айя Ирини находили? — спросила Олли.

Джонатан рассмеялся:

— Олли, ты же дочь археолога. Неужели ты не знаешь, что первые деньги появились гораздо позднее, в начале первого тысячеле-

тия до нашей эры. В поселении минойской эпохи денег быть не могло!

— Ты, конечно, прав, Джонатан, — улыбнулась Софья, — но и Олли по-своему права. Деньги ведь не возникли сразу. Поначалу люди занимались обменом, но всегда были какие-то расхожие товары, исполнявшие роль денег. Например, наконечники стрел или раковины. Для крупных сделок — быки или бараны. Потом стали использовать слитки металлов, чаще драгоценных. А для того, чтобы их каждый раз не взвешивать, на них выпарывали вес. Потом купцы ставили на слитках свое клеймо с указанием веса. Это были уже почти монеты. Вот такие слитки с пометками мы и нашли в одном из домов Айя Ирини. Только они были не из золота и серебра, а из свинца.

Археологи жили в небольшой гостинице, но каждое утро они погружались на корабль и отплывали к месту, которое было обозначено яркими буйками. Здесь, на глубине восемнадцати метров, лежали остатки крепостной стены, которую им предстояло исследовать. Руководитель экспедиции, Александрос Даманаки, поручил молодому греку, по имени

Спиро, подобрать для Олли и Джоша снаряжение.

— Гидрокостюм мне не нужен! — запротестовала Олли. — Вода такая теплая! Я буду работать в купальнике!

— Ты будешь работать в костюме, как положено! — возразил Спиро. — На глубине расход энергии гораздо больше, да и вода там холоднее. Кроме того при раскопках легко пораниться. А еще есть острые ракушки, ядовитые рыбы... Изволь надеть костюм!

Спиро помог детям подобрать маски, надутые жилеты, баллоны с воздухом и октопусы — устройства, которые позволяют этим воздухом дышать. Ведь воздух должен подаваться под давлением, таким же, как давление окружающей аквалангиста воды; чем глубже погружается дайвер, тем оно больше. На детей надели пояса со свинцовыми грузами, к щиколотке прикрепили по футляру с ножом на случай, если они запутаются в рыболовных сетях.

Кроме того, каждый получил по крохотному компьютеру, размером чуть больше наручных часов. Олли уже плавала с таким однажды и знала, что он не только показывает время, глубину погружения и темпера-

туру воды, но и делает сложные подсчеты, с которыми она сама нипочем бы не справилась. В зависимости от того, на какую глубину погружается дайвер, компьютер подсчитывает, сколько времени ему еще можно находиться под водой и с какой скоростью надо всплывать, чтобы не заболеть кессонной болезнью.

— Мы работаем на маленькой глубине, — предупредил Спиро, — но подолгу. Не вздумайте всплывать сразу, а то кессонная болезнь вам обеспечена. Вы знаете, что это такое?

— Конечно, знаем, — обиделась Олли. — Когда дайвер находится на глубине, под давлением, в его крови растворяется азот. А когда дайвер всплывает, давление падает, и азот начинает выходить обратно. Получаются пузырьки, и кровь закипает. Эти пузырьки могут закупорить сосуды, застрять в суставах... Короче, ничего хорошего. И тогда человека приходится запикивать в барокамеру, там повышать давление и выпускать азот понемножку. Так что лучше сделать это еще в воде, а то потом может быть поздно. Это называется «декомпрессия».

— Правильно, — похвалил Спиро. — Вот и делайте это еще в воде. Смотрите на свои

компьютеры, они вам скажут, на какой глубине надо остановиться и выждать сколько минут. И следите за манометрами, чтобы у вас не закончился воздух. Но даже если он закончится, не торопитесь наверх, пока компьютер не разрешит.

— Вы думаете, задохнуться — это лучше, чем заболеть кессонной болезнью? — рассмеялся Джош.

— Ты просто не дал мне договорить. Под нашим кораблем, на глубине пяти метров, всегда висит запасной баллон с воздухом. Там можно спокойно пройти декомпрессию, если у вас кончился свой воздух... И не вздумайте погружаться глубже, чем на восемнадцать метров. У вас сертификаты начинающих аквалангистов, для вас это максимально разрешенная глубина. Эта та глубина, с которой в самом крайнем случае можно подняться и без декомпрессии, если что-то вас напугает. Но все-таки лучше этого не делайте. А теперь держите вот это.

Спиро протянул детям какие-то странные проволочные скребки на палках.

— Что это? — удивилась Олли.

— Будете счищать водоросли. Я пойду под воду вместе с вами и покажу участок стены

и башни, которые надо очистить. Водоросли будете складывать в мешки, чтобы они не плавали вокруг нас.

— А я думала, мы сразу будем копать, — разочарованно сказала Олли.

— Но ведь и на земле участок сначала расчищают, если он зарос, — возразил Джош. — Вспомни, как мы выкашивали траву на кургане, а потом лопатами подрубали корни, чтобы выкорчевать их из земли.

— Правильно, — одобрил Спиро. — Это делается всегда, хоть на земле, хоть на дне морском. А вот копать, как ты, Олли, мечтаешь, мы не будем. Как ты собираешься копать в воде? Мы отсасываем ил специальным насосом. Если слой ила глубокий, то сначала берем толстый шланг. А потом, когда до находок остаются считанные миллиметры, берем шланг потоньше и работаем поаккуратнее.

— И весь этот ил будет плавать в воде вокруг нас? — с ужасом спросила Олли.

— Нет. Здесь ведь берег недалеко, туда и протянут шланг. Ил пропускается через сито, вдруг в него попали какие-нибудь мелкие предметы. Но надо стараться, чтобы в шланг ничего не попадало. Сначала мы должны все

находки зачертить и сфотографировать в тех местах, где они лежали.

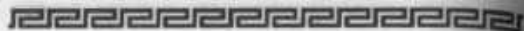
— Как это: зачертить? — рассмеялась Олли. — Под водой?

— Конечно. Есть специальные планшеты и специальные карандаши. Но вы все это еще увидите. Сейчас ваша задача — очистить стены от водорослей. Начинаем погружение.

Ребята засунули в рот загубники своих октопусов и дружно шагнули в воду.

Олли медленно спускала воздух из своего надувного жилета и опускалась на дно. До сих пор ей только один раз пришлось погружаться по-настоящему (не считая тренировок в бассейне и трех коротких учебных погружений). И теперь забытое ощущение невесомости привело ее в восторг.

Солнечный свет, царивший наверху, постепенно сменялся голубоватым мерцанием. Но видно было хорошо. Внизу, на дне, уже работали археологи. Олли ожидала увидеть высокие стены и башни, рыбок, заплывающих в бойницы... Но ничего этого не было. От городских стен, которые когда-то делали город неприступным для врагов, остались только фундаменты. Вокруг них

россыпями лежали камни, покрытые водорослями и илом.

Один участок был уже расчищен, Олли увидела опоясанный остатками мощной стены прямоугольник, внутри которого, вперемишку с камнями, лежало несколько амфор.

— Наверное, это была сторожевая башня, — подумала девочка, — а в ней комната, где что-то хранилось. Интересно, что здесь было? Вино? А может быть, нефть?

Олли вспомнила, что в Танаисе, древнем городе, стоявшем на берегу одноименной реки, ей показывали развалины башни, служившей маяком. Археологи нашли в этой башне амфоры с нефтью и поняли, что нефть подливали в гигантский светильник, указывавший путь кораблям. Может быть, и здесь было то же самое?

На каждой амфоре была закреплена яркая бирка. Сверху лежала проволочная решетка с крупными ячейками. А еще выше парили в воде двое археологов: один держал в руках большой фонарь, а второй — фотоаппарат. Вот фонарь зажегся, и голубоватый подводный мир мгновенно поменял цвет. Все вокруг окрасилось во множество оттенков рыжего, желтого, красного, ярко-зеленого,

ярко-голубого. Амфоры из серых стали красно-коричневыми. Морские звезды — ярко-красными. А стайка невзрачных серых рыбок заиграла всеми цветами радуги.

Вдруг Олли увидела, что сбоку от нее проплывает какая-то огромная тень. Девочка чуть не вскрикнула от неожиданности. Она обернулась и увидела гигантскую черепаху, которая медленно проплыла над раскопом и растаяла в голубой мгле. Олли могла бы коснуться ее рукой.

Тем временем фотографии закончили съемку, и их место заняла девушка в ярко-синем гидрокостюме и с планшетом в руках. Она повисла над раскопом и стала что-то чертить на своем планшете.

— И как у нее чернила не расплывутся! — подумала Олли.

Она подплыла поближе и заглянула девушке через плечо: чернила не расплывались, и на планшете, расчерченном такими же квадратами, как и решетка, лежащая на дне, начинал вырисовываться план башни.

Олли увлеклась и забыла о том, что ее тоже ждет работа. Джош дернул девочку за ласту и возмущенно замахал руками. Олли со вздохом опустилась на дно и начала сво-

им скребком отдирать водоросли, растущие на камнях.

Ребята проработали около часа. Постепенно Олли увлеклась, ведь на дне, очищенном от водорослей, отчетливо проступала каменная кладка, развалы камней вокруг нее, груды амфор и черепков. Прямо под стеной показался крупный бок какого-то огромного сосуда. Олли с нетерпением освободила его от водорослей и слегка обмела ил: перед ее глазами предстал лежащий на боку гигантский пифос. Его стенки были украшены лепным рельефом, изображающим осьминога, обхватившего сосуд своими щупальцами. Осьминог был как живой, и Олли в первую минуту даже испугалась. Она заглянула внутрь пифоса — там было темно. А с краю лежало что-то, поблескивающее под тонким слоем ила. Слиток металла?

Олли протянула руку, но в это время кто-то резко дернул ее за ласту. Олли обернулась: перед ней парил незнакомый аквалангист в дорогом малиновом гидрокостюме и шлеме. Остальные археологи, которых Олли сегодня видела, работали без шлемов, их лица закрывали только маски, да изо рта торчали загубники, соединенные со шлангом. Но этот археолог был снаряжен на славу.

— Может быть, это начальник экспедиции, Александрос? — подумала Олли. Сквозь плем не разберешь. Конечно, он рассердился на то, что она хотела дотронуться до находки: это категорически не разрешается. Кроме того, Олли вспомнила, что Спиро запретил им совать руки в пифосы, амфоры, гроты, пещеры, расселины между камнями и прочие места, где могут обитать опасные рыбы и морские животные.

Олли смущенно отплыла в сторону. А обладатель дорогого плема уверенно сунул руку в отверстие пифоса и схватил блестящий слиток.

— А-а-а!

Даже сквозь воду Олли слышала отчаянный вопль. Незнакомец выдернул руку наружу: на ней висела огромная то ли рыба, то ли змея... Аквалангист пытался стряхнуть ее с себя, отчаянно болтая рукой, но полутораметровое чудовище не собиралось его отпускать.

Несколько человек поспешили на помощь незадачливому подводному археологу. Они кромсали зверя ножами, но тот не ослаблял хватку. Вода стала мутной от крови. Тогда аквалангисты подхватили раненого под руки

и, подталкивая хищника перед собой, поплыли к поверхности.

Олли и Джош кинулись вслед за ними, но Спиро преградил им дорогу, указывая на ручной компьютер.

— Декомпрессия! — сообразила Олли.

Под руководством Спиро Олли и Джош несколько минут провисели на нужной глубине и, наконец, поднялись на палубу. Там они увидели Этана Каина, лежащего на досках. Начальник экспедиции ножом разжимал пасть огромной рыбыны, которая и погибнув, не желала выпустить свою жертву.

— Зачем вы сунули руку в пифос! — возмущался Александрос. — Вы сертифицированный аквалангист, вы должны знать, что можно и чего нельзя.

— Когда он успел появиться? — зашептала Олли на ухо Джошу. — Может, сказать, что он просто купил себе документы? Он же запросто погибнет...

— Нельзя, — возразил Джош, — получится, что мы наядбедничали. Но нам придется приглядывать за ним, ведь мы одни знаем, что он не умеет нырять.

— Только этого не хватало! — хмыкнула Олли. — До сих пор Этан Каин следил за

нами, а теперь еще и мы будем следить за Этаном Каинном.

— Что это за чертова змея на меня напала? — раздраженно спрашивал Каинн.

— Это не змея, это рыба. Обыкновенная мурена. Она не нападает на человека, если он сам не полезет к ней в нору. Но уж если укусит, то держит мертвой хваткой. Вам еще повезло, что это Средиземное море, а не Красное: там они бывают до трех метров длиной... И ведь я же предупреждал вас, что археологи не должны дотрагиваться до найденных предметов. Сначала мы все должны сфотографировать и зачертить. Если бы за вас не просил Джонатан Уэллз, я бы немедленно отчислил вас из экспедиции!

Небольшой золотой слиток, найденный Олли и Каинном в пифосе, превращенном в жилище мурены, положили на место, сфотографировали и подняли на поверхность. Археологи ему обрадовались, но не слишком: ведь на слитке не было никаких знаков. Гораздо больше их обрадовал сам пифос, а точнее, изображенный на нем осьминог. Александрос утверждал, что он очень похож на сосуд, найденный на Крите, и это

может говорить о торговых связях между островами.

Этан Каинн два дня отсиживался в гостинице и лечил руку. Потом он купил толстые неопреновые перчатки и упрямо полез под воду. Миллионер старался все время работать рядом с Олли и Джошем, и теперь это ему без труда удавалось: ребята больше не стремились избавиться от своего преследователя.

Работа шла удачно, и даже от Каинна была польза: Олли и Джош приспособили компьютерного гения выносить мешки с водорослями и чистить ил с помощью насоса. Миллионер послушно выполнял поручения, радуясь, что ребята больше не пытаются от него избавиться. Сами ребята давно уже занимались расчисткой найденных на дне предметов: щетками и ножами они удаляли остатки ила и грунта. Под их руками на дне проступали все новые и новые амфоры и пифосы, целые и разбитые. Оказался здесь и изъеденный морем бронзовый клинок, и небольшая каменная шкатулка с крышкой, покрытой резными спиралями.

Однажды Олли расчистила плоский глиняный сосуд, по форме очень напоминаю-

ций сковородку. Когда аквалангисты поднялись на поверхность, Спиро рассказал о ее находке начальнику экспедиции.

— Это очень интересно, — заявил Александрос. — Никто не знает, как древние использовали эти сосуды. Может быть, как блюда для фруктов. Но некоторые ученые считают, что в них наливали воду и смотрелись, как в зеркало: ведь металлические зеркала были дорогими и некачественными, а до появления стеклянных оставалось еще три тысячи лет. Как бы то ни было, у археологов эти сосуды получили название «сковородки», хотя, конечно, рыбу в них никто не жарил. Когда мы его вынем, вы увидите, что с обратной стороны он покрыт сложной резьбой. Интересно, что будет изображено на этой сковородке?

Олли и Джошу было решено спускаться под воду трижды в день по часу. Часть этого времени уходила на декомпрессию.

— Как это глупо, — жаловалась Олли. — Работы так много, а времени так мало! Неужели нельзя придумать

что-нибудь, чтобы обойтись без этого нелепого висения в воде.

— Уже придумали, — сказал Александрос. — Иногда подводники живут и работают в специальных домах, стоящих на дне моря. Там все время поддерживается такое же давление, как и в окружающей воде. Поэтому никакая декомпрессия не требуется. Люди могут проводить на работе столько времени, сколько нужно, а потом сразу возвращаются в свой подводный дом и идут обедать или спать. А декомпрессию проходят один раз, когда через несколько дней возвращаются на поверхность.

— Но зато им нельзя ни гулять, ни загорать, ни бегать по горам, ни лазить по деревьям, — добавил Джонатан, — так что вам бы это не подошло.

— А еще иногда археологи окружают участок моря дамбой, — продолжал Александрос, — откачивают воду и копают на воздухе. Но это очень дорого, так работают в том случае, если хотят полностью поднять со дна моря ценный экспонат, например, затонувший корабль. А мы ведь не собираемся поднимать на поверхность остатки стен и башен. Исследовать их мы можем и так.

Работа подводников никогда не обходится без приключений, хотя бы и мелких. Олли снова умудрилась уколоться о морского ежа, хотя и работала в перчатках. На этот раз у нее сильно распухли пальцы и Спиро даже не хотел пускать ее под воду. А у Джоша однажды раньше времени закончился воздух (он так и не понял, почему это произошло). Джош не следил за показаниями манометра, и когда почувствовал, что ему нечем дышать, очень испугался. Он забыл, что есть специальный жест, которым он может сообщить Олли о своей проблеме. О том, что Олли может поделиться с ним воздухом, Джош тоже забыл. Он в панике кинулся наверх, забыв о декомпрессии, и, выскочив на поверхность, как пробка из бутылки, стал хватать воздух ртом.

Александрос так рассердился, что пообещал больше никогда не пускать Джоша под воду. Потом, после многочисленных просьб Софьи и Джонатана, он сменил гнев на милость, но все-таки один день Джошу пришлось провести на берегу.

Олли тоже однажды проштрафилась. Она расчищала щеточкой очередной пифос, когда мимо нее снова проплыла гигантская черепаха. Олли вспомнила кино, которое она

видела в раннем детстве: аквалангист уцепился за панцирь такой же вот черепахи и плыл, лежа на ее спине. Прокатиться так — что может быть интереснее!

Черепаха плыла медленно, не обращая никакого внимания на работающих людей. Казалось, поймать ее ничего не стоит. Олли кинулась за ней. Но догнать животное, при всей его медлительности, было не так-то просто. Черепаха неспешно перебирала лапами и двигалась под уклон. Олли за ней. Черепаха подплыла к краю обрыва и стала медленно погружаться вниз. Олли стравила воздух из жилета и почувствовала, что перестаралась. Ее резко кинуло вниз. Она пролетела мимо черепахи, в панике нажала кнопку, наполняющую жилет воздухом, снова взлетела вверх и с трудом остановилась на нужной глубине. Она перевела дух и осмотрелась: черепахи нигде не было видно. А вдали, на краю обрыва, темнела какая-то гигантская тень. Корабль! Затонувший корабль!

Олли подплыла поближе. Корабль лежал на самом краю бездны. Ниже крутой склон уступами уходил в глубину. Корпус оброс ракушками, какие-то огромные металлические

конструкции, тоже поросшие чем-то непонятным, валялись вокруг. Олли хотела подплыть еще ближе, но вдруг ей стало страшно. Она вспомнила рассказы о чудовищах, которые могут сидеть внутри. Ерунда, никакие чудовища не нападают первыми, если только не лезть к ним в норы. Но все-таки вид гигантского корпуса, ощерившегося мачтами, вызывал безотчетный страх. А вдруг там, внутри, лежат скелеты погибших моряков? А вдруг их тени бродят по морскому дну вокруг корабля? На такой глубине краски окончательно угасали. Все вокруг было серосиним, мрачным, таинственным... Девочка посмотрела на компьютер — он показывал глубину тридцать метров.

Олли повернулась и поплыла обратно. Корабль растаял вдали. И в это время из-за вала на вынесся Спиро и возмущенно замахал руками. Олли пришлось вернуться на раскоп.

Вечером, за ужином, Спиро пожаловался на Олли Джошу и начальнику экспедиции. Девочке сильно повезло, что он не видел, как она провалилась в бездну вслед за черепахой. Но и того, что она покинула группу, было достаточно. Кроме того, Олли превысила разрешенную глубину.

— Я застал ее одну на глубине двадцать пять метров! — возмущался Спиро.

— Но ведь любителям разрешено погружаться на тридцать метров, а при необходимости, даже и на сорок, — спорила Олли.

— Да, но не новичкам!

Олли обиженно засопела.

— На тридцати метрах уже может ощущаться азотное опьянение! — не успокаивался Спиро.

— А что это такое? — любопытствовал компьютерный гений, наливая себе компот.

— Этан! Вы же говорите, что окончили курсы аквалангистов! Как вы можете не знать? На глубине в крови растворяется азот, тот самый, который потом вскипает и может при-

вести к кессонной болезни. Но пока человек не начал подниматься, этот азот ему не вредит. Даже наоборот, он вызывает очень приятные ощущения. Аквалангист пьянеет без вина. Это опьянение, кстати, абсолютно безвредно. После водки пьяниц может тошнить, наутро у них болит голова. А человек, переживший азотное опьянение, прекрасно себя чувствует. Но в этом-то и заключено самое страшное. Человек полностью теряет контроль над собой. Ему становится так хорошо, что он не хочет подниматься на поверхность. Так весело, что он забывает следить за приборами. Он не думает о том, что у него может закончиться воздух, что он может застрять в узкой пещере или стать жертвой морского чудовища. И очень часто это кончается гибелью аквалангиста. Некоторые люди чувствуют легкое азотное опьянение уже на тридцати метрах. Тем более ребята. Это одна из причин, по которой новичкам и детям запрещено опускаться глубоко.

Олли тайком взглянула на свой компьютер — он показывал, что сегодня она побывала на глубине тридцать семь метров. Но она не помнила никакого азотного опьянения. Наверное, она успела быстро вернуться. Хо-

рошо, что Спиро не сообразил проверить ее компьютер!

После ужина Олли позвала Джоша на балкон и, удостоверившись, что их никто не слышит, рассказала ему про корабль, который видела на краю обрыва.

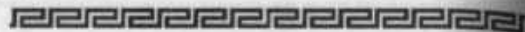
— Представляешь, как здорово будет его обследовать! А потом расскажем всем нашим, вот они обрадуются.

— А корабль древний?

— Не знаю. Нет, наверное. Он очень большой и, кажется, металлический. Но все равно это интересно. Может быть, его во время Второй мировой войны затопили. В него могла бомба попасть, или он на mine подорвался. Мы его обследуем и все узнаем. Давай в обед, когда все будут отдыхать, возьмем акваланги и сплываем туда. К этому времени баллоны уже всегда бывают заряжены воздухом. А когда мы вернемся, все обрадуются и не будут нас ругать. Знаешь, есть такая древнеримская поговорка: победителей не судят.

— Ты же слышала, что Спиро говорил про азотное опьянение.

— Но там всего тридцать метров! На такой глубине азот почти ни на кого не действует,

а если даже и действует, то совсем не сильно. Ты что, боишься?

— Нет, конечно...

— Мы сможем заплывать в трюмы... А вдруг там сокровища? Представляешь, сколько разных вещей мог везти этот корабль, и все они лежат там, внутри.

— Новичкам запрещено заплывать в закрытые помещения... — вяло сопротивлялся Джош.

— Ну как хочешь. Тогда я позову Этана. Вот уж кто не откажется...

— Ты с ума сошла! Я вовсе не отказываюсь, я просто думаю, как сделать, чтобы нас не заметили.

ГЛАВА 9

Затонувший корабль

После обеда, когда археологи разошлись по своим комнатам, Олли и Джош незаметно выскользнули из гостиницы и поднялись на корабль. На дайвдеке — низкой палубе, предназначенной для погружений, — у каждого аквалангиста было свое место для хранения гидрокостюма и оборудования. Здесь же, пристегнутые к деревянным лавкам, стояли баллоны с воздухом: команда судна накачала их, пока аквалангисты отдыхали. Олли посмотрела на манометр — баллон был полон.

На дайвдеке никого не было: команда тоже отправилась на отдых. Ребята быстро облачились в гидрокостюмы, надели акваланги, закрепили ножи и фонарики.

— Я покажу дорогу, — сказала Олли и шагнула за борт. Джош шагнул следом. Они нажали на клапаны, выпустили немного воздуха из жилетов, и море сомкнулось у них над головами.

Ребята доплыли до места подводных раскопок. Они впервые были под водой без взрослых, но это оказалось совсем не страшно. Течений здесь, как будто, не чувствовалось, видимость была прекрасной. Пустынный раскоп казался странным и заброшенным, ребята привыкли видеть, как над ним кипит жизнь. Олли на мгновение задержалась над своим участком стены, пытаясь вспомнить, куда направилась черепаха, и уверенно поплыла вниз по склону.

Редкие валуны были покрыты губками. На многих из них извивались щупальца актиний — грациозных, похожих на ожившие хризантемы. Вот небольшая рыбка подплыла слишком близко — и щупальца мигом сомкнулись вокруг своей жертвы.

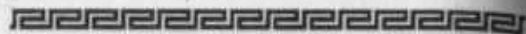
Небольшая тридакна, прочно закрепившаяся на скале, приоткрыла свои створки, обнажив голубоватую мякоть. Олли знала, что эти ракушки бывают размером с ванну и что, если сунуть руку в ее сердцевину, она

сомкнет створки, и рука аквалангиста навеки окажется на дне морском. А с нею — и сам аквалангист. Но эта тридакна была не больше двадцати сантиметров в длину. Наверное, даже меньше, ведь в воде все предметы кажутся на треть больше, чем на самом деле. Олли очень хотелось сунуть что-нибудь в раскрытые створки и посмотреть, как ракушка схватит добычу. Но, кроме собственного пальца, у нее ничего подходящего не было.

— Наверное, если бы она меня не отпустила, я бы могла отодрать ее от скалы, — подумала Олли. — Ведь у меня с собой нож. Но вдруг она сломает мне палец!

И девочка не стала рисковать.

На большом плоском камне лежала изумительной красоты рыба, похожая на гигантское тропическое насекомое. Ее многочисленные полосатые плавники пыльными резными веерами колыхались в воде, переливаясь всеми оттенками синего, белого, черного, коричневого. Олли подплыла поближе и вдруг со страхом отпрянула назад: она узнала крылатку, о которой читала в учебнике по дайвингу. Укол этих волшебных плавников может закончиться смертью. Впрочем кры-

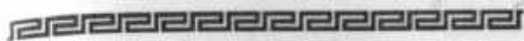
латка мирно лежала на камне и позволяла любоваться собой.

Рассмотрев красавицу с безопасного расстояния, ребята отправились дальше. Мимо проплыла стайка барракуд. Из расселины на детей неподвижными бесстрастными глазами смотрела огромная мурена. Ее тело терлось между камнями, а голова, похожая на голову древнего динозавра, щерилась, открывая пасть, усеянную мелкими острыми зубами.

— И ничего страшного, — подумала Олли, — если не трогать морских жителей, то и они тебя не тронут.

Ребята подплыли к краю обрыва, за которым начинался резкий спуск в черно-синюю пропасть. Вдруг Джош схватил Олли за руку, а второй рукой указал вниз. Олли проплыла чуть-чуть вперед и, оказавшись над бездной, посмотрела туда, куда указывал Джош: далеко-далеко (впрочем, в воде трудно судить о расстоянии) мелькали несколько теней, похожих на торпеды. Акулы!

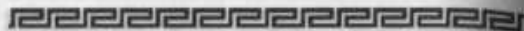
Олли впервые видела акул. Она знала, что они не так уж часто нападают на человека. Облаченный в неопреновый костюм с многочисленными резиновыми трубками и пласт-

массовыми креплениями, одобренный алюминевым баллоном, аквалангист — вовсе не такое уж лакомое блюдо для акулы. Она с гораздо большим удовольствием полакомится привычными аппетитными рыбами, которые во множестве плавают в море. Но все-таки страшно было висеть над бездной и смотреть, как внизу режутся гигантские рыбы, каждая из которых может играючи перекусить тебя пополам. И не уплывешь, не спрячешься, не защитишься...

Осторожно, стараясь не делать резких движений, ребята вернулись на «мелководье». Олли посмотрела на компьютер — он показал глубину тридцать метров. Девочка повернула и поплыла вдоль обрыва. Скоро вдали показалась уже знакомая огромная тень. Корабль.

Корабль оказался гигантским, Олли решила, что он немногим меньше того паромы, на котором они потерпели крушение по дороге на Крит. Но этот корабль возил не пассажиров. Военный транспорт был предназначен для перевозки боевой техники, и на искореженной накренившейся палубе до сих пор стояли танки и грузовики. Несколько зениток навски застыли, нацеленные в никуда.

Еще один танк валялся внизу, на самом краю бездны, зацепившись за выступ скалы. Казалось, стоит воде шелохнуться, и он провалится вниз. Но вот уже полвека ничто не нарушало его покой.

Олли не могла обсудить этого с Джошем, но она была уверена, что корабль потерпел крушение в годы Второй мировой войны. Его корпус разломился надвое, какие-то искореженные куски металла, каждый величиной с дом, были разбросаны по дну. Трубы и мачты нелепо торчали из ржавого корпуса. Всюду были непонятные дыры и проемы, быть может, когда-то здесь были двери, окна, люки... Теперь в них медленно заплывали рыбы. Все эти груды изуродованного металла потемнели, поросли ракушками и губками, покрылись известковыми налетами, вросли в дно.

Несмотря на танки и зенитки, у Олли не было ощущения, что здесь произошла техногенная катастрофа. С трудом верилось, что всего полвека назад все это было мощной и современной боевой техникой. Казалось, этот корабль лежит здесь со времен древних критян и успел стать частью морского дна. От него веяло неподвижностью и покоем. Но в этом покое таилось что-то жуткое.

Олли помнила, что сама предложила Джошу обследовать трюмы. Но сейчас мысль о том, чтобы заплыть вслед за рыбами в черные провалы и оказаться в недрах мертвого судна, вызывала дрожь. Страшно было даже представить, что может таиться там, внутри. Скелеты? Привидения? Морские чудовища? Олли выплыла с палубы, опустилась к самому дну и медленно поплыла вдоль корпуса.

Вот показалась корма с лежащим на дне гигантским винтом. Каждая из его лопастей была раза в два больше, чем сама Олли. Винт вывалился наружу и казался раненым морским животным, страшным кальмаром, издающим и тичетно цепляющимся за дно своими щупальцами.

Вдруг в черноте за винтом что-то зашевелилось. Олли в страхе застыла, боясь резким движением привлечь внимание того, кто таился в темноте. Из расселины показалось что-то мерзкое, извивающееся, похожее на змею. За ним — второе щупальце, третье... И наконец, весь кальмар медленно выплыл наружу и поплыл прямо на Олли.

Он был не слишком велик, не больше метра, и девочка понимала, что нападать на нее чудовище не станет. И все-таки она вся сжа-

лась от ужаса, когда кальмар проплыл мимо нее, едва не зацепив ее своими щупальцами.

Подплыл Джош и пальцем постучал по своему манометру. Олли поняла его жест, взглянула на прибор и поняла, что истратила уже не меньше трети воздуха: на большой глубине он расходуется быстрее. Если они хотели обследовать трюм, надо было спешить.

Ребята поднялись вверх, до уровня палубы, включили фонарики и через один из проломов медленно всплыли в темные недра корабля.

Олли всегда думала, что примерно представляет, как устроен корабль внутри. Внизу — трюм, что-то вроде огромного подвала. Выше — палубы, на которых находятся каюты, их двери выходят в большой коридор. Еще выше — кают-компания, а на самом верху — капитанская рубка. Все вместе напоминает многоэтажное здание...

Может быть, нормальный корабль действительно устроен как-нибудь похоже. Но потерпевший крушение корабль, лежащий наклонно на морском дне, выглядит совсем иначе. Олли не могла понять назначения ни одного из помещений, в

которые они заплывали. Да и назвать это помещениями было трудно.

Ребята плыли по какому-то непонятному пространству, в мешанине искореженных железных конструкций. Здесь не было ни коридоров, ни залов, ни кают. Все время приходилось куда-то подныривать и протискиваться, цепляясь за непонятные железки. Лучи солнца сюда почти не проникали, а кое-где и вовсе стояла полная тьма. Луч фонарика рассеивался в воде и мягко озарял стаи рыбок, сонно шевелящих плавниками в полутьме.

Обычно дайвер видит далеко вверху поверхность воды, а внизу, под собой, видит дно. Здесь, в недрах корабля, ничего этого не было. И сама вода не ощущалась. Казалось, ребята парили в невесомости, где не было ни верха, ни низа. Все это было похоже на сон.

— Интересно, как мы отсюда выберемся? — подумала Олли. — Я уже не знаю, как возвращаться. И не обсудишь... Как жалко, что у нас нет шлемов с переговорными устройствами...

Наконец лабиринты закончились, и ребята оказались в сравнительно большом пространстве, которое луч фонарика не мог пробить до конца. Они парили под невысо-

ким потолком, если можно было так назвать эти ржавые железные обломки, а прямо под ними, слегка заросшие каким-то налетом и припорошенные илом, стояли автомобили. Десятки автомобилей.

Конус света выхватывал их один за другим. Олли не знала, как называется эта марка, она видела ее только в кино. Это было давно ушедшее прошлое, и оно стояло перед ней на дне морском. Новенькие, не прошедшие ни километра... Их установили на этом месте руки, давно истлевшие в могилах или в волнах. А машины стояли и медленно покрывались известковым налетом и ракушками. У одной были выбиты окна, и золотистые рыбки кружили вокруг руля. Шины казались совсем новыми, со свежим узором на резине...

Олли опустила, протянула руку и коснулась руля. Вдруг что-то черное мягко зашевелилось на заднем сиденье. Девочка отпрянула, и круглая туша подтянулась вверх, уцепившись щупальцами за спинку шоферского кресла. Осьминог, размером с крупную кошку. Он протиснулся в оконный проем и потянул к девочке несколько щупальцев. Олли с отвращением отпрянула, осьминог тоже. Он выпустил в воду облачко мерзкой черной жидкости и скрылся.

Стало почти совсем темно. Олли замечалась, ища глазами Джоша. Вон луч фонарика мелькнул вдали, за колонной.

— Не стоит нам так далеко отплывать друг от друга, — подумала девочка. И в это время кто-то сзади мягко взял ее за предплечье.

Ни разу в жизни Олли не испытывала такого ужаса. В голове вихрем пронеслись мысли о кальмарах и осьминогах, о тенях погибших моряков, о неведомых морских чудовищах, страшных сверхъестественных существах, живущих в морских глубинах...

Оцепенев от страха, она медленно повернула голову и увидела синюю неопреновую перчатку, вшившуюся ей в предплечье. Рука в синем гидрокостюме с белой светящейся полоской. Темные кудри, торчащие из-под маски... Джош!

Олли упала бы на дно, если бы не неведомость. Она закричала бы от радости и облегчения, если бы не загубник, плотно засунутый в рот. Она не могла даже сказать Джошу, как он ее напугал. Какое счастье, что все обошлось! ...И тут она вспомнила о луче фонарика, мелькнувшем за колонной. Джош был здесь, рядом. Кто же прячется там?

Ей вспомнился недавно просмотренный фильм «Ребята Дагона» — о жутких полулюдях-получудовищах, живущих в море. О страшных существах с человеческими телами и щупальцами кальмаров. О холодных монстрах, наделенных разумом и лишенных души. Надо выбираться отсюда! Срочно наружу! Но как? И как объяснить Джошу, что здесь, кроме них, еще кто-то есть.

Олли пальцем показала Джошу в глубину трюма, туда, где скрывался тот, кто следил за ними, оставаясь неузнанным. И пока Джош вглядывался в полутьму, выключила свой фонарик. Джош с удивлением поднял на нее глаза сквозь маску — Олли вынула фонарик из его руки и тоже погасила. Сначала тьма показалась им абсолютной.

Но через мгновение, когда глаза привыкли, ребята увидели слабое электрическое свечение. Круглый луч мелькнул, выхватил двух белоснежных рыбок и одну красную, прошелся по обшивке грузовика и погас, как будто спохватившись. В трюме кто-то был.

Олли не знала, что делать дальше. Тот, кто скрывался в недрах трюма, не мог быть случайным аквалангистом, заплывшим сюда, как

и они, на поиски приключений и сокровищ. Любой нормальный аквалангист подплыл бы поближе, чтобы помахать рукой своим неожиданным товарищам, а может быть, и продолжить обследовать корабль вместе с ними. Скрываться мог только злоумышленник.

Никто не знал, что они с Джошем отправились сюда одни. Наверное, тот (или то), кто следил за ними из темноты, считал этот корабль своим и не был рад вторжению чужаков. Олли вспомнился капитан Немо. Хорошо, если здесь тоже прячется благородный незнакомец, ушедший от людей в морские бездны, но готовый прийти на помощь терпящему крушение.

А если это преступник, скрывающийся от правосудия? А если это кладонскатель, нашедший в корабле несметные сокровища и готовый уничтожить любого, кто проник в его тайну? А если это и вправду чудовищные монстры, вроде детей Дагона? Эта мысль, которая могла бы показаться абсурдной на земле, при свете дня, вовсе не казалась такой уж нелепой на темном морском дне, в трюме мертвого корабля, кишящего осьминогами.

Скрыться в темноте! Это единственный выход! Незнакомец сам прячется от них, он

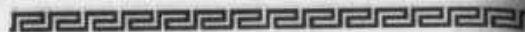
не станет обнаруживать себя, зажигая фонарик. Как бы объяснить это Джошу? Но Джош, похоже, и сам пришел к такому же выводу, потому что включать фонарик не стал.

Крепко держась за руки, ребята развернулись и в полной темноте поплыли в обратную сторону. Олли помнила, что автомобили были выстроены в одном направлении, по ходу их движения. Она потянула Джоша вниз и нащупала ветровое стекло — пока они плыли правильно.

Очень скоро рука Олли наткнулась на невидимую преграду. Девочка стала ощупывать ее, в этот момент ее баллон, который стал уже почти пустым и совсем легким, неожиданно слегка подскочил вверх. Испуганная Олли почувствовала, что кто-то тянет ее, она выпустила руку Джоша, уткнулась головой в потолок, задела и застряла в узком проходе. Она чувствовала, что ее баллон зацепился, но освободить его не могла. Олли нащупала фонарик, висевший у нее на груди, нажала кнопку — света не было.

Олли знала, что подводные фонарики часто выходят из строя и что некоторые дайверы всегда носят с собой два фонаря.

— Никогда в жизни больше не буду плавать с одним фонариком, — поклялась Олли. — Ой,

я вообще не буду плавать. По крайней мере, в трюмах. Никогда в жизни! Если Джош сейчас отплыл в сторону и заблудился? Ему достаточно завернуть за угол, чтобы он не смог меня найти. И даже если он выберется наружу, пока он доплывет до наших, пока они приплывут сюда, пройдет не меньше часа!

Олли с ужасом представила, что она целый час будет висеть здесь в полной темноте, не в силах даже пошевелиться, окруженная неведомыми чудовищами... И тут она поняла, что она не сможет висеть так не то, что час, а даже двадцать минут. Воздуха в баллоне оставалось минут на десять.

Олли отчаянно затрясла фонариком, надеясь, что он заработает, — безуспешно. И тогда она вспомнила, что звук в воде слышен, хотя и не так хорошо, как на воздухе. Она отчаянно заколотила своим фонариком по металлической стене. Ей показалось, что у нее заложило уши от гула. Пусть страшный незнакомец слышит всё, что хочет. Сейчас не до него! Лишь бы Джош вернулся!

И тут вспыхнул свет. Из-за угла вынырнул Джош с зажженным фонариком. Ни разу в жизни Олли так не радовалась. Джош отцепил ее баллон и указал рукой вперед. Там,

в узких пролетах, заполненных искореженным металлом, плыть без света было невыносимо. Только бы фонарик Джоша не погас!

Ребята плыли почти наугад, иногда жестами советовались друг с другом. Вот вдали показалось голубое мерцание; оно становилось ярче и ярче. Выход был близок. Джош выключил фонарик, и ребята выплыли наружу. Точнее, почти наружу. Они плыли по узкому проходу, с одной стороны у них было то, что некогда было бортом, а может быть и палубой судна.

Гигантские цепи, трубы, непонятные конструкции спеклись в единую массу, похожую на каменные наплывы карстовой пещеры. С другой стороны было открытое море, но его ограждали какие-то балки, стоящие слишком часто, чтобы между ними можно было протиснуться. Над головой нависали ржавые цепи, и ребята с трудом пробирались вперед. А впереди виднелся выход: круглое отверстие, в которое, если повезет, можно пролезть...

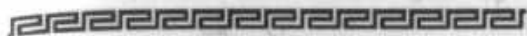
Не повезло. Олли смогла высунуть наружу голову и плечи, но надувной жилет с закрепленным на спине баллоном проходить не желал. Пришлось снять акваланг.

Олли стащила с себя оборудование, сунула Джошу и протиснулась в отверстие. Шланга едва хватило, но она умудрилась не выронить загубник октопуса и продолжала дышать. Неожиданность подстерегала ее в тот момент, когда она уже считала себя спасенной.

Стоило Олли оказаться наружи, как она немедленно полетела вниз: свинцовый пояс тянул ее ко дну, а надутый воздухом жилет остался у Джоша. Октопус вылетел из рта у девочки и остался висеть на резиновом шланге. Олли хотела сбросить пояс, но с ужасом подумала, что резина неопределенного костюма наполнена крохотными пузырьками воздуха и действует, как спасательный круг. Тогда ее может выбросить наверх... Или не может?

Пока она в панике искала решение, выход пришел сам: она мягко приземлилась на дно, которое оказалось совсем близко. Джош, свесившийся из дыры, пытался протянуть ей акваланг, но наполненный воздухом жилет и почти пустой баллон стремились наверх. Олли встала на ноги, попыталась всплыть и не смогла. Тогда она вскарабкалась наверх по торчащим кускам металла и, задыхаясь, сунула в рот загубник... Какое счастье дышать!

Олли надела акваланг, потом разделся Джош. Он уже знал, что надо быть осторожным, и выбрался из подводной темницы без всяких осложнений.

Ребята были на воле! В открытой воде! Можно было возвращаться наверх! И вдруг что-то огромное, просто невероятно огромное, черное, беззвучное мягко ринулось на них из-за поворота. Гигантское чудовище, закутанное в черный струящийся плащ. Складки плаща мерно колыхались, Олли показалось, что сейчас они закроют от нее весь мир.

Складки? Нет, гигантские крылья с размахом в пять-шесть метров. Длиннейший извивающийся хвост. Страшная пасть с двумя огромными холодными глазами по бокам. Морской дьявол! Самый большой на свете скат! Он плыл прямо на девочку!

Олли закричала, снова выронив из рта октопус, и ринулась вниз с обрыва. Морской дьявол медленно проплыл мимо, мягко помахивая своими действительно огромными крыльями. Только сейчас Олли вспомнила, что этот гигант — одно из самых мирных морских животных. Он питается планктоном и дружелюбно относится к аквалангистам, позволяя фотографироваться на своем фоне.

Олли сунула в рот октопус, болтавшийся на шланге, и хотела уже возвращаться к Джошу, как вдруг ее внимание привлек лучик света, идущий из глубины.

Она всмотрелась: там, далеко внизу, на уступе скалы, бился, запутавшись в обрывках сетей, аквалангист в ярком малиновом гидрокостюме. Он отчаянно сигнализировал ей фонариком. Олли сразу узнала костюм и шлем и поняла, кто следил за ними в трюме затонувшего корабля. Это был Этан Каин.

ГЛАВА 10

Спасение Этана Каина

Олли и Джош висели над бездной, где еще совсем недавно плавали акулы, и смотрели вниз. Этан застрял на глубине никак не меньше сорока метров. Он извивался на небольшом уступе скалы, зацепившись баллоном за куски металла, когда-то принадлежавшие кораблю и рухнувшие вниз.

Все вокруг было опутано обрывками рыболовных сетей; в тщетной попытке отцепить баллон, Этан замотался в них, как в кокон.

Наверное, он забыл взять с собой нож, подумала Олли. Или в панике не сообразил им воспользоваться.

Олли знала, что рыбаки часто теряют в море свои сети, и они становятся настоящим бичом для аквалангистов. Хорошо еще, если

в сеть попала рука или лапа — их нетрудно выпутать. Но если ты зацепился, например, баллоном, до него не дотянуться. Тогда надо снимать с себя акваланг и, стараясь не выпустить изо рта загубник, осторожно разрезать сети и освободиться.

Миллионер, не обременявший себя подводной наукой, конечно же, этого не знал.

Вокруг компьютерного гения кружили рыбы, обнюхивая его. Вдали показалась огромная тень — морской дьявол решил снова навестить свои владения. На этот раз Олли не испугалась, но Этан Каин, увидев, что гигант, мерно помахивая крыльями, направляется в его сторону, забился в сетях и скатился с уступа.

Олли испугалась, что он провалится еще ниже, но миллионер не упал. Он парил над обрывом, замотанный в сети, напоминая сразу и огромного паука, и пойманную им муху. Этан дергался, растопыривая руки и ноги во все стороны, как будто исполнял какой-то странный танец. Морской дьявол приблизился к миллионеру, понюхал его, брезгливо отвернулся и поплыл дальше.

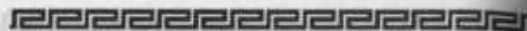
Как бы Каин не обрушил все те железки, за которые зацепилась сетка, подумала

Олли. Если они полетят вниз, они потянут его за собой. И станет на свете одним компьютерным гением меньше. Впрочем очень может быть, что на свете и так станет на трех дайверов меньше, даже если Каин не свалится со всеми своими железками.

Олли знала, что на глубину сорок метров можно опускаться совсем ненадолго, и потом надо обязательно проходить долгую декомпрессию. Расход воздуха при этом повышается, и перед погружением нужно убедиться, что баллон полон. Их с Джошем баллоны были почти пусты.

Олли посмотрела на манометр Джоша — стрелка приближалась к красной отметке, после которой надо, не теряя времени, подниматься наверх. У самой Олли воздуха было чуть больше. Она поняла, что ей придется вытаскивать Каина в одиночку.

Конечно, можно подняться наверх, доплыть до корабля и поднять на ноги команду. А может быть, и кто-то из археологов уже на судне. Там всегда найдутся люди, которые возьмут свежие, полные воздуха баллоны и отправятся выручать товарища. Но на все это уйдет никак не меньше получаса. Хватит ли воздуха у Этана? Скорее всего, нет.

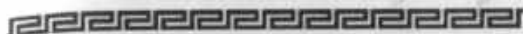

Девочка почувствовала, как горло ей сдавил страх. Неужели из-за этого наглого миллионера, который постоянно пытается перейти им дорогу, ей придется погибнуть! Сам Этан не раз бросал их с Джошем в опасных ситуациях, заботясь только о своем спасении. Так, может, и им его бросить?

Олли представила, как они с Джошем плывут прочь, а Этан Каин остается один в полутемной глубине, связанный по рукам и ногам. Как у него начинает заканчиваться воздух, как он задыхается и тщетно ждет, что кто-то придет ему на помощь... Нет, они не могут оставить его. Она не может. Джошуто давно пора быть на поверхности — удивительно, что он еще может дышать.

Олли жестом велела Джошу подниматься вверх. Но плохо знал Джоша тот, кто думал, что он бросит подругу в опасной ситуации. Джош замахал руками, головой и даже ногами, пытаясь что-то объяснить.

В конце концов девочка поняла, что он хочет поменяться с ней баллонами. Тогда она сможет подняться вверх, а он с остатками воздуха отправится выручать незадачливого миллионера. Но Олли тоже не могла оставить Джоша одного. На то, что спасенный

Этан, в свою очередь, окажет им помощь, ребята не рассчитывали.

Джош имел большой опыт погружений, чем Олли. Но Олли понимала, что обмен баллонами займет слишком много времени. Счет уже шел на секунды. И девочка, прекратив бесполезные препирательства, нажала на клапан и стала быстро опускаться вниз. Джош немедленно последовал за ней.

Олли смотрела на компьютер: тридцать пять метров... сорок метров... сорок пять... Она приземлилась на выступ скалы. Джош парил рядом. Ребята водрузили миллионера обратно на уступ и, вытащив свои ножи, стали кромсать плотную капроновую сетку.

— Наакул они ее ставили, что ли? — подумала Олли. Сетка оказалась на диво прочной и никак не хотела поддаваться ножу. Этан бился в ней, пытался высвободить руки, и еще больше запутывался. Не было никакой возможности сказать ему, чтобы он не мешал.

Почему дайверы не изучают азбуку глухонемых, думала Олли, вгрызаясь ножом в упругий нейлон. Используют несколько десятков жестов, но ни один из них не годится, когда действительно надо что-то сказать. Как объяснить этому гению, чтобы он не вертелся,

как угорь на сковородке? Хорошо еще, что здесь нет морских ежей.

В это время Олли боковым зрением увидела, что снизу, из бездны к ним поднимаются какие-то сигарообразные тени. Она повернула голову и обомлела от ужаса. Акулы. Большая стая медленно всплывала наверх, видимо, привлеченная судорожными движениями аквалангистов.

Олли застыла на месте. Джош замер с ножом в руке. Даже у компьютерного гения хватило ума прекратить свои трепыхания. Впрочем, может быть, он просто оцепенел от страха.

Акулы приближались. Трое аквалангистов вжались в скалу. Сделать было нельзя ничего, абсолютно ничего. Олли вспоминала, что акулы иногда боятся неожиданных резких движений.

Она видела фильм про аквалангиста, который занимался изучением акул и брал с собой под воду зонтик. Дав особо агрессивной акуле приблизиться, он резко открывал его, чудовище пугалось и уплывало прочь... Но у Олли не было зонтика. Кроме того, она все равно побоялась бы его раскрыть. А вдруг наоборот, резкое движение привлечет акулу?

Еще она слышала, что акулы питаются черепахами и могут напасть на плавающий предмет, если он на них похож. Олли в панике окинула себя мысленным взглядом — нет, она не похожа на черепаху, и Джош тоже. А вот Этана сейчас можно принять за черепаху, запутавшуюся в сетях. Впрочем, черепахи, наверное, умнее компьютерного гения и не лезут в сети без особой нужды...

Стая приближалась. Это были уже не смутные тени, а отчетливо видные в голубоватой полумгле тела — мощные, упругие. Каждое было метра по три длиной. Они проплыли совсем рядом. Олли казалось, что она могла бы коснуться ближайшей акулы рукой. Но чудовища не проявили никакого интереса к непонятым существам, пахнущим резиной и пластмассой. Они поднялись наверх и исчезли за корпусом корабля.

Олли испытала невероятное облегчение. Когда акулы скрылись из виду, она уже не помнила о том, что они втроем, почти без воздуха, находятся в морской бездне. Она забыла о том, что им угрожает множество опасностей, среди которых акулы — далеко не самая страшная.

Ей стало легко и весело. В конце концов, раз уж они избавились от акул, они и с остальными трудностями справятся без труда. Так приятно парить в голубоватой невесомости. Какое чудесное ощущение свободы! Какое увлекательное приключение! Надо сказать об этом Джошу.

Она попыталась заговорить и вспомнила, что у нее во рту загубник. Забавно! А если попробовать вынуть его? Она была почти уверена, что ей удастся говорить под водой. Она протянула руку к загубнику и не смогла нащупать его... Как приятно кружится голова...

Что там Джош возится с этой сеткой! Лучше бы он расслабился и понял, как здесь здорово! Какие они молодцы, что спустились сюда. Никогда в жизни она не испытывала таких приятных ощущений. Может быть, они останутся здесь жить?

Олли выронила нож, и он, вибрируя и мерцая, стал медленно падать в бездну. Как это было красиво! Как хотелось последовать за ним, вниз, в таинственную глубину. Интересно, сумеет она его найти?

Забыв об Этане, Олли, как завороченная, следила за полетом ножа и уже собиралась опуститься за ним. Азотное опьянение все

сильнее обволакивало ее. В это время Джош как-то странно выпрямился, поднес руку к горлу и прижал ладонь к подбородку.

Это был знак, который Олли видела десятки раз: на картинках в учебнике дайвинга, на тренировках в бассейне. Сейчас она впервые видела его в реальной жизни. Этот знак говорил: у меня закончился воздух!

Олли мгновенно пришла в себя. Она вдруг осознала, что им грозит. Что грозит Джошу — прямо сейчас, в ближайшую минуту. Она нащупала рукой резервный октопус, висевший у нее на груди. Сунуть его в рот Джошу — и они смогут вдвоем дышать из ее баллона, пока воздух не кончится. Но девочка знала, что ее воздух тоже почти на нуле.

И тут ее взгляд упал на манометр Этана Каина. Предусмотрительный миллионер запасся большим, пятнадцатилитровым баллоном. Он имел пять лишних литров воздуха по сравнению с ними! Этого хватит на всех!

Олли схватила октопус, болтающийся на животе у компьютерного гения. Джош уже судорожно дергался, тщетно пытаясь выдохнуть из своего баллона остатки воздуха. И в этот момент Олли выдернула загубник у него изо рта. Она с трудом запихнула источник

воздуха теряющему сознание Джошу, нажала на клапан. Джош забулькал, закашлялся и жадно задыхался. Потом он пришел в себя и вновь с яростью врезался ножом в проклятую сетку.

Удар, еще удар. Джош пилил и кромсал неподатливый нейлон. Вот Этан уже смог освободить руки. Он выхватил у Джоша нож и стал с силой резать сетку. Еще один последний рывок, и пленник был на свободе. Он отшвырнул с ласт обрывки сети и резко рванулся вверх.

Октопус вылетел изо рта Джоша и взмыл к поверхности вместе с миллионером. Олли почувствовала ярость. Чего еще можно было ожидать от Этана Каина! Могли бы и сами догадаться. Надо было не выпутывать компьютерного гения из сетей, а просто обрезать их и поднять его, связанного, наверх, пользуясь его воздухом.

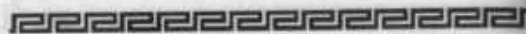
Но сейчас Олли было не до того, чтобы размышлять о коварстве и трусости друга их семей и упрекать себя в ошибках. Она протянула Джошу свой резервный октопус. Джош засунул его в рот, и ребята рука об руку поплыли к поверхности. Олли следила за показаниями компьютера.

Вот экран замигал: они превысили разрешенную скорость подъема, надо плыть медленнее. Сорок пять метров — не шутки, преисбредить декомпрессией нельзя, иначе погибнешь или на всю жизнь останешься калекой. Держась за руки, ребята повисли в толще воды. До поверхности было рукой подать. Они могли бы преодолеть это расстояние за одну минуту... Нельзя!

Снова подъем и снова остановка. До поверхности десять метров! Всего десять метров — и можно дышать, вволю, набирая полные легкие свежего морского воздуха... Нельзя!

Вдруг Джош замахал рукой и потянул ее вперед. Олли не могла понять, чего он хочет. Потом вспомнила: под их судном, на глубине пяти метров, висит баллон с воздухом. Они не могут подниматься вверх, но они могут плыть в толще воды. Только бы дотянуть... Ребята ринулись вперед.

Олли уже не смотрела на стрелку манометра — она давно была на нуле. Вот девочка почувствовала, что очередной вдох с усилием вытягивается из загубника, как напиток через соломинку. Воздух кончился! Но подниматься нельзя!

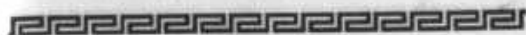

Задыхаясь, Олли выплюнула бесполезный загубник и начинала дышать воздухом, которым надут жилет — для этого есть специальный клапан. Джош последовал ее примеру. Но тут их подстерегала новая опасность: жилет сдулся, и Олли стала медленно, но верно погружаться вниз.

Девочка в панике сбросила с себя свинцовый пояс. Пять килограммов свинца камнем пошли на дно, и Олли, как воздушный шарик, взлетела вверх. Она так и летела бы до самой поверхности, увлекаемая гидрокостюмом, а главное, жилетом, в котором еще сохранялось немного воздуха. К счастью, Джош успел схватить ее за баллон. Теперь его свинца должно было хватить на двоих.

С трудом удерживаясь на нужной глубине, то взмывая вверх, то проваливаясь вниз, задышающиеся ребята добрались до корабля, все еще стоящего у причала. К счастью, глубина в гавани была достаточно большой. Спасительный баллон был закреплен под килем, с него свисал октопус. Воздух! Олли впцепилась в него, сделала вдох и передала Джошу. Какое счастье — дышать!

Еще десять минут ребята висели на пятиметровой глубине. Раньше декомпрессион-

ные остановки казались им скучной заминкой. Сейчас они с наслаждением парили в толще воды и дышали, дышали, дышали...

Наконец компьютеры разрешили подъем. Последние пять метров, и вот он, воздух, свежий воздух поверхности. Ребята скинули с себя маски. Измученный Джош дрожащими пальцами разодрал липучку на свинцовом поясе. Пояс немедленно пошел на дно.

— Это же собственность экспедиции, — удивилась Олли. — Я тонула, но ты-то зачем его выбросил?

— Нет сил держаться на поверхности, ведь жилет сдут. Я потом за ним нырну, куда он не денется.

Ребята расслабленно улеглись на поверхности воды.

— Как ты думаешь, что с нами сделают? — спросил Джош.

— Поубивают, наверное. А потом выгонят из экспедиции. И никогда больше не дадут мороженого. И заставят каждый день ходить в школу. И Джонатан пожалуется бабушке.

— Нет, бабушке не пожалуется... Слушай, а почему никто на нас внимания не обращает? Там какие-то голоса на палубе, а нас никто не видит... Может, они не поняли, где мы?

— Давай попробуем незаметно подняться, а там видно будет, — предложила Олли.

— Давай.

Ребята сняли ласты и, стараясь не шуметь, осторожно влезли по лесенке, ведущей из воды на дайвдек. Там никого не было. Они быстро сняли с себя акваланги и гидрокостюмы и поднялись на палубу.

Здесь столпилась вся экспедиция. Народ в растерянности метался вокруг компьютерного гения и миллионера, лежащего на полу. Судовой врач делал ему искусственное дыхание. Кто-то распаковывал лекарства, кто-то звонил по телефону и вызывал скорую помощь. Этан кричал, стонал и бился в судорогах.

— Что с ним? — шепотом изумилась Олли. — У него же было достаточно воздуха для декомпрессии!

— Да он же ничего не знает! — возмущенно прошептал Джош. — Перепутался и забыл обо всех правилах. Ничего с ним не случится. Он за свои деньги получит самое лучшее лечение. Поваляется в барокамере и оживет.

Так оно и случилось. Но в экспедицию миллионер уже не вернулся. После долгих

часов в барокамере и нескольких недель в больнице неудавшийся дайвер Этан Каин отправился долечиваться в Америку.

Но это все было позже. А пока что машина скорой помощи, завывая сиреной, отвезла компьютерного гения в самую лучшую больницу острова, а из Афин уже летел самолет с врачами, чтобы взять миллионера на борт.

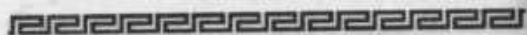
Олли и Джош стояли в толпе археологов, обсуждавших неудачное погружение Этана.

— И зачем его понесло в воду одного? — недоумевал Александрос. — Да еще на такую глубину! Я смотрел на его компьютер: он погрузился на сорок пять метров. Это безумие! Что он там нашел?

— Я, кажется, знаю, что он там нашел, — прошептал Джош на ухо Олли.

— Что он мог найти? Он просто увязался за нами.

— Но мы с тобой были в трюме, а Каина понесло вниз. Сначала что-то напугало его, когда он вылез из корабля. Может, он от кальмара улепетывал или от осьминога. А может, просто свалился в пропасть, он же совсем не умеет плавать с аквалангом. Но дело не в этом, а в том, почему он полез в эти трескятые сетки. Ведь прекрасно можно было и

мимо проплыть. Ты ничего не заметила там, на выступе скалы?

— Нет. Мне не до того было.

— Мне тоже. И все-таки я увидел. Там под сетями лежали амфоры. Много амфор, припорошенных илом. Их плохо видно было, но контуры угадывались. Возле скалы лежал полуразбитый пифос. А еще из-под ила торчали бычьи рога.

ГЛАВА 11

Талисман Критской жрицы

Олли и Джош долго не решались рассказать археологам о своих подводных приключениях. Но второй раз отправляться под воду без взрослых они не посмели. А уж о том, чтобы опускаться на глубину сорок пять метров, Олли не могла и думать без дрожи. Конечно, азотное опьянение — приятная штука. Но чего только не могла бы она, Олли, натворить в таком состоянии.

Джош азота не почувствовал, наверное, он был слишком испуган тем, что у него заканчивается воздух. Но после рассказов Олли он не испытывал ни малейшего желания попробовать это на себе.

— А знаешь, — сказал Джош, когда они после ужина сидели на берегу моря и вновь и

вновь переживали эту историю, — мы ведь немногим лучше самого Каина.

— Что ты хочешь этим сказать? — изумилась Олли.

— Ну мы его презирали за то, что он не умеет нырять, а сам полез в воду. За то, что он такой самоуверенный. А сами мы разве лучше?

— Но мы же умеем нырять! У нас есть сертификаты!

— По нашим сертификатам мы не имеем права нырять глубже восемнадцати метров, не имеем права заплывать в трюмы и вообще в закрытые помещения. И плавать без взрослых мы тоже не имеем права. А мы все это сделали.

— Но в одном мы все-таки лучше Этана Каина, — возразила Олли. — Мы не бросаем людей в беде.

— А теперь, я думаю, мы должны все рассказать Джонатану и Александросу.

Олли с ужасом посмотрела на Джоша:

— Ты же сам согласился с тем, что они нас за это поубивают. Мы нарушили все, что только можно, и чудом остались живы. После этого Александрос никогда нас близко не подпустит к аквалангу. А Джонатан никогда

не будет нас брать с собой. И бабушка меня никуда больше не выпустит. Даже с отцом.

— А моей маме вечно некогда, и если Джонатан не будет брать меня с собой, мне придется всю жизнь просидеть дома, — грустно подтвердил Джош.

— Ну не всю жизнь, а пока ты не вырастешь.

— Когда вырастешь, это уже не жизнь. Тогда уже все не так интересно. И все равно мы должны рассказать взрослым о том, что мы видели. Иначе все эти находки так и останутся на дне моря. Если их за тысячи лет не нашли, их могут и никогда больше не найти.

— Все эти тысячи лет у людей не было акваланга, — возразила Олли. — Скафандры появились только в конце девятнадцатого века, но в них только за губками и можно было нырять. В них воздух подавался с корабля, через резиновые планги. В таких скафандрах дно особо не обследуешь. Кроме того, тогда не знали о кессонной болезни, ведь раньше люди умели нырять, только задерживая дыхание. А те, кто так ныряет, ею редко болеют. Как только появился скафандр и подача воздуха, тысячи ныряльщиков стали умирать, и скафандр запретили.

— Ну да, а потом разобрались с декомпрессией и поняли, что нужно делать и снова разрешили, — возразил Джош.

— Но по-настоящему люди стали надолго оставаться под водой только после того, как появились акваланги, уже в середине двадцатого века. Сейчас возле любого греческого острова плавают сотни дайверов. Так что будь уверен, скоро все, что мы видели, найдут и без нас.

— Еще неизвестно, кто найдет, — возразил Джош. — Вдруг какой-нибудь коллекционер вроде Каина. Тогда не видать ученым наших находок, как своих ушей. А им место в музее, а не в сейфе у миллионера. А вдруг там что-то сенсационное? Что-нибудь, что совершит переворот в науке? А из-за нас все это пропадет... Нет, мы должны рассказать взрослым.

Олли предложила собрать вместе Джонатана и Александроса, надеясь, что в присутствии друг друга они будут не так сильно ругать их. Но она ошиблась. Джонатан ругал их не слишком сильно только потому, что потерял дар речи от возмущения. Он дал слово, что никогда больше никуда не поедет с Джошем и уж тем более не возьмет с собой Олли.

Начальник экспедиции, в свою очередь, поклялся, что больше никогда не пустит детей в воду. Потом оба археолога потребовали, чтобы ребята подробно описали все, что видели. Про затонувший корабль Александрос знал, он сам не раз плавал в его трюмах. Как и утатила Олли, это было транспортное судно, погибшее во время бомбежки в 1943 году.

— Это очень опасное погружение! — возмущался Александрос. — Я не рискнул бы отправиться туда без опытного напарника. Там тесные проходы, в которых легко застрять и заблудиться. Всюду торчит железо. А расход воздуха большой, все-таки тридцать метров. Случись что — тебя просто не успеют найти.

Олли и Джош сидели, виновато глядя в пол. Но по мере того, как Джош рассказывал об амфорах и о пифосе, глаза археологов разгорались все ярче и ярче. А когда мальчик упомянул о таинственных рогах, торчащих из-под ила, Александрос не выдержал:

— Надевайте акваланги! Я хочу немедленно все это увидеть.

— Вы же запретили нам погружения, — обиженно сказала Олли.

— Я и сейчас запрещаю. Вы нам только один раз покажете, где это. Ну а если там и

вправду сенсация... Что ж, я могу взять свой запрет обратно. Знаете пословицу: победителей не судят. Если только вы и впрямь окажетесь победителями. Ну а если выяснится, что вы приняли за амфоры какие-нибудь губки, не видать вам прощения.

— Губки, кстати, очень похожи на керамические сосуды, — «утешил» ребят Джонатан.

Все четверо немедленно отправились на корабль. Джошу дали запасной пояс, и он нырнул, чтобы поднять свой. Перед погружением Александрос предупредил детей:

— Будем идти на разрешенной для вас глубине. Когда увидите, что мы доплыли до места, покажете нам, куда плыть, а сами останетесь на восемнадцати метрах. Я сам потом проверю ваши компьютеры.

До места доплыли без приключений. Правда, аквалангистам снова повстречался морской дьявол, но теперь Олли и Джош уже знали, кто это такой, и помнили, что он безопасен.

Олли помахала Джонатану, тот понял и взялся за фотоаппарат, всегда висевший у него на груди во время погружений. Ребята подплыли к чудовищу, которое замедлило ход и с интересом обнюхало их. Олли стало

слегка не по себе, когда прямо над ней распростерлись пятиметровые черные крылья и страшная морда оказалась совсем рядом с ее головой. Но морской дьявол действительно оказался не опаснее кильки. А фотографии, которые Олли осенью принесла в школу, вознаградили ее за пережитый страх.

— Это было даже эффектнее, чем если бы я сказала им, что живу в пещере! — позднее рассказывала Олли Джошу. — Все решили, что это монтаж, пока я не дала самое честное слово, что я правда фотографировалась с этим чудовищем. И у нас полкласса сразу записалось на дайвинг.

...А пока ребята указывали археологам путь к затонувшим сокровищам. Где искать сам корабль, лежащий на дне, Александрос, конечно, знал и сам. Но потом даже и ребята далеко не сразу нашли нужный уступ.

Гигантский корабль вытянулся вдоль обрыва на сто с лишним метров. Внизу, по крутому склону, висели, зацепившись за камни, бесчисленные обломки. На уступах громоздились груды железа. Вокруг висели куски сетей. И ни Олли, ни Джош не помнили, где именно болтался в своих сетях, как муха в паутине, злосчастный Этан Каин.

Разглядеть что-либо с высоты тоже было трудно. Олли и Джош метались над бездной, тщетно напрягая глаза и память. Наконец начальник тронул Олли за руку и сделал жест, который на языке дайверов обозначает «идем глубже». Вся компания опустилась до края обрыва, туда, где вчера ребята увидели фонарик Этана, отчаянно сигналивший им из бездны.

Олли показалось, что она вспомнила, и девочка не очень уверенно показала рукой вниз и влево. Джош отчаянно замотал головой и указал направо. Все вокруг было таким однообразным...

— Если бы я могла спуститься вниз, я бы сразу узнала нужное место, — подумала Олли. — А сами они будут много часов искать. Ведь все эти амфоры едва видны под слоем ила. Я и то не заметила их, хотя была рядом.

Видимо, Александросу пришла в голову та же самая мысль. Он жестами посоветовался с Джонатаном и вновь подал знак «опускаемся».

— Иногда эти взрослые не так глупы, как кажется, — подумала Олли. — В конце концов, с нами двое опытных дайверов. Теперь все будет хорошо.

И она смело пошла в глубину.

Вблизи найти нужное место не составило труда. Олли и Джош сразу узнали уступ, где они вчера так отчаянно сражались за жизнь и воздух. Обрывки сетей болтались на обломках железа. Ил был свезен и раскидан ластами. А под илом лежали ряд за рядом десятки больших глиняных амфор. Некоторые были разбиты, но большинство уцелело. Дальше лежали большие кувшины. Несколько огромных пифосов подпирали скалу. Тут же были разбросаны и другие предметы, но они были наполовину скрыты илом, и Олли не могла догадаться, что это такое.

Лица археологов были скрыты масками, но Олли догадывалась, что на них сейчас отразился восторг. Александрос и Джонатан застыли в изумлении. Потом Александрос выгнул из своей специальной подводной сумки мягкую щетку и осторожно провел ею по непонятному предмету, из которого торчали два длинных темных отростка.

Вода замутилась, но быстро очистилась, и глазам восхищенной Олли предстал ритон в форме бычьей головы. Конечно, он зарос какой-то подводной дрянью, но никакие

наросты не могли скрыть его благородную форму. Потемневшие рога когда-то были покрыты золотом.

Джош зажег фонарик, и драгоценные камни вспыхнули в пазнищах, которые несколько тысячелетий были скрыты от яркого света... Точно такой ритон был найден на Крите. Бык, символ Луны.

Раскопки начались через два дня. Все работы на участке подводной стены были срочно закончены, и яркие буйки, отмечавшие место раскопа, перенесли далеко в море. Софья и еще несколько сухопутных членов экспедиции обосновались в маленьком домике под названием «камералка», здесь им предстояло зарисовывать те предметы, которые уже успели поднять из затопленного города. Их к тому времени накопилось немало. А аквалангисты снова вышли в море.

Олли и Джош были полностью прощены.

— Победителей не судят! — торжественно объявил начальник экспедиции за ужином, и вручил детям огромный торт. Это было традицией — вкусный приз за особо ценную находку. Олли и Джош угостили всех, а остатки

торта унесли на берег моря и прикончили его, сидя на камнях.

Запрет на погружения был снят, но Олли и Джошу это не доставило особой радости: участвовать в подводных работах Александр им категорически запретил.

— Я не могу разрешить вам погружаться на такую глубину, — сказал он, — но вы можете работать наверху, на корабле. Будете следить за ситом, сквозь которое пропускается ил, идущий со дна. Там могут быть интересные находки. Кроме того, вы можете принимать амфоры, чистить их, ставить на них номера и записывать в тетрадку.

— Как скучно, — скривилась Олли. — Мы все это нашли, а теперь нам поручают работу, достойную каких-нибудь сухопутных крыс. Неужели нам нельзя еще хоть немного поработать под водой? Ну в виде награды... Лучше бы вы нам это вместо торта подарили.

— Хорошо, — улыбнулся Александр. — Будет вам награда. Сейчас под водой предстоит много работы ничуть не более интересной, чем на борту. Будем чистить, фотографировать, чертить. Но когда мы начнем поднимать находки наверх, я разрешу вам двоим

опуститься вниз и лично извлечь самую интересную находку. Можете выбрать ее сами. К тому времени вы уже будете знать, что лежит на дне. Ну а мы с Джонатаном присмотрим за вами, чтобы вы снова чего-нибудь не натворили.

— Снова не сделали важного открытия? — обиделась Олли.

— Ну не обижайся. Извини. В прошлый раз вы, действительно, ничего не натворили, а наоборот, спасли человека и нашли затонувший корабль пятнадцатого века до нашей эры.

— А это корабль? — изумился Джош. — Я думал, оно все просто так на дне лежит...

— Просто так на дне ничего лежать не может. Разве что случайная бутылка, выброшенная за борт. А сам город сюда не доходил, эти места были издавна скрыты под водой. Судя по тому, как лежат амфоры, здесь затонул корабль. Их обычно грузили ровными рядами, один над другим. Потому у амфор такие узкие днища: они должны были входить в промежутки между двумя горлышками, стоящими ниже. И так ряд за рядом. Амфоры сами удерживали друг друга. Ну а некоторые из них еще и связывали за ручки, для надежности.

— Но сейчас они без особого порядка лежат, — возразила Олли.

— Корабль, на котором они плыли, давно рассыпался. Естественно, что при этом вся конструкция развалилась. Но ее остатки просматриваются. А судя по форме этих амфор, они были сделаны в пятнадцатом веке до нашей эры. Чтобы сказать точнее, мне надо их внимательно изучить.

— А я думал, что амфора, она амфора и есть, в любом веке, — удивился Джош. — Разве по ней видно, когда она сделана?

— Конечно! Амфоры только на первый взгляд похожи друг на друга. В разные времена была разная мода, а в разных местах была к тому же еще и разная глина. По черепку мы можем довольно точно определить, где была изготовлена амфора, например, на Крите, или на Хиосе, или на Кеосе. Или и вовсе в Афинах. А по форме можно угадать дату, иногда с точностью до пары десятков лет.

— Ты ведь всегда отличишь чашку или тарелку, из которых твои родители ели в детстве, от современных, — вмешалась Олли. — Вроде, все такое же точно, а что-то все-таки иначе. У бабушки есть три чашки из сервиза, который ей подарили в молодости. Она их

бережет на память и разрешает из них пить только по праздникам. Я не знаю, чем они отличаются, а только сразу ясно, что они старые.

— Правильно, — улыбнулся Александрос. — А археолог к тому же знает, чем отличаются амфоры каждой эпохи. Так что очень скоро я смогу вам более или менее точно сказать, когда произошло кораблекрушение. Конечно, кроме амфор, мне помогут и другие предметы. На них ведь тоже мода менялась.

— А мне все равно не понятно, — настаивал Джош, — как вы узнаете эти даты. Ведь в те времена в Греции письменности почти не было, и годы считали иначе. Пусть вы знаете, что эта форма амфор всегда встречается рядом с какими-то другими предметами, которые были в моде в то время. Но как узнать, что это было за время? Даже если найдена какая-нибудь глиняная табличка и на ней написано, что это время правления какого-нибудь царя Миноса. Откуда мы знаем, когда он правил?

— Хороший вопрос, — улыбнулся Александрос. — Чтобы узнать дату, есть много способов. Например, радиоуглеродный анализ. Живые существа едят, пьют, дышат и

при этом поглощают некоторое количество радиоактивного углерода. Его атомы очень неустойчивы и понемножку распадаются. Но пока животное или дерево живы, они возобновляют его запасы. А когда они умирают, радиоактивного углерода в их останках с каждым годом становится все меньше. Достаточно проверить, сколько его осталось, и можно узнать сколько лет назад срубили это дерево.

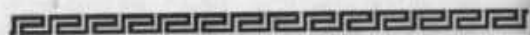
— Понятно! — воскликнула Олли.

— Иногда, — продолжал археолог, — в древнем тексте упоминается событие, дату которого легко вычислить, например, солнечное затмение или появление кометы. А еще есть такая наука, дендрохронология. Она позволяет с точностью до года установить дату, когда было срублено дерево, по его годовым кольцам. Ведь у дерева каждый год не просто нарастает одно новое кольцо — эти кольца имеют разную толщину в зависимости от того, был ли год жарким, или холодным, засушливым, или влажным. У всех деревьев, живших в одной местности в одно и то же время, соотношение колец будет примерно одинаковым. А если спилы частично совпадают — значит, часть жизней этих деревьев

совпала... и такие цепочки совпадений иногда удастся проследить до нашего времени.

— Понял! — закричал Джош. — Значит, если мы сегодня срубим древний дуб, мы посчитаем его кольца и узнаем, что ему тысяча лет. И тогда для каждого года из этой тысячи мы будем иметь картину колец.

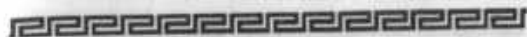
— Правильно. Только дубы, пожалуй, не живут так долго. А вот оливы живут. Но не обязательно рубить деревья. Например, если мы нашли древний ствол, погибший при землетрясении, и дата землетрясения нам известна из летописи, то мы получаем картину колец на столько лет назад от землетрясения, сколько лет было этому дереву. А потом мы найдем остатки другого дерева, постарше. Часть его колец совпадает с нашим дубом, мы поймем, какие это годы. Тогда и остальные кольца второго дерева получат свои даты. А рано или поздно найдется еще более древнее дерево, которое пересекается со вторым. И так выстраивается общая картина на много сотен и даже на тысячи лет. Достаточно знать в этой картине одну единственную дату одного единственного кольца, чтобы остальные выстроились за ней в обе стороны. Понятно?

— Конечно понятно, — сказала Олли. — Если мы находим, например, бревно, которое поддерживает крышу землянки, мы сравниваем его кольца с теми, дата которых известна. Теперь мы можем сказать, когда эта землянка была построена. И мы узнаем, когда сделали амфору, которая лежала в этой землянке. А потом, когда мы найдем похожую амфору, но уже без бревна, мы сравним ее с первой и будем знать, когда она была сделана... Все очень просто.

— Ну не так просто, как тебе кажется, — улынулся Александрос. — Но с каждым годом у археологов появляется все больше точных способов для датировки... А теперь хватит разговоров, мне пора под воду, а вам пора идти к ситу и смотреть, не попадется ли в него что-нибудь ценное.

Поначалу Олли и Джошу не слишком нравилась их новая работа. Они умудрялись с головы до ног испачкаться, но ничего, кроме скучных черепков им не попадалось. Зато каждый день аквалангисты рассказывали им о новых и новых находках, сделанных под водой. Ребята уже знали, что там расчищены ритон в форме бычьей головы, десятки

амфор, несколько пифосов, множество медных и оловянных слитков.

А потом каждое новое погружение стало приносить сенсационные новости. Нашли бронзовый кинжал с золотой рукояткой, пару статуэток, кувшин, наполненный жемчугом... Расчистили груды серебряных и золотых перстней и браслетов. Конечно, они потеряли былую красоту, покрылись наростами и слиплись друг с другом. Но была надежда, что реставраторы сумеют их восстановить.

Однажды Джонатан поднялся на поверхность взволнованный и рассказал, что он обнаружил под одним из медных слитков глиняную обожженную табличку, покрытую неизвестными письменами, и несколько бусин. Находка произвела фурор. Ведь до наших дней дошло мало документов той эпохи. Трогать табличку, конечно, было запрещено, но Джонатана как мог расчистил ее и сделал несколько снимков.

— Это линейное письмо Б, — воскликнула Софья, взглянув на фотографию. — Так критяне стали писать в пятнадцатом веке. Я с ним немного знакома. Попробую прочесть его.

Александрос освободил Софью от всех остальных обязанностей, и она засела за перевод. А тем временем аквалангисты стали поднимать со дна моря амфоры и тяжелые пифосы. Олли и Джош давно гадали, как это будут делать. Все оказалось очень просто: на дно протянули шланг, сосуд переворачивали и наполняли воздухом. Воздух вытеснял воду, и легкий пифос почти как воздушный шарик поднимался на поверхность; его надо было только слегка придерживать, чтобы он не перевернулся.

На палубе Олли, Джош и еще двое археологов принимали находки. Это была трудная работа. Гигантские пифосы казались легкими только в воде, поднять их на борт судна и при этом не разбить оказалось не так-то просто. Еще сложнее было вытаскивать медные и оловянные слитки. К счастью, все они, как один, имели ручки. К этим ручкам археологи еще на дне привязывали веревку, и хрупкий, изъеденный соленой водой слиток осторожно поднимали на поверхность воды, а потом и на борт.

— Как здорово, что древние люди придумали делать слитки с ручками, — восхитилась Олли. — Если бы они еще придумали делать их полегче...

— Вес слитков не случаен, — сказал Спиро, — который вместе с Джошем вытаскивал на палубу очередной кусок металла. — Все они весили чуть больше двадцати пяти килограммов. Это была древняя мера веса, она называлась талант. Вообще-то, талантов известно несколько: был царский талант — шестьдесят килограммов, был большой золотой талант — пятьдесят килограммов. Ну а эти слитки до того, как их изъела соль, судя по всему, весили малый золотой талант. Позднее талант серебра или золота стал означать денежную единицу. Так и говорили: это имение стоит три таланта серебром.

— Смешно, — сказал Джош, — талант — это способности человека. При чем здесь вес? Или это случайно совпало?

— Нет, не случайно. А разве вы не знаете легенду о зарывании таланта?

— Я не знаю, — смутился Джош.

— Ну тогда я вам ее расскажу, пока нам следующий талант не подняли. Некий человек, отправляясь в путешествие, оставил деньги трем своим слугам. Двоим, самым способным, он дал по нескольку талантов. А третьему, поглупее и поленивее, — только один. Двое слуг полученные деньги пусти-

ли в оборот и умножили их. А третий слуга поленился и просто зарыл свой талант в землю. Когда хозяин вернулся домой, двое слуг вернули ему деньги в двойном размере, и господин наградил их. А ленивый слуга вернул тот самый талант, который прятал в земле, и был наказан. Оттуда и пошла поговорка «зарыть талант в землю» — не использовать сокровища, которые тебе достались. А потом и слово «талант» как «способности» появилось.

— А талант как денежная единица — это много?

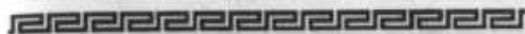
— Много. На талант серебра можно было построить военный корабль. Золото стоило дороже в десять раз, а часто и больше...

В это время на палубу выбежала взволнованная Софья.

— У меня известие! — закричала она. — Олли, слушай внимательно, тебе это больше всех будет интересно!

Археологи сбежались и окружили девушку. Софья держала перед собой исписанный и исчерканный лист бумаги.

— Я почти закончила расшифровывать надпись, — объявила она. — Кое-что мне еще не до конца понятно, но ясно главное: это

опись имущества из храмовой сокровищницы Кносса. Здесь много всего перечислено: золотые кубки, ритон в форме бычьей головы, браслеты, драгоценные камни, статуэтки... И главная ценность — три талисмана богини луны, вырезанные из селенита. Один из них изображает саму богиню, второй — быка, который везет ее повозку по ночному небу. И третий — лунный серп.

Олли и Джош застыли в изумлении. Они уже потеряли надежду найти известия о лунных талисманах Крита. И вот табличка с бесценной информацией сама приплыла к ним в руки.

— А еще, что еще там сказано, Софья? — закричала Олли.

— Больше ничего. Только опись сокровищ. Но дело в том, что некоторые из этих предметов лежат на дне. Ведь и ритон, и браслеты, и статуэтки нами уже найдены. Значит и лунные талисманы могут быть здесь же!

— Софья! — не смея верить в удачу спросила Олли. — Но как все это оказалось здесь?

— Не знаю. Это еще надо обсудить. Наверное, ахейцы, ограбившие храмовую сокровищницу, потерпели крушение. Вспомни свой сон...

— Теперь я верю, что это был не сон! Но, Софья! Ведь талисманы до сих пор не найдены!

— Раскопки еще не закончены, — улыбнулась Софья. — Зачистка завершена, но ведь маленькие предметы могут лежать внизу, под большими. Нас ждет еще много открытий.

Открытие, предсказанное Софьей, действительно свершилось. Через два дня Джонатан, поднявший со дна небольшой глиняный кувшин, обнаружил прямо под ним, в расселине скалы, что-то светлое и яркое. Он схватил щетку, и через несколько мгновений его глазам предстала маленькая селенитовая фигурка — круторогий бык, несущий на голове лунный диск. Лунный талисман!

Олли не стоило особого труда уговорить начальника экспедиции, что именно она должна извлекать находку со дна моря. Александрос помнил свое обещание. И на следующий день, когда селенитового быка сфотографировали, зачертили и нанесли на план, Олли с Джошем после долгого перерыва снова облачились в гидрокостюмы. Александрос и Джонатан опускались вместе с ними. Детям пришлось выслушать длинную

лекцию по правилам безопасности. Олли клятвенно пообещала, что при первых признаках азотного опьянения она немедленно сообщит взрослым, и они вместе с ней поднимутся на безопасную глубину. Александрос собственноручно закрепил на аквалангах Олли и Джоша по дополнительному баллончику со смешным названием «пони». Эти баллончики содержали совсем немного воздуха, но его было достаточно, чтобы спокойно подняться наверх, если что-то произойдет с основным баллоном.

И вот Олли вновь парила в невесомости над обрывом, где им с Джошем пришлось пережить столько опасных приключений. Но на этот раз она не чувствовала страха. Рядом с ней были опытные дайверы, и девочка уверенно пошла в глубину.

Над раскопом кипела работа. Аквалангисты наполняли воздухом амфоры. Кто-то складывал в специальные сумки мелкие находки. На каждой сумке был проставлен номер одного из квадратов, на которые с помощью решетки было разделено морское дно. В стороне чертежница заканчивала заносить участок дна на план — отсюда находки пока не вынимали.

Джонатан и Александр зависли над одним из квадратов. Олли опустилась чуть ниже, и сердце ее замерло: в расселине между камней лежала маленькая, не больше ее кулака фигурка. Стройное и вместе с тем мощное тело быка было вырезано из полупрозрачного камня. Он мягко мерцал, несмотря на покрывающие его наросты. Камень казался голубоватым, но Олли знала, что это впечатление обманчиво. На поверхности голубизна сменится желтоватым лунным сиянием.

Девочка опустилась на дно и осторожно достала талисман из расселины, в которой он пролежал три с половиной тысячи лет. Он дружелюбно и плотно лег на ее ладонь. Только сейчас Олли разглядела у самого основания его рогов небольшой лунный серп.

Эпилог

Через несколько дней работа на новом раскопе подошла к концу. Аквалантисты вернулись на развалины городской стены Айя Ирини, затопленной морем. Софья и другие «сухопутные» участники экспедиции сидели в камералке и обрабатывали находки.

Желая порадовать Олли, Софья в первую очередь занялась селенитовым быком. Ей помогли друзья-реставраторы, и через несколько дней лунный талисман был отчищен от всех наслоений моря. Теперь он снова выглядел так, как в те далекие дни, когда его изваял в честь своей богини безымянный критский мастер.

— Может быть, это работа самого великого Дедала, — думала Олли. — Ведь он очень

долго жил на Крите уже после того, как построил дворец и лабиринт. Должен же он был чем-нибудь заняться...

Олли каждый день забегала в камералку посмотреть, как идет работа. Александрос еще не решил, в какой из музеев Греции будет передана находка, но он обещал обязательно написать об этом Олли. Девочка рассказала ему историю с лунными талисманами. Ученый не очень поверил в проклятие мумии, но с другой стороны мало ли чего не бывает на свете... Археологи народ суеверный.

— Не волнуйся, — говорил Александрос, — находки, конечно, принадлежат государству, но археологи имеют право голоса при обсуждении их судьбы. Я обязательно помогу тебе собрать все амулеты вместе. Устроим всемирную выставку лунных талисманов, например, у нас, в Афинском археологическом музее. На головку, которую вы нашли в донских степях, мне особенно интересно посмотреть, ведь она родом с Крита.

Олли сбросила на компьютер Александра фотография лунного талисмана, найденного в кургане. И конечно же, она сделала множество снимков селенитового быка.

Наступила пора возвращаться в Англию. В последний вечер Олли, Джош, Джонатан и Софья вместе сидели на берегу и смотрели на заходящее солнце. Море искрилось расплавленным золотом, полыхало алыми отсветами. Тонкий полупрозрачный серп луны уже светился в розоватом небе.

— Я все-таки хочу понять, что произошло с талисманами, — сказал Джош. — Кто и как их похитил, как они оказались один — на морском дне, а второй — в донских степях.

— И самое главное, куда делся третий талисман? — добавила Олли.

— Но ведь все понятно! — сказал Джонатан. — Ахейцы ограбили сокровищницу Кносса, и боги в отместку наслали на них страшную кару. Они вызвали извержение вулкана, и корабль, который вез нечестивцев, погиб. А с ним и остров Санторин, и чуть не все прибрежные города.

— Ты ошибаешься, — возразила Софья. — Ведь этот корабль затонул в пятнадцатом веке до нашей эры, а самые последние данные говорят, что Санторин погиб в семнадцатом веке, на сто с лишним лет раньше, чем мы до сих пор считали.

— Откуда ты знаешь? — изумился Джонатан.

— Недавно там под слоем пепла нашли точку оливы. Радиоуглеродный анализ показал, что она погибла в семнадцатом веке, значит, это и есть дата извержения. В те времена ахейцев на Крите еще быть не могло. Они вторглись к нам в пятнадцатом веке, кстати, и наши находки относятся к этому времени.

— Я догадываюсь, как было дело, — сказал Джош. — Землетрясение семнадцатого века ослабило Крит, и тогда ахейцы его завоевали. Они разграбили сокровищницу и увезли все ценности вместе с табличкой. Может, критские жрецы уже чувствовали, к чему все идет, и спрятали сокровища в один мешок. Вот ахейцы его и прихватили, прямо с описью.

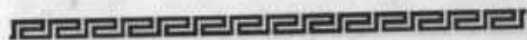
— Точно! — сказала Олли. — А корабль их потонул без всякого извержения вулкана. Богиня могла на него наслать обычный шторм. Селена, она ведь не злая, она бы не стала из-за горстки ахейцев губить столько народа. Мне она показалась очень милой, доброй и грустной. По крайней мере, ее жрица очень милая.

— Конечно, ведь она похожа на нашу Софью, — улыбнулся Джонатан. — Но все-таки непонятно, почему на корабле только один талисман.

— Мне кажется, это очень просто, — сказала Софья. — Ахейцы ведь были не просто случайными грабителями. Они подчинялись своим царям. Наверное, воины, разграбившие Кносс, отвезли часть сокровищ к себе домой, посвятили своим богам или отдали в царскую сокровищницу. Так два талисмана оказались в каком-то греческом городе; один из них потом с Гераклом попал в степи Танаиса. А третий талисман с остатками сокровищ грабители решили продать. Они повезли их на своем корабле, но разгневанная богиня их погубила.

— А может быть, они вовсе не хотели делиться с царями, а сразу поехали продавать сокровища, — предположила Олли. — А когда богиня послала на них шторм, кто-то из ахейцев взял из мешка столько, сколько мог унести: два талисмана. Он спасся, а с ним и талисманы. А третий талисман утонул. Значит, два талисмана из трех оказались в одном из греческих городов. Но ведь мы никогда не узнаем, в каком именно...

— А я, наверное, знаю, в каком именно, — воскликнул вдруг Джош. — Ведь Геракл все то время, что он совершал свои подвиги, жил возле Микен. Он же подчинялся микенскому

придется последовать за Гераклом и повторить его путешествия.

— Но талисман мог достаться не только Гераклу, — сказал Джонатан. — Геракл был всего лишь слугой микенского царя Эврисфея. Я думаю, что хоть один из критских талисманов должен был попасть в царскую сокровищницу. А потом он мог угодить и в Пилос, и на Итаку, и даже в Трою... Ведь позднее именно из Микен царь Агамемнон повел свои войска на Трою. Почему бы ему было не захватить с собой священный талисман, чтобы он помогал ему в дороге. А сначала ахейцы собирали свои войска на острове Эвбея, значит талисман мог оказаться и там.

— Короче, мы едем в Грецию времен Геракла и Троянской войны! — объявила Олли.

— И не только в Грецию! — возразил Джонатан. — Ведь Троя находится в современной Турции. А Геракл, тот и вовсе обошел пол-Европы. Нам предстоит большое путешествие. Но начнем мы его в Микенах.

— Ура! — в один голос закричали Олли и Джош.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	3
ГЛАВА 1. Кораблекрушение	18
ГЛАВА 2. Необитаемый остров	43
ГЛАВА 3. Праправнучка жрицы Луны	60
ГЛАВА 4. Остров Крит	85
ГЛАВА 5. Нить Олли—Ариадны	104
ГЛАВА 6. Жрица Луны	127
ГЛАВА 7. Остров Санторин	155
ГЛАВА 8. Подводный город	190
ГЛАВА 9. Затонувший корабль	217
ГЛАВА 10. Спасение Этана Каина	237
ГЛАВА 11. Талисман Критской жрицы	253
Эпилог	279

Литературно-художественное издание

Для детей среднего школьного возраста

Серия «Талисман»

А. Ф. Джоис

ТАЙНА КРИТСКОЙ БОГИНИ

Художник *Елена Казанцева*

Ответственный за выпуск *О. Корчагина*

Литературный и научный редактор *Олег Иших*

Художественный редактор *А. Гладышев*

Технический редактор *Н. Ремизова*

Корректор *И. Башлаев*

Компьютерная верстка *М. Бухаровой*

Подписано в печать 15.12.09. Формат 84х108 1/16

Бумага писчая. Типографа «Нико-Баскерицки».

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,2. Тираж 2500 экз. Изд. № 09-0681

Заказ № 740

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»

129626, г. Москва, Проспект Мира, д. 102, стр. 12

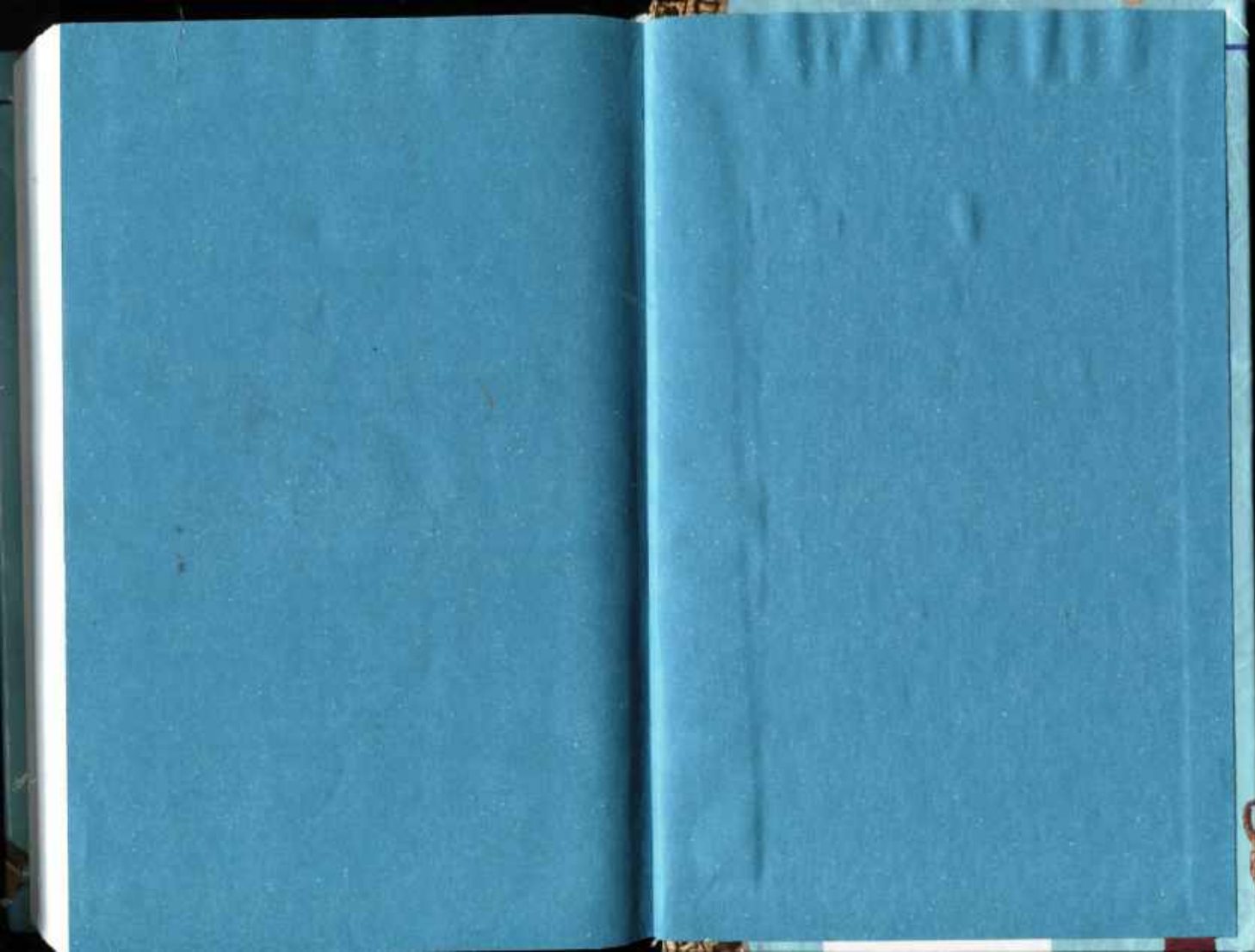
Почтовый адрес: 143421, Московская область, Красногорский район,
26-й км автодороги «Балтия», комплекс ООО «Вега-Лайн», стр. 3

www.olmamedia.ru

Отпечатано в типографии ООО «Самарский дом печати»

443052, г. Самара, пр. Кирова, 24.

Аmm-Rit-Saka-sun
Kaulitz-Aoyagi

1432

Приключения Олли Кристи и ее друга Джоша
продолжаются.

В поисках очередного Лунного талисмана ребята от-
правляются на остров Крит. Корабль, на котором они
плывут, терпит кораблекрушение и вместе с местной
девушкой-археологом любознательных следопытов
выбрасывает на пустынный остров.

Прежде чем их спасут, Олли и Джошу предстоит пере-
жить немало испытаний и приключений.

Книги серии:

ТАЙНА ЕГИПЕТСКОЙ ГРОБНИЦЫ

ТАЙНА СВЯЩЕННОЙ ГОРЫ

ТАЙНА ХРАМА ИНКОВ

ТАЙНА ДРЕВНЕГО СВИТКА

ТАЙНА ПРОРОЧЕСТВА ДА ВИНЧИ

ТАЙНА КУРГАНА АМАЗОНК

ТАЙНА КРИТСКОЙ БОГИНИ

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

ISBN 978-5-373-03103-5

9 785373 031035